СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 № 19—20

30 ОКТЯБРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 30 ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 48099. Тираж 40000 экз.

Типография из-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. наб., д. 23а

Гарантийный пакт и СССР.

В анналы истории капиталистической Европы вписывается новая глава—Локарнское соглашение.

На бурные волны капиталистического моря вылито несколько бочек масла, в виде гарантийных и арбитражных договоров, долженствующих сгладить существующие противоречия и дать миру мир.

Надолго ли?

Уже стало трюизмом утверждение, что чем больше в лагере капиталистов кричат об установлении мира и равновесия, тем больше и очевиднее опасности новых конфликтов.

О вечном мире кричали во время Версаля, обезоруживая, лишая огромных территорий и колоний первостепенную мировую державу—Германию. Но перед странами-победительницами тотчас же выросли новые проблемы: Версальский мир показал свою несостоятельность. Франция трепетала при мысли о германском реванше, Англия не могла помириться с необычайно усилившейся военной мощью Франции, уничтожение германского и русского рынков потрясли до основания мировую экономику. Оказалось, что Версальский мир никого не удовлетворяет, несет зародыши новых войн.

Какие изменения внес в это положение гарантийный пакт? Прежде всего Германия добровольно признала установленные Версалем границы, тем самым как бы отказавшись от идеи реванша.

Если при заключении Версальского мира Германия вынуждена была без всяких обсуждений подписывать все, что ей преподносилось победителями, то при обсуждении Локарнских соглашений она выступала равноправным членом капиталистической «семьи». Вот почему ее добровольное признание «справедливости» Версальских миротворцев расценивается, как отказ от реванша. Вот почему говорят о наступлении «новой эры».

Но французские националистические газеты уже говорят о том, что Германия добилась права требовать пересмотра версальского договора и возможности подготовить военный реванш. Каким образом может случиться, что в одно и то же время празднуется победа над идеей реванша, и эта же идея выдвигается как результат Локарно?

Локарнское соглашение предусматривает вхождение Германии на равных правах с остальными державами в Лигу Наций. Англия выступает уже не в качестве союзника и гаранта Франции против возможной агрессии Германии, а подчеркивает двухсторонность своих гарантий. Если Франция получает обеспечение от притязаний Германии на Эльзас и Лотарингию, то и Германия обеспечена против повторения событий, подобных Рурской оккупации.

Локарнское соглашение касается только западных границ Германии (почему и называется Рейнским пактом). Восточные вопросы (в частности, вопрос о восточных границах Германии) остались в стороне и могут быть переданы на усмотрение Лиги Наций и третейских трибуналов.

Германии дано несколько вольное толкование § 16 Устава Лиги Наций в том смысле, что страны, члены Лиги Наций, обязаны принимать активное участие в санкциях Лиги против государства, признанного нарушителем мира, «в той мере, в какой это допускает их военное положение и учитывая их географическое положение».

Уже сам факт вхождения Германии на равных правах с остальными державами в Лигу Наций как будто открывает перед ней возможность постановки вопроса о пересмотре Версальского договора. Статья 19 статута Лиги Наций говорит о том, что «собрание может от времени до времени приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир».

Допустив даже незыблемость status quo западных границ, Германия получает возможность надеяться на компенсирование потери Эльзаса и Лотарингии за счет своих восточных соседей. Последней судебной инстанцией для разрешения могущих возникнуть восточных конфликтов, согласно арбитражных договоров, является Лига Наций, в Совет которой входит Германия.

Что заставило союзников ввести Германию в «семью» империалистических держав? Кто является инициатором «пакта» и кому он выгоден?

История международных отношений за последние годы дает яркую картину систематически проводимой Англией политики перегруппировки сил в Европе, политики начавшейся с момента отказа Соединенных Штатов, а вслед за ними и Англии, от ратификации временного оборонительного союза между ними и Францией. Вслед за этим—систематический саботаж Англией всех стремлений Франции закрепить и углубить свои Версальские достижения. Достаточно напомнить пассивное отношение Англии к Рурской оккупации, отказ от ратификации женевского протокола, план Дауэса, связывающий Францию по рукам и ногам и совершенно лишивший ее возможности самостоятельного нажима на Германию, снятие с Германии, по инициативе Англии, обязательства предоставлять странам-победительницам право безусловного наибольшего благоприятствования, наконец, инициатива, проявленная Англией в смысле давления на Францию для прекращения рурской оккупации и т. д. и т. д.

Потребовалось почти шесть лет, чтобы полностью выявить те тенденции, которые намечались еще в 1919 г. почти сразу после победы союзников над Германией. Завершением этих тенденций является гарантийный пакт, долженствующий создать такое «равновесие» сил в Европе, при котором ни одна страна не могла бы претендовать на роль гегемона на континенте.

Внутреннее и колониальное положение Англии, определяющие основные линии ее политики, складываются из следующих моментов: промышленной депрессии, кризиса рынков сбыта, растущей безработицы, растущей активности рабочего класса, тяготения английских доминионов к Соединенным Штатам, волны национально-освободительного движения в колониях и полуколониях, все большей зависимости Англии от Соединенных Штатов.

Внешняя торговля Англии ухудшается с каждым годом.

В 1922 г.	импорт	превысил	экспорт	на	179,9	мил.	фун.	ст.
„ 1923 „	„	„	„	„	210,4	„	„	„
„ 1924 „	„	„	„	„	344,3	„	„	„
„ 1925 „	„	„	„	„	400,0	„	„	„

Кризис рынков сбыта грозит в недалеком будущем глубочайшими не только экономическими, но и политическими затруднениями. Число безработных достигает в июле 1925 г. 1.368.000 человек, по сравнению с 1.049.000 в июле 1924 г. На почве безработицы и ухудшения условий труда с каждым днем растет активность английских рабочих масс. Достаточно яркий пример этого—массовое резкое полевение английского профессионального движения.

Вместе с тем, экономические узы, связывавшие Англию и ее доминионы слабеют с каждым годом. Канада совершенно откровенно тяготеет к Соединенным Штатам. Капитал Соединенных Штатов, вложенный в канадскую промышленность, достигает 2.425 миллион. долларов, против 420 милл. дол. в 1915 г.; английский капитал равен лишь 1.922 милл. дол. против 1.860 в 1915 г. В 1908—1910 г.г. Канада заключала 75,5% своих займов в Англии и лишь 9% в Соед. Штатах. В 1914—22 на долю Англии приходится 2%, на долю Соединенных Штатов 33%. Декларация канадского премьера Макензи Кинга (еще в 1924): «Либо дипломатическое равноправие Канады с Англией в пределах Британской Империи, либо присоединение ее к Соединенным Штатам»—является, таким образом, политическим завершением глубоких экономических процессов. Переход к золотой валюте и стремление, во чтобы то ни стало, удержать курс фунта

на паритете с долларом привели к катастрофическому уменьшению вывоза английского капитала.

Если количество инвестированного за границей английского капитала в 1913 г. принять за 100, то

в 1923 г. было инвестировано	. . . .	64,4
„ 1924 „ „ „	. . . .	40,7
„ 1925 „ „ „	. . . .	9,0

Такое положение вещей является угрозой не только влиянию Англии в доминионах (между прочим, характерно, что последний заем Австралии покрыт на 3/4 С. Ш. и только на 1/4 Англией), но и ее мировому господству. Отсюда для Англии два выхода: во-первых, сотрудничество с американским капиталом, бороться с которым она уже не в силах. Во-вторых, перенесение центра тяжести своей политики, больше, чем когда бы то ни было раньше, на восток, удержание в своих руках богатых восточных рынков.

Первая задача, хоть и ценой больших жертв и уступок, но все же осуществлена. За время с февраля 1923 г. (т.-е. с момента подписания англо-американского соглашения о долгах), Англия уплатила Соединенным Штатам до 90 миллионов долларов, тогда как ни одна страна еще даже не приступила к сколько-нибудь серьезному урегулированию своих долгов. Англия, отступая от своей традиции, в силу которой ее флот должен быть равен двум крупнейшим флотам других стран, вместе взятым, признала равенство своего флота с флотом С. Ш. Покупая этими уступками сотрудничество американского капитала, она выступает почти формальным агентом С. Ш. в Европе.

Что касается английского устремления на восток, то здесь на его пути вырастают такие мощные преграды (достижение полной независимости Афганистаном, национально-прогрессивные правительства Персии и Турции, национально-освободительное движение в Египте и Китае и т. д. и т. п.), которые требуют от нее концентрации всех сил и всего внимания на востоке, полной свободы рук и обеспеченности в Европе. Отсюда и основные принципы английской политики в Европе: равновесие сил, «замирение» наиболее острых конфликтов, могущих привести к открытым столкновениям, несвязывание своей судьбы с судьбой какой-либо другой европейской державы, могущей втянуть Англию в один из постоянно возникающих европейских конфликтов, превращение Германии в орудие проведения ее политики на континенте. Под этим углом зрения проводится вся английская политика.

Империалистическая война разорила сильнейшего военного и промышленного конкурента Англии—Германию. Версальский договор закрепил это разорение. Но сразу же выросла другая опасность—чрезмерное усиление Франции.

Военная мощь Франции, система окружения Германии путем континентальных союзов с ее восточными соседями (Польша, Малая Антанта), давали ей возможность не только претендовать на роль гегемона на континенте, но и создавали постоянную опасность новых военных авантюр на подобие рурской оккупации. Гарантийный пакт должен был, по мысли Англии, обезвредить Францию. Согласно статьи третьей гарантийного соглашения Франция (как и Германия) обязуется разрешать все спорные вопросы через Лигу Наций, т.-е. Англия фактически получает права арбитра при всех возникающих между Францией и Германией спорных вопросах.

Выше мы уже указали, как систематично и упорно Англия проводила в течение шести лет политику ликвидации тех чрезмерных выгод, которые, по ее мнению, получила Франция в эпоху Версаля. Не менее систематична и упорна была Англия и в эпоху предшествовавших Локарно переговоров о гарантийном пакте. Все усилия Франции сводились к попытке сохранить в силе свои континентальные союзы. Англия не только категорически отказалась гарантировать восточные границы, но и заставила Францию отказаться от права немедленно по возникновении польско-германского конфликта вступить в демилитаризированную Рейнскую зону, на помощь Польше. Англия заставила Францию свести свои права защитника Польши в рамки Лиги Наций, подчиняя, таким образом, Францию ее длинным процедурам и наполовину обесценивая французские континентальные союзы.

Конечно, английская политика в Европе не может допустить и противоположного явления, чрезмерного усиления Германии. Но последняя так надежно связана планом Дауэса, так безусловно вынуждена будет играть роль верного слуги Англии в Лиге Наций, чтобы не остаться окончательно изолированной, что этот вопрос, по крайней мере на ближайшее время, теряет всю свою остроту. Гарантийный пакт усиливает влияние Англии в Лиге Наций, т. к. она сможет противопоставить вышеуказанного проводника своего влияния — Германию, французским вассалам: Польше, Чехо-Словацкой республике, Румынии и др., он лишает Францию возможности проведения самостоятельных санкций, ослабляет значение ее континентальных союзов. Англия выдвигает себя в роли постоянного арбитра и вершителя судеб европейских народов, оставляя за собой полную свободу действий. Она открывает себе возможность выдвинуть в ближайшем будущем вопрос о разоружении Франции, поскольку с момента гарантии германо-французской границы, последняя лишается формального повода для содержания крупной армии.

Неудивительно, что при таких условиях, политика заключения гарантийного пакта, проводившаяся консервативным правительством, встретила полное сочувствие и поддержку со стороны всех английских буржуазных партий.

Ллойд-Джорджевская критика предварительных переговоров сводилась исключительно к требованию устранения возможности сепаратных и независимых выступлений Франции, к требованию того, чтобы обязательный арбитраж был распространен на все конфликты, могущие возникнуть на основании Версальского договора, и чтобы у Франции, таким образом, раз и навсегда было отнято право применения санкций иначе, как на основании постановления Лиги Наций.

По существу критика Ллойд-Джорджа сводилась к укреплению позиции английского правительства, к облегчению ему возможности нажима на Францию. Даже Макдональд, еще в начале июня заявлявший, что «вся рабочая партия будет против соглашения, которое является не началом всеобщего соглашения для поддержания мира, но только началом индивидуальных пактов, союзов и гарантий», уже две недели спустя, во время прений в палате общин, свел свою критику к трем условиям: «Во-первых, нельзя допустить, чтобы какое-нибудь одно государство занимало в Европе господствующее положение. Во-вторых, необходимо признать пагубность принципа союзов и, в-третьих, нужно признать, что никогда трудолюбивый и необычайно бережливый (германский) народ, располагающий деловыми и научными умами и величайшими экономическими возможностями, что никогда народ, обладающий этими богатствами, не может быть надолго удержан в угнетенном положении».

Эти три условия Макдональда—недопущение гегемонии какой-либо одной державы на континенте, отказ от заключения связывающих Англию союзов и политика всестороннего восстановления Германии, совпадают с правительственной линией не меньше, чем условия Ллойд-Джорджа.

Уже одно это единодушие различных английских политических деятелей с достаточной очевидностью указывает на то, что заключением гарантийного пакта Англия проводит в жизнь одну из основных задач своей международной политики.

Задача заключается в обеспечении такой перегруппировки сил в Европе, которая дала бы Англии максимальную свободу действий в колониях и полуколониях, позволила бы ей усиленной деятельностью на востоке восстановить шаткое внутреннее равновесие. Трудно думать, чтобы английские консерваторы сами верили тому, что источником всех колониальных затруднений является «большевистская пропаганда» и «деятельность Коминтерна». Но одно неоспоримо. Сам факт существования и необычайного экономического и политического роста первой в мире республики трудящихся, сам факт существования могущественной страны, не стремящейся никого порабощать, но, наоборот, полностью проводящей у себя лозунг освобождения всех угнетаемых,—является величайшим революционным фактором, величайшим стимулом для освободительного движения среди порабощенных восточных народов. Вместе с тем, по своему географическому положению, еще и царская Россия рождала всегда серьезнейшие опасения у Великобритании. Ее границы с Индией, Китаем, Афганистаном, Персией никогда не давали покоя царице морей и царице колоний. Октябрьская революция уничтожила опасность империалистического единоборства России с Англией в этих странах, но одновременно, породила новую, несравненно более серьезную. Если активности царского правительства Англия могла противопоставить свою активность, то против самого факта существования Союза Советских Социалистических Республик Англия бессильна. Если не удались открытые интервенции, то не ослабло желание нарушить процесс восстановления хозяйства СССР путем изоляции ее рынков, финансовой, кредитной блокадой и т. п., и в этом смысле гарантийный пакт можно рассматривать только, как новую угрозу. Отрыв Германии от СССР путем включения ее в «семью» империалистических народов, путем подчинения ее внешней политики через Лигу Наций интересам и задачам враждебной нам Англии, гарантия рейнских границ, но намеки на возможность компенсации на востоке,—средства, избранные Англией и заставляющие не только нас, но и об'ективно настроенную буржуазную прессу усматривать в гарантийном пакте—новую антисоветскую группировку, логикой вещей, могущую втянуть в орбиту своей антисоветской деятельности и Германию. Таким образом, гарантийный пакт, по мысли Англии, должен не только служить орудием проведения ее европейской политики, орудием, посредством которого она ослабит Францию и окончательно свяжет Германию, но и проводником ее восточных задач: создания новых угроз Союзу Советских Социалистических Республик. А разоруженная, обремененная непосильными платежами странам-победительницам, лишенная колоний, лишенная железно-угольного бассейна Эльзаса и Лотарингии на Западе, богатейшей части Силезии на востоке, искусственно разделенная теперешним польским коридором, замкнутая в тесное кольцо между враждебной и вооруженной до зубов Францией с одной стороны, ее вассалами—с другой, изнемогающая от кредитных затруднений, вызвавших банкротство ряда солидных фирм,—Германия не могла устоять перед тем искушением которым для нее являлось обещание кредитов, гарантия от повторения французских авантюр, хоть и смутные, но все-же намеки на возможность компенсации на востоке (за счет Польши, может быть, Литвы), отдаленная надежда на смягчение оккупа-

ционного режима на получение каких-нибудь колоний, на получение права на вооружение.

Германские торгово-промышленные круги не могут не учитывать то значение, которое имеет для Германии растущий рынок СССР, не могут не учитывать и всех тех последствий, к которым может привести почти безоговорочное принятие статьи 16 статута Лиги Наций, не могут не понимать и того, что ориентация на запад превратит Германию в полного вассала Англии. Но требования момента оказались сильнее дальновидных расчетов. Интересам группы аграриев и тяжелой промышленности еще раз приносится жертва. Германия решила вступить на путь эквилибристики и компромиссов между западом и востоком, на путь, чреватый всяческими осложнениями. Советско-германский торговый договор является доказательством стремления Германии не порывать своей связи с СССР. Сумеет ли доброе желание побороть логику вещей—это покажет ближайшее будущее.

Для Франции гарантийный пакт является серьезным поражением.

До войны Франция была страной финансового, ростовщического капитала. 75% своего капитала она вывозила за границу, главным образом в виде займов. Война коренным образом изменила французскую экономику. Французский империализм уже за время войны поглотил значительную часть капиталов. Послевоенный империализм окончательно превратил ее из страны-кредитора, в страну, отягченную огромными долгами, с постоянно-дефицитным бюджетом и катастрофически-падающим франком. Курс франка равнялся:

в январе	1923 г.	34,20%	своего	паритета.
„ „	1924 „	21,66%	„	„
„ „	1925 „	27,90%	„	„

Некоторое улучшение курса франка к началу 1925 г. целиком аннулируется дальнейшим сильным обесцениванием. Бюджет текущего финансового года будет сбалансирован с дефицитом не меньше, чем в 3 миллиарда франков. Знаменитая реформа Кайо увеличила количество бумажных денег в обороте на 6 миллиардов франков, которые подлежат уплате в долларах, по курсу дня франка. К концу этого года приходит срок уплаты краткосрочных обязательств почти на 22 миллиарда. Для уплаты, хотя бы части этих обязательств французскому правительству, придется опять прибегнуть к сильнейшей инфляции, доконав тем самым франк. Начинает падать доверие к находящимся в обращении, на сумму до 60 миллиардов, «бонам национальной защиты». Пред'явление держателями этих бон к уплате равнозначаще полному финансовому банкротству. Если ко всему этому прибавить то, что 15 миллиардов французских франков находятся в руках иностранцев и могут быть в любую минуту выброшены на рынок, плюс четыре миллиарда долларов долгу Соединенным Штатам и почти столько же Англии, то финансовое банкротство Франции станет очевидно всякому. Необходимость для Франции во что бы то ни стало добиться от С. Ш. дальнейшей отсрочки с уплатой процентов, необходимость добиться понижения процентной нормы, необходимость нового иностранного займа, которого Франции, кроме Соединенных Штатов, получить негде, все это обеспечивало с самого начала переговоров о гарантийном пакте достаточную уступчивость с ее стороны. А давление оказывалось довольно беззастенчивое. Американский посол Хаутон просто напросто заявил Бриану, что С. Ш. вложили слишком много денег в европейские и, в частности, в германские предприятия, чтобы теперь допустить какие бы то ни было попытки задержать завершение начатого ими дела. Нажим был настолько ясен, что даже «Тан» откровенно сознается: «Каждый раз, когда речь идет о том, чтобы добиться от нас принципиальных уступок для того, чтобы сделать возможным соглашение с Германией, можно с полной уверенностью ожидать, что вопрос о долгах выдвинется на первый план международных переговоров». И Франция шаг за шагом, сдавала свои позиции. Если вначале она соглашалась на гарантийный пакт только при условии военного соглашения между нею, Англией и Бельгией, стоящего вне зависимости от гарантийного пакта и ему предшествовавшего, то несколько позже она довольствовалась уже только заявлениями о том, что всякие попытки Германии «даже с моральной или психологической точки зрения» поставить под сомнение территориальный статус кво центральной или восточной Европы, вызовут с ее стороны немедленный разрыв переговоров и что она требует, чтобы при выработке нового положения о демилитаризованной зоне Рейнской области за ней было оставлено право перевода войск в случае осложнений на востоке (война с Польшей), то, как мы знаем, при заключении Локарнской конференции, она и в этих вопросах пошла на значительные компромиссы. Конечно, локарнское соглашение еще далеко не полная капитуляция Франции, оно не изменило общей тенденции французской экономики. По версальскому миру к ней присоединены богатые железом Эльзас и Лотарингия. Из страны, экспортирующей капитал и импортирующей предметы промышленного производства, она превратилась в страну промышленного экспорта. В области металлургии, машиностроения, углепромышленности, текстильной промышленности, она выступает крупной силой на международном рынке. Советский союз является экспортером сырьевых продуктов, необходимых Франции, и рынком сбыта и промышленных изделий.

В 1913 г. Франция, как экспортная для нас страна, стояла на 4-м месте после Германии, Англии и Голландии. После того, как Франция перестроила свою экономику на базе промышленности, ее экспорт может значительно развиться даже по сравнению с довоенным временем. Ввоз же к нам в форме промышленных изделий может целиком покрыть сумму ввозимых прежде капиталов. Имея богатейшие территории в отношении металлургических предприятий, Франция добывает у себя только 37 миллионов тонн Франция до сих пор ввозила, главным образом лионов тонн. Кроме германского угля, недостающие ей 30 миллионов тонн Франция до сих пор ввозила, главным образом, из Англии, что значительно отражалось на ее счетном балансе. Ввоз угля через порты Черного моря—актуальнейшая необходимость для французской промышленности.

Гарантийный пакт приводит к изоляции Франции на Западе. Тем самым Англия усиливает действия экономических факторов, толкает Францию в наши об'ятия. Франция была и, несмотря на гарантийный пакт, остается сильнейшим соперником Англии на континенте. Для борьбы с ней Франция больше, чем когда бы то ни было раньше, вынуждена будет укреплять свою базу на востоке. Для этого Франции нужен, прежде всего, мир на востоке, улучшение советско-польских отношений. И здесь интересы Франции идут в разрез с политикой Лондона. Несомненно, что даже Лондон не может желать в данный момент открытых столкновений на востоке. Но вся его политика направлена к подготовке почвы для такого столкновения в тот момент, когда это ему окажется удобным. И в этом смысле чрезвычайно показателен был тот характер политической дружественной демонстрации, который придали приезду тов. Чичерина в Варшаву не только польские правительственные, но и самые широкие общественные круги. Финансовое и экономическое положение Польши таково, что она не может сколько-нибудь серьезно думать о конфликтах со своими ближайшими соседями. Не только в Польше, но и в Чехо-Словакии с момента заключения гарантийного пакта замечается значительный сдвиг в сторону сближения с СССР. Несколько особое положение в связи с гарантийным пактом занимают Соединенные Штаты.

Выше мы уже говорили о том, что Англия сумела купить сотрудничество американского капитала. Одновременно, интересы английской и американской политики в Европе во многом совпадают. Если Англии нужен «мир» в Европе, то не меньше заинтересованы в нем Соединенные Штаты. Политика замыкания в рамки собственного рынка, доктрина Монроэ, уже давно потерпела полное фиаско. Почти астрономическая цифра европейских долгов Соед. Шт. (около 21 миллиарда долларов)—связывает их с континентом неразрывными узами. Мир в Европе—основной залог ее платежеспособности. Проведение плана Дауэса, тесно

связавшего Соединенные Штаты с германским рынком, постоянные опасения новых европейских авантюр, вызываемые чрезмерной военной мощью Франции—все это заставило Соединенные Штаты, если и не так открыто, как при проведении плана Дауэса, то все же весьма недвусмысленно в вопросе гарантийного пакта встать на сторону Англии.

Мы уже знаем о том, как энергично в этом смысле нажимали Соединенные Штаты на Францию, представляющую своей огромной армией постоянную угрозу европейскому «миру». Но все-же далеко не во всем и далеко не полностью совпадают интересы С. Ш. и Англии.

Огромную роль в этом отношении прежде всего играют некоторые «особенности» американского империализма. В то время, как значительно более слабая в финансовом отношении Англия стремится к открытому не только экономическому, но и политическому захвату, Америка предпочитает метод «мирного проникновения». Ее финансовая мощность исключает для нее сколько-нибудь серьезную конкуренцию других стран. Кредиты, займы, проникновение в промышленность—вот методы американского империализма.

Американский империализм увереннее в себе, а капитализм значительно устойчивее английского. Отсюда и «меньшая напуганность Соединенных Штатов красной опасностью», сравнительная с английской об'ективность американской прессы в вопросах, касающихся СССР. Вместе с тем, наша торговля с С. Ш. чрезвычайно быстро развивается.

В тысячах рубл. по ценам 1913 г. она выражается в следующих цифрах:

	1921	1922	1923	1924	1925 I полуг. в современ. ценах.
Ввоз из С.Ш. в СССР.	49.002	151.264	44.258	48.866	107.044
Вывоз из СССР в С.Ш.	—	2	797	6.159	13.788

И если англо-американские капиталы действовали в трогательном единодушии при проведении плана Дауэса, при заключении гарантийного пакта, поскольку он направлен на ослабление Франции и на завершение, по отношению к Германии того, что начато планом Дауэса, то отнюдь нельзя быть уверенным, что заострение гарантийного пакта в сторону СССР встретит поддержку С. Штатов.

Таким образом, гарантийный пакт построен на почве не менее шаткой, чем Версальский договор. Нет двух капиталистических стран, интересы которых бы полностью совпадали. Капиталистическая Европа переживает ту фазу своего развития, когда о более или менее продолжительной стабилизации ее экономических и политических взаимоотношений уже не может быть и речи.

А. Троцкий.

Зазорно ли большевику заниматься философией?

(Окончание, см. „Большевик" № 17-18.)

V.

По правде говоря, Ленина не привыкли считать философским писателем. Он и сам отводил себе скромную роль в этой области, роль «рядового». Во времена не столь отдаленные его теоретические способности вообще расценивали так, как, примерно, расценивается способность тульского самовара, отражать тонкую красоту изваяния Афродиты. Причины появления таких мнений могли быть разные, но что до философии касаемо, то здесь такой причиной являлся один из многих предрассудков, связанных с этой последней. Этот предрассудок еще во времена достаточно отдаленные был отмечен Чернышевским. Относительно философии, говорил он, рассуждают так: «Философии я не понимаю, данный автор мне понятен, стало быть, то, что написано им, не принадлежит к философии». А то невдомек, продолжает Чернышевский, что «сама-то по себе философия и не бог весть какая непонятная наука». У Ленина язык существовал для того, чтобы его понимали, а не для того, чтоб относительно него промашку давали. Поэтому и его философские высказывания просты и понятны всем; поэтому-то они и браковались авгурами увертливо-дипломатической философии.

А между тем, Ленин принадлежал к числу тех, кто знал философию, понимал и ценил ее. То обстоятельство, что большевик занимается философией, у него не вызывало недоумения, наоборот, он считал работу над философией условием, без выполнения которого большевиком-коммунистом быть нельзя [1]). Конечно, сейчас у нас это утверждение относительно компетентности Ленина в вопросах философии не вызовет спора [2]): но тем не менее еще и посейчас распространено мнение, будто философское наследство его исчерпывается книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Однако, с этим нельзя согласиться, ибо у Ленина нет ни одной вещи, где бы он не выступал в качестве

[1]) Ср. его примечание, сделанное в брошюре „Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте, об ошибках Троцкого" и т. д, в связи с привлечением к известному спору о профсоюзах философии Гегеля. Здесь он писал „...нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы не изучить,—именно изучить—все, написанное Плехановым по философии"... (курсив атора. *А. Тр.*).

[2]) Сейчас у нас времена совсем иные. От мнений, не лестных для Ленина, отказались сами авторы их (если только в этом опять нет „тонкой", философии), а люди более непосредственные открывают ленинизм даже в медицине.

сторонника определенной философской школы, нет ни одного выступления, которое не было бы им философски обосновано. С самого начала и до конца своей деятельности Ленин не упускал из виду философии, зная, что пренебрежение к ней, беззаботность по части философии, чреваты серьезными последствиями. Как и во всем, Ленин и в этом отношении был подлинным продолжателем Маркса и Энгельса. Вот почему решать вопрос о судьбе философии в системе коммунистического мировоззрения [1]) в наши дни без Ленина и вне Ленина невозможно. Итак, обратимся к Ленину.

Первое, на что натыкается у Ленина читатель, это на отрицательное отношение к философии. «С точки зрения Маркса и Энгельса,—читаю у него,—философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки» [2]). Сказано достаточно ясно: у философии нет самостоятельного предмета,—он «распадается» между другими науками, — и поэтому философии, как самостоятельной науки, и быть не может. И такой приговор выносится как раз с точки зрения Маркса и Энгельса. Мое дело—использовать Ленина против нападок на философию—оказалось бы безнадежным, если бы к суждениям о философии последний никогда после этого не возвращался. Но поскольку такие высказывания существуют, постольку можно утверждать, что процитированное выше мнение характерно для Ленина лишь в определенный период, но отнюдь не характеризует его вообще.

Мне представляется, что со временем, когда будет известна нам биография Ленина, можно будет дать и об'яснение этому обстоятельству, а сейчас, не пуская в ход голых догадок, остановлю внимание читателя на следующем факте. Цитата, приведенная мною, относится к 1894 г.; следующие высказывания о философии, — разумеется, речь может итти только в пределах опубликованного материала, — относится к 1899—900 г.г. В них уже слышны новые мотивы: здесь уже говорится о «философском содержании марксизма», о том, что у марксизма есть «область философии» [3]).

Пятилетие, отделяющее друг от друга эти высказывания, об'ясняет нам их различие. За этот период вышел целый ряд работ Плеханова, где им трактуются философские темы: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышла в 1895 г.; его же немецкие «Очерки по истории материализма» появились в 1896 г. С 1898 г. стали появляться его статьи против социал-демократических неокантианцев—Бернштейна, Конрада Шмидта. В конце 90-х г.г. начинают выползать на сцену и русские «критики»,—Струве, Булгаков и К° с своей излюбленной мыслью об оплодотворении марксизма «критической философией». Все это, разумеется, не могло не привести к тому, что вопросы философии встали далеко не на последнее место. Зная хотя чуточку Ленина, можно было бы наперед утверждать, что

[1]) Употребляя выражение „система коммунистического мировоззрения", я имею в виду этим лишь отметить, что мировоззрение коммуниста не представляет собою отдельных мнений и высказываний, а некоторое единство.

[2]) См. Н. Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 80.

[3]) См. Собр. сочин., т. II, стр. 486 (примечание), том III, стр. 523; не безынтересно в этом отношении также примечание на 48 стр. IX тома.

он не останется пассивным наблюдателем борьбы двух «философских партий» в лагере марксизма, не останется «беспартийным»,—а это значит, что он будет сам работать над вопросами, ставшими яблоком раздора. И есть подтверждения этой догадки, так сказать, опытного характера,—достаточно сослаться на воспоминания тов. Крупской, Н. К., относящиеся к этому периоду, и на воспоминания т. Ленгника.

Тов. Крупская в своих воспоминаниях о периоде сибирской ссылки пишет: «По вечерам Владимир Ильич обычно (подчеркнуто мною. *А. Тр.*) читал или книжки по философии—Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова» [1]).

Таким образом, за указанное пятилетие Лениным проделана большая работа над своим философским образованием. И после этих систематических занятий философией Ленин уже не возвращается к точке зрения 1894 г.,—она для него лишь пройденный и превзойденный этап развития. Теперь он держится иного взгляда. В 1899 г. ему уже не дает покоя «критическая философия» Струве и К°. Струве, Булгаков и др. из этой компании пока для него еще «Genossen» (товарищи) [2]), или, во всяком случае, нечто очень близкое к этому, но ему не нравится пущенная ими «критическая струя», и он, правда, очень осторожно начинает вести борьбу с этой струей,—он начинает отмежевываться от «критического» пути в философии, предпочитая путь идущий не через Канта, а через материалистов XVIII века и идеалиста Гегеля. А возвращение к Канту рассматривается им как отказ от «некоторых более или менее существенных сторон учения Маркса». Наоборот, путь через материалистов и Гегеля, путь «ортодоксов» плодотворен. «Критики» больше предпочитают разглагольствовать о «будущей критике» и ровно ничего не сделали для развития марксизма, тогда как ортодоксы сделали много «для этого развития». И теперь, в 1900 г., к числу этих «более или менее существенных сторон учения Маркса», утерянных критиками, уже принадлежит и философия, точно так же, как и среди областей, в которых развивали марксизм «ортодоксы», лежит и область философии [3]).

После этого, «область философии» уже не выходила из круга интересов Ленина. «Меня особенно занимает в настоящее время,—пишет он в 1900 г.,—вопрос о современном эклектическом направлении в философии (подчеркнуто мною. *А. Тр.*) и в политической экономии, и я не теряю еще надежды представить со временем систематический разбор этого направления» [4]). Эта уже позиция совсем не та, что в 1894 г.: интересоваться настолько пустышкой невозможно. А интерес этот не ослабевает, наоборот, растет.

Правда, Ленин не выступает в печати по вопросам философии, но на это есть свои причины, о которых он рассказывает в своих знаменитых письмах к Максиму Горькому. Вот они эти причины: во-первых, еще в 1908 г. он не считает себя «компетентным в этих вопросах», во-вторых, «философией заниматься

[1]) См. „О Ленине". Сборник воспоминаний под ред. Каменева. Гос. Изд Ленинград. 1925 г., стр. 25.
[2]) См. опубликованное в № 16 „Большевика" письмо Ленина Потресову.
[3]) См. вышеупомянутое место на стр. 523 т. III собр. соч.
[4]) См. Собр. сочин., т. III, стр. 524.

в горячке революции приходилось мало». Но следил за философией он, как и всегда, в эти годы внимательно. К моменту спада революционной волны на сцену выступает все больше и больше философия Богданова. В 1906 г.,—рассказывает Горькому Ленин,—Богданов «презентовал» третий выпуск своего «Эмпириомонизма». «Засел внимательно за нее (подаренную книгу). Прочитав, озлился и взбесился необычайно». (Несколько выше Ленин рассказывает Горькому, что в 1904 г. они с Богдановым «заключили... молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок»...) «Я написал ему тогда,—продолжает он свой рассказ,—об'яснение в любви», письмецо по философии в размере 3-х тетрадей». Собирался даже издать это «письмецо по философии», но по скромности воздержался, хотя после и жалел. Наконец, в 1908 г. вышли «Очерки по философии марксизма», где фигурировал тот же Богданов и его единомышленники: «с каждой статьей прямо бесновался от негодования»—так передает он о впечатлении, произведенном на него книгой. И тут уж решает выступать печатно. «Некую драку по вопросу о философии» между большевиками (Богданов и его друзья тогда были в числе большевиков), он теперь считает неизбежной. Этой драке он придает столь серьезное значение, что ради подготовки к ней манкирует своими обязанностями руководителя газеты. «Газету я забросил из-за своего философского запоя», жалуется он в тех же письмах Горькому. «Беспризорный он («Пролетарий»—орган большевиков. *А. Тр.*). Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов» [1]).

В чем же причина того, что вождь большевиков способен ради философии забросить работу руководства партией?

Едва ли могут быть сомнения, что ради беспредметной, конченной философии, философии-пустышки, никому и ни для чего не нужной, Ленин этого не сделал бы. «Я всегда руковожусь соображениями практической пользы»,—говорил он про себя,—так зачем бы ему лезть в эту философскую драку, ежели сама философия не стоит и ломаного гроша. Почему вообще Ленин «трубил», как выразился упоминавшийся выше Минин, если бы эта философия не нужна была большевикам?

В том-то и дело, что с точки зрения Ленина философия нужна большевику,—в этом причина такой внимательности его к философским вопросам. Он знал, что философия является критикой оружия, а это очень нужная вещь для дела критики оружием. Это и сказал он, когда покончив со своею скромностью, решил выступить в печати по вопросам философии, выступить «по-своему», «по-просту», в качестве «рядового марксиста в философии». Но прежде всего вслушаемся, что сказал он по вопросу о «снятии» философии.

Для тех, кто не дружен с философией, или для тех, с кем философия не дружна, представляется, что марксизм покончил с философией, как с ненужным хламом. Для Ленина это дело рисуется несколько иначе: «Гениальность Маркса и Энгельса,—писал он в 1908 г.,—состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полустолетия, они развивали материа-

[1]) См. письма Ленина к М. Горькому, особенно письма 5, 7, 8, 9 и 10 по «Ленинскому Сборнику», I, особенно стр. 91—101.

лизм, **двигали вперед одно основное направление в философии**»... [1]). Кой-кому даже из авторитетных большевиков представляется, что Маркс и Энгельс в гроб вогнали философию и осиновый кол на всякий случай вбили, чтобы, ненароком, не поднялась, а по большевику-Ленину выходит, что Маркс и Энгельс—выразители подлинного дальнейшего развития, прогресса философии. Правда, в этом отношении наши товарищи не одиноки: ни в одном учебнике философии не найдешь указания, что дальнейшее движение философии пошло через Маркса и Энгельса; но, что взять с авторов этих учебников, когда они своею ролью в обществе обречены, «быть и оставаться круглыми невеждами относительно действительного (разрядка Ленина. *А. Тр.*) прогресса в философии в XIX в., быть и оставаться философскими обскурантами»... [2]). По Ленину, разумеется, выходит иначе: для него именно Маркс и Энгельс двигали философию, обратив внимание на «серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т.-е. на достраивание здания материалистической философии доверху [3]). (Разрядка автора. *А. Тр.*).

Итак, вот ответ Ленина на интересующий нас вопрос о «снятии» («отмене») философии в марксизме. Не конец философии здесь находит Ленин, а ее подлинное развитие: марксизм как раз и «двинул философию вперед» [4]), занявшись «достраиванием философии материализма доверху» [5]).

VI.

Мне кажется, что нисколько не погрешу против пристойности вполне скромного человека, если буду думать, что моя попытка заступиться за философию не будет рассматриваться, как попытка повторить чудо воскрешения Лазаря: мне думается, я в праве считать доказанным, что панихиды по философии служили и служат наши товарищи совсем напрасно, что похоронный перезвон они затевали и затевают, воистину, не заглянув предварительно в святцы. Исходя из такого предположения, я и позволю себе перейти к вопросу о предмете философии.

Нужно прямо сказать, что вопрос о предмете философии принадлежит к разряду вопросов наиболее каверзных из всех, что ведомы человеческой мысли. Кто не считает себя знатоком ее предмета? Разве «глубокомыслие», достаточное для того, чтобы не быть понимаемым, не достаточно для того, чтобы получить право именоваться философом? А разве такое «глубокомыслие» столь мало распространенное качество, чтоб нельзя было знатоков предмета философии считать на легионы? А с другой стороны, разве не каждый из тех философов, чье философство не совпадает с только что упоминавшимся маловразумительным глубокомыслием, все снова и снова мучится над вопросом о предмете своей страсти? Разве каждый из них не бьется прежде всего над вопросом о предмете своих занятий? Разве вопрос о том, чем занимается, какой предмет изучает философ, не принадлежит к числу тех, единообразного ответа на которые не сыщешь?

1) См. «Материализм и эмпириокритицизм», Собр. сочин., т. X, стр. 284.
2) Там же, стр. 157.
3) Там же, стр. 202, а также 278—279.
4) См. Н. Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 59.
5) См. Н. Ленин, т. X, стр. 278—279.

Чтоб убедиться в этом, достаточно будет всякому принять на себя труд подсчитать количество существующих определений философии,—всякий очень быстро сообразит, что эта задача, по меньшей мере, не из легких, ибо почти у каждого философа имеется свое определение философии, обязательно отличающееся от прочих определений. Правда, трудность своего собственного определения известна в большей или меньшей степени каждой науке [1]), но во всяком случае в области других специальных наук только в качестве исключения мыслимо то, что в философии практикуется почти что, как общее правило,—именно, известный произвол в определении сферы своей компетенции, довольно беспардонное залезание в чужие владения, достаточно нескромное заграбастывание в свои руки чужого добра. Дайте себе труд заглянуть в обычные учебники философии, так называемые «Введения в философию» (только не забывайте, что среди них, за исключением, кажется, одного, нет принадлежащих перу материалистов)—и вы обязательно столкнетесь там с вопросами, что разрешаются в физической или химической лаборатории; найдете вы там и вопросы из ведомства биологии и уж обязательно наткнетесь на вопросы, которыми занимается педагог, филолог, историк культуры и т. д. и т. д. Философ-идеалист занимается всем и вся.

Само собой разумеется, что столь вольное обращение с чужим добром, такие, так сказать, кукушечьи нравы господ философов встречаются весьма неодобрительно: известно, что мораль «на чужой каравай рот не разевай» пользуется в мире людей бо́льшим почетом, чем у пернатых, и поэтому нашим бездомным кукушечкам-философам не удается пристраиваться к чужим гнездышкам, — всюду требуют пред'явить «купчую крепость», а оной, конечно, всякий раз в кармане не оказывается. Да и сами философы, будучи во всем прочем усердными поклонниками священного права собственности, чувствуют неудобство своих претензий, чувствуют противоречивость своего положения.

На их несчастье, противоречие это не из тех, что движут, ведут вперед. Поэтому все старания таких философов оправдать правомерность и целесообразность своих притязаний па об'екты других наук ссылкой на особенность путей философского изучения терпят крах, не подвигают дела ни на шаг. Утверждение, будто науки изучают действительность так, а философия иначе, будто у науки путь познания один, а у философии совсем другой, было в известном смысле основательно и разумно у далеких предков наших незадачливых захватчиков: оно имело смысл и значение только тогда, когда наука не была еще наукой в подлинном смысле этого слова, когда метод создающий науку, был известен и разрабатывался только в философии. Тогда это утверждение было правдой жизни,—но тогда и наука-то укладывалась в рамках философии, тогда в обязанность вне философии стоящей науки входило повторять зады философии, подтверждая ее. Но теперь эта правда опрокинута, перевернута жизнью, утверждение различия методов науки и философии перестало быть правдой. А перестало быть правдой оно с тех пор,

1) Известны случаи, когда профессора так называемых точных наук определение своего предмета давали в следующем, примерно, виде: „я профессор такой-то, то, что буду читать, именуется наукой такой-то".

как наука стала,—или, из осторожности, можно сказать не «стала», а «становится»—наукой в подлинном смысле этого слова, с тех пор, как наука дошла и начала овладевать тем методом, что раньше был достоянием только философии. Но подняв до себя науку, философия тем самым сама встала в ряды наук, обрекая себя этим разделять с ними во всем их судьбу.

Вот почему утверждение эпигонов старой философии, будто они и поныне владеют особыми путями познания, ныне бессмысленно: в самом деле, разве много смысла в утверждении, что эта особенность путей сводится к такому различию направлений: наука-де идет к истине, а философия исходит из истины; или еще: наука-де подчиняет природу, философия же симпатизирует ей, ученый относится к природе по-господски, философ—по-товарищески. Едва ли подлежит сомнению, что этакие «истины» пригодны лишь для личного пользования и что считаться с ними вряд ли будет и тот, кто не очень склонен чтить священную собственность.

Поэтому и я позволяю себе думать, что, пускаясь в поиски собственного гнездышка философии, я не буду обвинен в подпадении под влияние окружающей нас мелкособственнической стихии. Надеюсь избежать и другого упрека, обычного в этом случае, упрека в излишней самоуверенности, переоценки собственных сил и т. д.: я отнюдь не собираюсь открывать Америку,—я собираюсь всего лишь изложить точку зрения школы, признание принадлежности к которой для меня было бы великой честью. Даже и здесь я не беру задачи во всей ее широте, а ограничиваю себя рамками изложения лишь одного из виднейших представителей школы—Энгельса, правда, не отказываясь обращаться за проверкой своего изложения к Ленину.

VII.

При разборе вопроса о «снятии» философии в марксизме я уже не раз цитировал энгельсовы определения философии—«самостоятельной науки», в которых содержатся указания на ее предмет, на об'ект, изучаемый ею, именно как особой самостоятельной наукой. Что же остается, по мнению Энгельса, на долю нашей науки? Что может считаться ее исключительным достоянием? На что она может вполне рассчитывать, не рискуя наткнуться на встречные претензии со стороны других наук?

Во всех приводившихся мною выдержках из Энгельса последним проводится такая мысль: на долю философии не «в старом смысле этого слова», на долю философии-науки остается человеческое мышление, «область чистой мысли», область теоретической мысли. Учение о мышлении и его законах—это и есть философия в новом понимании этого слова. В этом смысле философия сохраняет все свое значение не только теперь, когда естествознание и история только с т а н о в я т с я сознательно-диалектическими, но сохранит и тогда, когда диалектика пробьет стену предубеждений «ползучего эмпиризма» в храмах науки, когда естествознание и история с т а н у т сознательно-диалектическими. Именно с этого момента, утверждает Энгельс, станет совершенно

излишним всякого рода «философский хлам», но ни на йоту не потеряет своего значения «чистое учение о мышлении» [1].

В этом смысле философия и предстает перед нами, как формальная логика и диалектика, в этом смысле философия и является одной из исторических наук.

Многим может показаться, да и на самом деле кажется, что наличие такого предмета у философии не делает ее положение слаще. По весьма распространенному мнению, такое достояние ни больше, ни меньше, как мертвый капитал,—пустить его в оборот невозможно, а, стало быть, хлопоты с ним не имеют ровнешенько никакого смысла. Дело представляется так, что философия давным-давно исчерпала свой предмет, движения в ней нет и быть не может: сколько ни бейся, сколько ни хлопочи, а все равно дальше греков не уедешь. Как ни хитрит, как ни изощряется философ, но есть у него предел, давно отмеренный ему—это греческая философия, из нее он выпрыгнуть не может, и вся философия после греческих любомудров есть ни больше, ни меньше, как повторение задов этого любомудрия старого грека.

Что и говорить, бывали греки весьма велемудры, как у нас в старину говорили, но все же из века в век повторять их—дело мало остроумное и едва ли нужное. Разумеется, что порода философов давно бы перевелась, если бы дело обстояло так и в действительности. Но в том-то и вся загвоздка, что в действительности оно выглядит совсем иначе.

Слов нет, многим представляется, будто мышление так же, как и черепная коробка, хранящая орган этого мышления, имеет строго определенные размеры, характеризуемые какой-то средней своего рода антропометрических измерений; здесь, полагают, возможны отклонения в пределах от максимума до минимума этого размера, но дальнейшее увеличение этого размера исключено. Поэтому и представляется, что задача философии окончательно решается, раз эти размеры будут вымерены, границы мышления установлены.

Но смотреть на мышление так, это значит—рассматривать его, как божественный подарок, тогда как оно в действительности является продуктом исторического развития, продуктом человеческой истории. Мышление человека от начала и до конца исторично, исторично в том смысле, что является порождением истории; у него нет границ, или вернее, у него те же границы, что и у истории: оно началось там и тогда, где и когда началась человеческая история, оно имеет свою границу там, где оборвется нисходящая ветвь кривой этой истории.

Так обстоит дело в действительности. И так думал диалектик-Энгельс, умевший разбираться в этой действительности. «Теоретическое мышление каждой эпохи,—писал он,—это—исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [2].

---

[1]) Ср.: „Лишь когда естествознание и история впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский хлам—з а и с к л ю ч е н и е м ч и с т о г о у ч е н и я о м ы ш л е н и и (подчеркнуто мною—*А. Тр.*) станет излишним, растворится в положительной науке". „А р х и в", II. 191.

[2]) См. „А р х и в", II, стр. 125.

Метафизик, чей рассудок является узником своих собственных окаменевших понятий, едва ли согласится с этим, ибо переход за границы его вне времени стоящих понятий для него не мыслим. Но жизнь смеется над ограниченностью метафизической рассудочности, заставляя нас каждым шагом нашей деятельности, каждым нашим действием разбивать скорлупки логических форм и прорываться в живую, не знающую неподвижных граней действительность. В действии человек все снова и снова прорывает границы своего мышления, все снова и снова отодвигает их.

Такое влияние действия на мышление Энгельс подчеркивает в следующих словах: «Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление (подчеркнуто мною. *А. Тр.*); они знают, с одной стороны, только природу, а, с другой, только мысль. Но существеннейшей и первой основой челобеческого мышления является как раз изменение природы человеком (подчеркнуто Энгельсом. *А. Тр.*), а не одна природа, как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научился изменять природу...» [1]). (подчеркнул я. *А. Тр.*).

Это установление связи между человеческим действием и мышлением является одной из характернейших особенностей учения Маркса и Энгельса, и тот, кто проглядит его, тот решительно ничего не поймет в философии диалектического материализма.

Чтоб выяснить значение этой мысли для нашей философии, достаточно напомнить, что ведь как раз за неуменье овладеть ею Маркс упрекал старый материализм, причисляя сюда и материализм Фейербаха. Главным недостатком этого старого материализма в глазах Маркса—само собой понятно, что это является и точкой зрения Энгельса—являлось именно это неумение схватить действенную сторону человеческого существа [2]). Эту действенную сторону развивал идеализм, но развивал—и не мог развивать иначе—уродливо. Правильную же оценку значения действия, практики мог дать и дал только диалектический материализм, плюсами идеалистической философии уничтоживший минусы метафизического материализма.

До тех пор, покуда существовал разрыв между мышлением и действием, не мог быть не только решен, но и правильно поставлен вопрос об их взаимоотношении; до тех пор мефистофельская насмешка над бессилием мысли сохраняла свою силу: кустик теории, действительно, должен был быть серым, ибо до него не доходили питающие соки живой жизни: сосуды, проводящие эти соки, были разорваны как раз там, где начинался этот куст. Совсем по-другому он выглядит с тех пор, как диалектический материализм установил, что «люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения изменяют в этой своей деятельности также свое мышление (подчеркнул я. *А. Тр.*) и продукты своего мышления»... [3]). Этим самым был положен конец разобщенному существованию мышления и действия, теории и практики, с этого момента было установлено их единство. С этого момента теория перестала выделяться серым пятном на фоне вечно юной жизни.

[1]) См. „Архив". II, стр. 25.

[2]) Ср. знаменитые тезисы Маркса о Фейербахе.

[3]) Маркс и Энгельс, „О Людвиге Фейербахе", „Архив", I, стр. 216.

Итак, на поверку выходит, что предмет философии отнюдь не является тем, чего может хватить на работу лишь одного—двух поколений философов, и бояться философской безработицы ровно никаких оснований не имеется, точно так же всякого рода прогнозы, смысл которых сводится к тому, что философия дышит на ладан, оказываются совершенно необоснованными: до тех пор, покуда будет продолжаться человеческая история, до тех пор не будет исчерпан и об'ект изучения философии.

Стало быть, выясняется, что философия во всех отношениях наука, как наука, и ее предмет, отнюдь не располагая богатствами всей деятельности, обладает достоинствами своего рода, не мало не уступающими достоинствам других. Этих достоинств может не ценить тот или иной человек, он может оказаться глух и слеп к ним, но отрицать их наличие—это значило бы отнести свой собственный из'ян за счет предмета. Вот почему удивление иных, выражаемое порой в весьма крепких словечках, удивление по поводу того, что большевик засаживается за изучение философии, не имеет под собой никакого разумного основания. Вот почему, стало быть, нет никакого зазора, в том, что большевик не устоит перед прелестями философии и отдаст ей предпочтение перед ее соседками.

VIII.

Однако, мы не поняли бы и половины содержания мысли о единстве мышления и действия, теории и практики, если бы остановились на голом признании факта влияния человеческой практики на мышление, на зависимость последнего от первой. Вместе с этим мы не смогли бы быть уверенными, что философия не может быть, по крайней мере, отодвинута на задний план творческой работы большевика, что она не может быть, по меньшей мере временно, передоверена им кому-нибудь другому. Все значение идеи единства мышления и действия, единства теории и практики, а вместе с этим и величайшее значение философии для большевика—выясняется только в том случае, если не будет упущена из виду не только зависимость мысли от действия, но и определяемость действия мыслью. «Критика оружием», действие прорывает для мысли грань настоящего и открывает перед нею необ'ятные дали будущего—это истина; но истина также и то, что эта «критика оружием» возможна лишь при наличии орудия самой критики, т.-е. мысли. Действие, практика движет мысль, но мысль, теория руководит действием. «Наша теория не догма, а руководство к действию»,—писал Энгельс, а Ленин в непонимании этого видел «величайшую ошибку, величайшее преступление таких марксистов, как К. Каутский, Отто Бауер и т. п.»... [1]); к числу этих последних он причислял и наших меньшевиков, которые от понимания этой мысли так же далеки, как и их европейские собратья [2]). Для самого же Ленина, а также и для тех, кто встает под его знамя, на котором написано: «Мы

[1]) Н. Ленин. Собр. сочин., т. XVII, стр. 159.

[2]) См., напр.: Н. Ленин, Собр. сочин. т. XI, ч. I, стр. 248.

хотим перестроить мир»,—теория есть «прежде всего и больше всего руководство к действию» (подчеркнуто Лениным)[1]).

Теперь, если читатель вспомнит, какие сопоставления делал Энгельс относительно теории и философии, ему станет понятным, что пренебрегать философией безнаказанно невозможно, что передавать ее в чужие руки столь же разумно, сколь целесообразно было бы, скажем, передать командование Красной Армией в руки белых генералов.

В самом деле, дайте себе на минуту труд задуматься над вопросом, где бралась уверенность большевиков в правильности их тактической линии. В чем черпали они эту уверенность? Если вы не встанете на точку зрения дурашливой, если так можно выразиться, философии истории, вся мудрость которой сводится к поговорке «дуракам везет»,—вы вынуждены будете ответить, что большевики свою уверенность в правильности предпринимаемых ими действий почерпали как раз в своей теории. И вы не ошибетесь, если скажете так: именно теория и служила большевикам тем оселком, на котором они пытали доброкачественность линии своего политического поведения, своей тактики. «Для нас,—говорил Ленин,—теория есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них»...[2]).

А чтобы вплотную подвести читателя к интересующему нас вопросу, я позволю себе привести еще одно место из Ленина. В одной из статей, относящихся к 1909 г., в статье, написанной по поводу выступления думской с.-д. фракции по вопросу о синодской смете, Ленин разбирает вопрос об отношении марксистов к религии и, отвечая на этот частный вопрос нашей тактики, попутно разрешает вопрос во всем его об'еме. Он говорит так: «Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история (т.-е. история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу об отношении к религии. *А. Тр.*) есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма... Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна... что то, что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма»... ...«политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами»[3]). (Подчеркнуто мною. *А. Тр.*).

Как видит читатель, в этих словах Ленин ясно указывает, что тактика последовательных марксистов большевиков есть «прямой и неизбежный вывод» из их философии, что линия политического поведения большевизма «неразрывно» связана с основами его философии. Эту линию политического поведения, тактику, надлежащим образом поймет только тот, кто уразумеет ее именно как «прямой и неизбежный вывод» из соответствующей ей философии, кто сумеет вывести ее из этой философии. Для того же, кто не в состоянии понять такого единства философии и тактики большевизма, для того последняя всегда будет представлять собою «комок бессмысленных противоречий и шатаний».

[1]) См. Ленинский сборник, II, стр. 353.
[2]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. XV, стр. 49.
[3]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. XI, ч. I, стр. 252—253.

В философии лежит ключ к пониманию тактики партии, и вредное дело для партии проделывают те, кто направляют ищущих этот ключ в сторону от философии. Вот почему Ленин и учил большевиков, что усвоить экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т.-е. философии, значит не сделать еще и половины дела[1]).

Оно и понятно—ведь большевик не может стоять на точке зрения старого материализма, для него дело не кончается одним об'яснением, хотя бы и правильным, для него главное в правильном действии. А раз это так, то, стало быть, нельзя позабывать руководство к этому действию, каковым и является наша философия. Поэтому только спятивший с ума может рекомендовать партии забросить философскую работу. Она не может пойти на это, не рискуя измельчанием, опошлением своей тактики. Она не может согласиться на это, не рискуя своим собственным теоретическим перерождением, разрывом со своим прошлым, подпадением под чужое влияние в области теории. Она, партия, не может этого сделать, если хочет оставаться кормчим революции. Она не пойдет и не может пойти на это, если не хочет порвать с Русским Октябрем: на будущее философия не мыслима вне этого величайшего в истории опыта «критики оружием»; но опыт этот был проделан в русских условиях, по-русски, даже, может быть, слишком по-русски, и перевести его на язык философских обобщений можно пока лишь опираясь на лексикон русского языка.

Вот почему всяческие ратоборства с философией и у нас в партии кончаются так неожиданно для ее изничтожителей: ни целиком, ни по частям за борт жизни выбросить ее они оказываются не в состоянии. Философия упорствует и продолжает стоять там, где ей полагается: на капитанском мостике.

[1]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. X, стр. 279.

Д. Марецкий.

Ревизия ленинизма „слева“.

I. „Советская деревня“ тов. Ларина.

Учение о пролетарско-крестьянском союзе является самой характерной, самой оригинальной чертой ленинизма. Это учение— неоценимое оружие в идейном арсенале нашей партии. Опираясь на него наша партия могла, возглавляя пролетариат, увлечь за собой широчайшие слои крестьянства и добиться октябрьской победы; опираясь на него она воздвигла и укрепила огромнейшее пролетарское государство, которое вот уж восемь лет как высится гранитной твердыней на нашей планете; опираясь на него мы начали строить—и не без успеха—социализм в нашей стране; опираясь на него мы сумели выявить крупнейшие шансы для перспектив мировой революции и соответственно наладить тактику наших международных боевых организаций. Правильному пониманию соотношений между рабочим классом и крестьянством в самой различной обстановке, в самых различных сочетаниях— напр., до, во время и после захвата власти пролетариатом—вот чему учит ленинизм и знания чего он требует от ленинской партии.

С другой стороны, трактовка именно этого вопроса, вопроса о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в каждый данный момент, требует величайшей теоретической и политической бдительности и грозит неисчислимыми осложнениями в случае неправильности его разрешения. Отношение пролетариата к крестьянству—основная ось нашей партийной политики: тем страшнее самая незначительная трещина на этой оси. Малейший промах, ничтожная ошибка, самый крохотный упрощенский «заскок» здесь мстят за себя жестоко. Ведь не случайностью, а непреложной закономерностью является то, что понимание роли крестьянства служило демаркационной линией, отделявшей ленинизм как от меньшевистского лагеря, так и от всяких искажений и «уклонов» внутри самой большевистской партии.

Отношение к крестьянству было узловым пунктом теоретического боя между большевиками и меньшевиками в период революции 1905—1907 г.г.; как в вопросе о характере этой революции, так и о ее движущих силах. Отношение к крестьянству отделяло от ленинизма Троцкого и «перманентников». На недооценке крестьянства споткнулись «левые коммунисты» в период Бреста. «Забвение» роли крестьянства слепило цеховой слепотой представителей «рабочей оппозиции» в период введения нэпа и служило основой для «критических» нападок на партию за ее «перекрестьянивание», за ее якобы «мелкобуржуазные» тенденции. Отношение к крестьянству было и основной сутью споров между сторонниками ЦК и оппозицией во время дискуссии 1923—24 г.

Нечего и говорить, что всякая небрежность в трактовке основного вопроса ленинизма сугубо опасна для пролетарской партии, стоящей у власти. В этом случае дело пахнет провалом самой пролетарской диктатуры; ибо, поскольку поражен центральный нерв ленинской политики, партии ждать спасения неоткуда.

Сейчас мы в полосе хозяйственного под'ема. Мы подступаем к вершинам так наз. «восстановительного процесса». Интенсивно расширяется наша социалистическая промышленность, все более полнокровной экономически становится деревня, укрепляется наш торговый, банковский и кооперативный аппарат. Крестьянский вопрос встает перед нами в новой обстановке, в обстановке роста. Экономический рост деревни протекает в противоречивых формах. Деревня дифференцируется, расслаивается на отдельные социальные части. Все заметнее выделяется кулачество—вновь выплывает вопрос о борьбе и о формах борьбы с ним. Расширяются кадры деревенской бедноты—рождается вопрос о реальной экономической помощи ей и о политической организации ее. Обстановка роста и процессы расслоения не только не уничтожают, но ставят острее проблему связи пролетариата с середняком. Требуют своего выяснения и перспективы самого процесса дифференциации и ее об'ективные границы, а также вопрос: должна ли партия держать свой курс на форсирование, на усиление дифференциации, или она, наоборот, должна взять курс на «преодоление» дифференциации? В последнем случае возникают вопросы о рациональных экономических методах такого «преодоления», о наших командных высотах в деревне, о формах воздействия пролетарской диктатуры на стихийные процессы в деревне, о нашей политике цен и кредита и т. п.

Попытку дать решение всех этих проблем представляет собой книга тов. Ларина «Советская деревня» (изд. «Экономическая Жизнь», М. 1925), в которой в центре внимания стоит жгучая тема о «расслоении». На сборнике статей тов. Ларина настоятельно необходимо остановиться потому, что идеи, в нем развиваемые, в их совокупности представляют собой ни более, ни менее как фактическую ревизию взглядов Ленина на перспективы рабоче-крестьянского союза совершенно независимо от того, входила или не входила такая ревизия в намерения самого автора сборника. В нижеследующем изложении мы попробуем подвергнуть критическому рассмотрению основные положения тов. Ларина.

Социальное строение «советской деревни».

Для того, чтобы дать правильный прогноз дальнейшего хода экономического и социально-политического развития нашей деревни, необходимо предварительно выяснить ее социально-классовую физиономию в настоящем. Надо знать деревню такой, как она есть, надо ясно представить себе уже достигнутый уровень расслоения, надо отдать себе хотя бы самый элементарный отчет в тех реальных, фактических пропорциях, в которых разбита на составные социальные части современная деревня. Но для того, чтобы набросать верную фактически картину расслоения, мы обязаны вооружиться совершенно определенным методом исследования, располагать вполне надежным критерием для характеристики процессов расслоения.

Какой же критерий в данном случае является абсолютно надежным? Ясное дело, что таковым с марксистской точки зрения может быть только критерий общественно-производственный. Господствующая форма связи между участниками отдельного крестьянского и между различными крестьянскими хозяйствами—вот что должно быть масштабом, измерителем социально-классовой поверхности нашей деревни. Наличность или отсутствие отношений экономической зависимости одних людей или хозяйств над другими,—вот что исследователь должен уловить прежде всего. С этой точки зрения можно наметить три основные, три, так сказать, чистые экономические категории в деревне; крестьяне, ведущие свое хозяйство капиталистически, прибегающие к покупке рабочей силы, воспроизводящие его на основе эксплоатации чужого труда; крестьяне середняки—хозяйство которых воспроизводится как простое товарное хозяйство; наконец, крестьяне пролетаризованные, которые уже не являются самостоятельными товаропроизводителями, но основной источник существования которых сводится к отчуждению рабочей силы на сторону. Таковы три основные социально-экономические категории деревни. Ясно, разумеется, что эти типы в их чистом, предельном виде встречаются далеко не всегда. Действительная деревня насчитывает между тиэми типами ряд промежуточных ступеней, целое множество типов переходных. Поэтому исследователю конкретного социального переплета нашей деревни приходится вопрос ставить так: к какому из перечисленных трех чистых типов тяготеет данное крестьянское хозяйство, в какой из них она обнаруживает тенденцию превратиться, и уже в зависимости от разрешения последнего вопроса производить разбивку крестьянских хозяйств на социально-экономические группы. Сложность анализа деревенской экономики усугубляется еще и тем, что нам приходится иметь дело с самыми различными формами социальных связей, самыми различными формами эксплоатации, при чем сплошь и рядом эти формы склонны затемнять, маскировать реальные экономические отношения. К эксплоатации наемного труда, как такового, может присоединяться или заменять ее эксплоатация торгово-скупщеская, кабально-ростовщическая и пр.; отношения аренды могут ставить на голову действительные связи: кажется иногда, что безлошадный «нанимает» многолошадного и его «эксплоатирует» и т. п.

Каковы бы ни были, однако, различные формы социальных связей в деревне, суть их в условиях товарного хозяйства всегда имеет тенденцию свестись к одному из трех указанных типов. Общественно-производственный критерий должен быть положен поэтому и в основу самой распространенной разбивки крестьянства на группы—на кулачество, на середнячество и на бедноту. Кулачество—эксплоататорская верхушка деревни. Середняки—представители «простого товарного хозяйства» в деревне. Если середняки лишь изредка, лишь случайно прибегают к наемному труду, но в основном сохраняют свое бытие как «простые» товаропроизводители, они остаются середняками. Если же середняк начинает прибегать к наемному труду в целях эксплоатации систематически, он уже превращается в зажиточного, а в дальнейшем может превратиться и в кулака. Беднота экономически представляет собой крестьянство, превращающееся в батрачество. Бедняк может иметь собственное хозяйство, но его бытие как самостоятельного товаропроизводителя прекращается, он экономически зависит от кулака или от «крепкого» хозяйства.

Нас, быть может, упрекнут за то, что мы напрасно расточаем время и место на такого рода «азы» марксизма, что все нами только что сказанное является вещью само собой разумеющейся. Тем не менее мы должны напомнить эти «азы», ибо забвение их чревато целым рядом теоретических и политических злоключений. Мы вскоре это покажем на примере тов. Ларина. А пока остановимся на вопросе о так называемых «показателях» расслоения. Статистика, к сожалению, не позволяет судить о картине расслоения непосредственно: отношения эксплоатации, наемного труда и пр. в деревне, в особенности в их переходных и зачаточных формах, весьма и весьма редко фиксируются в статистических сводках. Поэтому обычно приходится оперировать косвенными показателями расслоения и от них уже с известной приближенностью заключать о фактическом уровне дифференциации.

Экономическое превосходство одних хозяйств над другими материально выражается обычно в бóльшем инвентаре, живом и мертвом, в бóльшей посевной площади, большем количестве и лучшем качестве производимых продуктов и т. д. Особо выдающаяся роль лошади в крестьянском хозяйстве нашего технического уровня делает «лошадность» обычно наиболее надежным показателем социальной дифференциации. Совершенно необходимо, однако, подчеркнуть, что правильное применение показателей обеспечено только при том условии, если будет соблюден так называемой порайонный принцип. Ибо в различных районах одна и та же абсолютная величина измеренного в показателях материального богатства может относиться к хозяйствам не одной и той же, но совершенно различной социальной силы. Один и тот же абсолютный размер инвентаря может в одних районах служить материально-вещественной базой кулацких хозяйств, в других районах—середняцких и т. п. Ясно поэтому, насколько обязательным для исследователя социальных отношений нашей деревни является неуклонительное соблюдение порайонного принципа. «Отвлечение» от особенностей данного с.-х. района было бы непоправимым ляпсусом, и такого рода метод «больших чисел» был бы источником «больших» заблуждений.

После нашего несколько пространного, но, как убедимся из дальнейшего, вполне необходимого методологического вступления обратимся к подходу к вопросу о расслоении, применяемому тов. Лариным. Предоставим слово самому тов. Ларину:

«Если взять,—пишет т. Ларин,—Великороссию (точнее РСФСР без азиатской части), то крестьянские дворы могут быть по основному признаку, посеву, разбиты на пять основных групп:

1. Полупролетарские — вовсе не имеющие посева или имеющие его менее одной десятины на хозяйство. Соответствует первым двум продналоговым разрядам, т.-е. имеющим менее полудесятины пахотно-сенокосной площади на душу.

2. Маломощные—имеющие более одной, но менее двух десятин посева на хозяйство. Соответ-

ствует третьему и четвертому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более полудесятины и менее одной десятины пахотно-сенокосной площади на душу.

Первую (полупролетарскую) и вторую (маломощную) группы обычно об'единяют в один слой бедняцких хозяйств (почти сплошь не имеющих своего рабочего скота и находящихся в кабальной зависимости от зажиточной верхушки деревни).

3. Середняки—имеющие не менее двух, но не более четырех десятин посева на хозяйство. Соответствует пятому и шестому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более одной, но менее двух десятин пахотно-сенокосной земли на душу.

4. Зажиточные—имеющие более четырех, но не свыше восьми десятин на хозяйство. Соответствует седьмому и восьмому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более двух, но менее трех десятин пахотно-сенокосной площади на душу.

5. Кулаки, имеющие более восьми десятин посева на хозяйство. Соответствует девятому продналоговому разряду, т.-е. имеющим более трех десятин пахотно-сенокосной земли на душу».

(Ларин, «Советская Деревня», стр. 172—173, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

Тов. Ларин заявляет сам, что «основным признаком» разбивки крестьянства на социально-экономические группы он считает размер посевной площади. От величины посева данного хозяйства он непосредственно умозаключает о его социально-экономической физиономии. Если в хозяйстве «менее двух десятин посева», то тем самым оно—бедняцкое. Если в хозяйстве «не менее двух», но «не более четырех» десятин, то оно—«середняцкое»; если выше, то оно «зажиточное» или «кулацкое» и т. п. Метод т. Ларина донельзя прост, категоричен, ясен и удобен. Но тем не менее он абсолютно никуда не годен.

Во-первых «посевной» признак тов. Ларина не «социален», а, так сказать, «материален»: материальную характеристику хозяйства (размер пашни) тов. Ларин превращает в его социальную характеристику (деление крестьянства на социальные группы).

Во-вторых, посевной признак тов. Ларина вовсе не «основной», вовсе не решающий показатель социальной мощности хозяйства, но только один из второстепенных показателей, которым можно оперировать лишь с рядом оговорок, с соблюдением порайонного принципа, с дальнейшим привлечением к анализу других показателей и т. д.

Наконец, в-третьих,—и это самое главное—«метод» разбивки тов. Ларина может привести к совершенно произвольным обобщениям и представляет собой, в основе своей, не что иное, как своеобразную тавтологию. В самом деле, почему, собственно говоря, тов. Ларин относит к середняцким хозяйства, имеющие не более 4 десятин посева? Почему он берет верхней границей середнячества четыре десятины посева, а не три десятины, а не пять, а не шесть десятин? Никаких осязательных доводов в пользу именно своей группировки т. Ларин не приводит и привести не в состоянии. Поэтому ларинский анализ расслоения—дитя чистейшего произвола.

Принимая различные размеры пашни для определения хозяйства данного социального типа, можно составить произвольное число схем, подобных ларинской. Если за нижнюю границу кулачества принять восемь десятин посева на хозяйство, можно получить одно число кулаков, если взять шесть десятин, то кулаков будет гораздо больше, если взять десять десятин, то их будет гораздо меньше. То же самое с бедняками, зажиточными и середняками. Пользуясь ларинским методом, можно наплодить своим воображением какое угодно количество бедняков, середняков и кулаков, можно «окулачить» нашу деревню до бесчувствия и можно самым беспардонным образом ее «осереднячить». И в том и в другом случае, однако, познавательная ценность ларинского «метода» обнаружит себя как нулевая.

Товарищу Ларину «желательно» было нарисовать преувеличенную картину расслоения в деревне; поэтому он произвел именно такую разбивку хозяйств по посеву, которая и дала ему «желаемый» результат. Таким путем т. Ларин пришел к выводу, что у нас уже в 1923—24 году было «маломощных больше, чем середняков» (стр. 144, мы не должны забывать, что по Ларину маломощные составляют только часть всей бедняцкой массы, так что вся сумма бедняцких хозяйств еще более превосходит сумму хозяйств середняцких); таким путем т. Ларин дошел до истины, что еще в 1922—23 г. верхушечная часть дворов Курской губ., например, составляла целых 33,3% всех дворов (стр. 181), что «не менее 30% посева» сосредоточено в советской деревне «в руках горсти зажиточных и кулацких дворов» (стр. 181); таким путем т. Ларин добрался даже до сенсационного откровения, что «зажиточная часть деревни у нас в первые годы нэпа расширила свое землепользование, на более выгодных условиях, чем при помещиках» (стр. 186); что середняков уже в 1923 году осталось у нас всего лишь 38,9% всего крестьянства (стр. 176) и т. д.

Если мы теперь захотим от только что приведенных данных обратиться к более точной картине, какую, по Ларину, должна являть собой наша деревня в настоящем, мы должны иметь в виду два следующих обстоятельства.

Первое. Тов. Ларин предупреждает нас, что «в жизни экономическая роль зажиточно-кулацкой верхушки еще больше, чем представляется по официальным цифрам» (стр. 182). Тов. Ларин специально оговаривает, что «те немногие официальные данные, какие все же имеются и приведены нами выше... надо рассматривать как показатель низшего предела фактически происходящего в деревне расслоения» (стр. 184). Иными словами, «советская деревня» выглядит еще более дифференцированной, чем это иллюстрируют даже ларинские данные, кулаков и бедноты в ней гораздо больше, и, наоборот, гораздо незначительнее середняцкое ядро.

Второе. Данные т. Ларина захватывают, самое позднее, период 1923—24 г. С тех пор процесс дифференциации не замедлился, но усилился, а хороший урожай этого года не мог не послужить подхлестывающим моментом для дифференциации. Следовательно к настоящему времени деревня должна выгля-

деть еще более дифференцированной, с еще бóльшим преобладанием крайних полюсов, с еще меньшим экономическим весом середнячества [1]).

Уже ларинский анализ расслоения раскрывает перед нами поистине печальную, мрачную судьбу советского середняка. Середняк повсюду исчезает, «средние группы тают... везде» (стр. 183); из года в год, из месяца в месяц середняцкий массив нашей деревни все уменьшается; середняк—мнению Ленина наперекор—фактически перестает быть «центральной фигурой» нашего земледелия.

Мы вправе ожидать, что незавидная «фактическая» роль середняка в нашей деревне, уготованная своеобразным анализом тов. Ларина, соответственно скажется на последующих рассуждениях тов. Ларина; мы вправе ожидать, что и в теоретических положениях т. Ларина, и в намечаемых им перспективах, и в рекомендуемой им системе экономико-политических мер,—середняк все более и более будет снижаться к роли в углу стоящего статиста.

Обратимся теперь к ларинскому пониманию существа рабоче-крестьянского союза. Посмотрим, в какой мере ларинская трактовка совпадает с ортодоксальной ленинской. В книге Ларина есть место, где он подробно развивает формулу так называемого рабоче-бедняцкого блока. Раскрывая эту формулу мы можем получить вполне отчетливое представление о том, так сказать, теоретическом венце, которым украшена вся пирамида ларинской «крестьянской» концепции. «Рабоче-бедняцкий блок,— пишет тов. Ларин, —... мыслится нами как основной стержень нашей деревенской политики»,—и тут же оговаривает, что этот блок «не должен противополагаться середняку, а должен отвоевывать его (надлежащим поведением) от влияния верхушки и привязывать к себе» (стр. 42—43, курсив Ларина). Мы скоро увидим, какова реальная ценность ларинской оговорки насчет середняка, а также узнаем, какое «поведение» по отношению к середняку тов. Ларин считает «надлежащим», а пока займемся формулой тов. Ларина, как таковой.

«Мы имеем,—говорит тов. Ларин,—лестницу из трех ступеней. Во-первых, в основе всего лежит диктатура пролетариата во всей стране».

«Во-вторых, в деревне эта диктатура, согласно нашей партийной программе, должна проводиться путем организации рабоче-бедняцкого блока, т.-е. тесного союза рабочих батраков и маломощных крестьян (значительная часть которых к тому же социально близка рабочим, сама являясь полупролетарской, отпуская членов своих семей на временные или постоянные заработки вне своего семейства)...».

В-третьих, рабоче-крестьянский блок в деревне вступает в союз с середняком... (стр. 44, подчеркнуто т. Лариным).

---

[1]) Любопытно отметить в данной связи, что прославившийся своей неудачной попыткой проследить влияние урожая на социальные отношения в деревне т. Голендо (статья о «Политике цен» в «Большевике», № 15) применил, так же, как и Ларин, метод определения хозяйств по посевным площадям и так же невероятно сгустил краски насчет дифференциации. У Голендо «получилось», что подавляющая масса хлеба сосредоточена в руках зажиточно-кулацкой верхушки. Ларинский, «низший предел расслоения», определяемый по посевным площадям и Годендовские кулацко-зажиточные хлебные гиганты—социальные продукты одной и той же «левой» паники.

На первый взгляд кажется, что у Ларина все в порядке, что никакого отступления от ленинизма нет. Разве Ленин где-нибудь высказывался против реализации рабоче-бедняцкого блока, разве Ленин когда-нибудь выступал против союза рабочих и беднейших крестьян с середняком? Наоборот, он всегда выступал за это. Кажется, что у тов. Ларина все идет «по Ленину». Кажется, что тов. Ларин в полном согласии с Лениным выступает ревностным поборником интересов середнячества, что он решительный сторонник ленинского «союза» с ним.

И тем не менее все это только «кажется». Надо только суметь отделить словесную шелуху ларинских рассуждений от подлинного ядра его теоретического подхода. Было бы, разумеется, младенческой наивностью ждать от тов. Ларина, что он где-либо прямо скажет, что он против середняка, против соблюдения его интересов, против налаживания с ним «союза». Если бы дело обстояло так просто, то не стоило бы заниматься доказательством антиленинского «ревизионизма» тов. Ларина. В том-то и секрет, что «уклоны» на практике выступают, как правило, не в их обнаженном, но старательно завуалированном, затушеванном виде. Но тем опаснее, тем соблазнительнее уклоны, что они деликатно преподносятся обычно при полном «соблюдении аппарансов».

Первое, что наводит на сомнения в приведенной цитате из книги Ларина, это его утверждение, будто учение о «рабоче-бедняцком блоке» является «основным стержнем» в ленинском подходе к деревенской политике. Совершенно бесспорно, и было бы пустой банальностью это «аргументировать», что Ленин стоял за блок пролетариата с деревенской беднотой. Но совершенно неверно считать «рабоче-бедняцкий блок» «основным стержнем» ленинской деревенской политики. «Основной стержень» тов. Ларина стирает в ленинизме как раз то, что для ленинизма является самым специфическим. Не ленинизм, но старая социал-демократическая традиция усматривала в отношении рабочего класса к беднейшему крестьянству «основной стержень» политики в деревне. Трактовку вопроса о бедноте—Лениным— трактовку, разумеется, тоже своеобразную—надо брать в сочетании с ленинской трактовкой середняка. Если же мы «забудем» о середняке, то мы ничего не поймем в ленинской деревенской политике и получим самое превратное представление об ее «основном стержне». Не кто иной, как меньшевики и «перманентники» с суеверным полупрезрением, полуиспугом относились к мелкому буржуа, середняку и ограничивались лишь «Эрфутскими» разговорами о «пролетариате и полупролетариате» деревни. Наоборот, именно Ленин поставил середняка на подобающее место в политике пролетарской партии.

Но ведь и Ларин высказывается за «союз с середняком»? Ведь у Ларина «рабоче-бедняцкий блок» не изолирован, но «вступает в союз с середняком». И все же ленинский «союз с середняком» и ларинский «союз с середняком» две ягоды не одного и того же, но совершенно различного поля. Гвоздь вопроса заключается в самом характере пролетарского союза с середняком. Лариным этот союз мыслится в форме «нейтрализации» середняка (Ларин, Стр. 44). При этом т. Ларин пытается подкрепить свою точку зрения, точку зрения «нейтрализации», ссылкой на авторитет т. Ленина. Между тем, именно тов. Ленин дал раз навсегда вполне опреде-

ленное указание на «недостаточность» формулы нейтрализации в новой обстановке. Во весь гигантский рост Ленин поставил задачу не «нейтрализации» середняцкого крестьянства, но задачу «прочного союза» с ним. И если т. Ларин, несмотря на это, упорно продолжает цепляться за обветшалую формулу нейтрализации, то политически это не что иное не означает, как скат к социал-демократической старинке. Как т. Ларин будет «нейтрализовывать» среднее крестьянство, осуществлять с ним «союз» и что из этого получится, мы увидим ниже.

В своей известной речи на VIII с'езде РКП Ленин в следующих слогах охарактеризовал историческую роль у нас середняка: «... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве...». (Ленин, Собр. Соч. т. XVI, стр. 146, подчеркнуто нами). Находим ли мы что-либо подобное у тов. Ларина? Не только не находим, но все существо ларинского «учения» диаметрально противоположно намечаемой тов. Лениным перспективе в только что приведенной цитате.

По Ленину, по мере нашего роста, нашего укрепления, нашего приближения «к задачам коммунистического строительства», роль середняка должна прогрессивно возрастать, середняк в известной мере все больше и чаще должен ставиться в «центре внимания».

По Ларину, наоборот, по мере нашего под'ема, приближения к задачам коммунистического строительства роль середняка должна прогрессивно убывать, середняк должен «таять» в процессе дифференциации и соответственно выходить из «центра нашего внимания».

До чего доходит это прогрессирующее «сужение» роли середняка у тов. Ларина можно судить из одного его носящего программный характер, положения. На стр. 176—177 мы читаем:

«... чтобы из рук у нас не уплыла постепенно политическая и экономическая власть в деревне, надо практически иметь в виду два пункта:

Во-первых, стихийному при нэпе росту зажиточно-кулацкого производства противопоставить сознательную производственную политику государства, направленную к производственному под'ему на общественных началах близких нам элементов деревни («коллективизация бедняцких хозяйств»).

Во-вторых, тщательно изучать фактический характер тех или иных принимаемых ради смычки с деревней мер для установления, кому они идут на пользу, верхушке или низам, и для такого направления нашей кредитной политики, политики хлебных цен, налоговой политики в деревне и т. д., чтобы они служили смычке с бедным большинством, а не зажиточным меньшинством деревни.

Вот правильное в нынешних условиях направление для господствующего пролетариата, чтобы держать крепко деревенский тыл, чтобы не дать бедное большинство деревни политически использовать зажиточному меньшинству (а с ним вместе буржуазии), чтобы вести под'ем сельского хозяйства не дорогой кулацкой, а дорогой общественно-кооперативной его перестройки».

Здесь в этом «программном» положении т. Ларина середняк вовсе улетучивается, как самостоятельная категория: имеются

лишь «низы» и «верхушка», «бедное боольшинство» и «зажиточное меньшинство». Рабоче-бедняцкий блок здесь заменяет собой рабоче-крестьянский блок.

Ларинский анализ «советской деревни», упрощенный метод этого анализа (по «посевным площадям»), его итоги (быстрое вне всякой меры «растаивание» середняка), теоретическая реставрация старой социал-демократической «нейтрализации»—фактического подмена рабоче-крестьянского блока рабоче-бедняцким—самое неумеренное искажение фактических пропорций, тенденциозное «обессереднячение» деревни—все это должно иметь своим неотвратимым последствием неизбежность потери правильной политической перспективы.

II. Перспективы советской деревни и политика нашей партии.

1. Роль кооперации и колхозов в изображении тов. Ларина.

Неправильный анализ фактических соотношений логически влечет за собой ошибочный прогноз. Зная особенности ларинского «фактического» анализа нашей деревни, мы уже заранее можем заключить о фальши ларинских политических перспектив. Чрезвычайно ярко искажение перспектив тов. Лариным сказывается в его трактовке соотносительной роли с.-х. кооперации и сельско-хозяйственных коллективов.

На что, на какие экономические организации деревни должен ориентироваться по преимуществу тов. Ларин, на кого он должен ставить свою генеральную ставку, на что он должен держать курс? Какой путь к социализму в деревне тов. Ларин считает основным, более широким, более массовым—через с.-х. кооперацию или через с.-х. коллективы—и в каком сочетании принимает он эти оба пути к социализму? [1]).

На войне,—говорит т. Ларин,—прав тот, за кем идут большие батальоны. Главными, бóльшими батальонами деревни т. Ларин считает широкие кадры деревенской бедноты. Уже сравнительно давно тов. Ларин насчитывал в «советской деревне» бедняцких «батальонов» больше, чем середняцких. С тех пор экономический под'ем и сопровождающее его расслоение должны были привести к еще большей консолидации бедняцких «батальонов» и дальнейшему повсеместному «таянию» «батальонов» середняцких. С другой стороны, сравнивая с.-х. кооперацию и колхозы, можно заметить, что, если к первой экономически тяготеют по преимуществу крестьяне-середняки, то вторые, в подавляющей своей массе, являются экономическими организациями бедноты. Раз в «советской деревне» тов. Ларина беднота в абсолютном большинстве, раз она качественно ближе к пролетариату, и раз колхозы являются именно бедняцкими организациями, у тов. Ларина не остается и тени колебаний при «выборе» между колхозами и с.-х. кооперацией. Его генеральная ставка—ставка на колхозы.

---

[1]) С.-х. коллективы нужно, строго говоря, включить в общую систему с.-х. кооперации. В виду специфической роли коллективов у Ларина, их приходится, однако, разно выделить из всей системы.

Ряд выдержек из «Советской Деревни» дадут нам возможность судить об аргументации тов. Ларина в пользу его ставки на колхозы.

«*Торговой* смычке с середняком, обеспечивающей политически наш *тыл*, должна соответствовать смычка с *бедняком*, превращающая его об'единенное хозяйство в школу массового воспитания *социалистических* навыков» (стр. 126, подчеркнуто Лариным).

«Мысли о «торговой смычке» с середняком и зажиточным слишком оттесняли на задний план память о «производственной смычке» с бедняком, которая уже теперь должна служить *существеннейшим* элементом социалистической перестройки деревни (наряду с будущим значением совхозов и грядущей электрификацией). Когда-то в старой России заезжий немец, барон Гакстгаузен, «открыл» русскую общину. Недавно первые годы нэпа настолько заслонили от общественного собрания громадные процессы коллективизации бедняцкого хозяйства, что, пожалуй, гость из какой-либо заграничной коммунистической партии мог бы не без эффекта «открыть» наличность у нас миллионной «коллективизации» (стр. 133, подчеркнуто нами).

«... Деятельно развивая все формы кооперирования, *мы должны в то же самое время главное внимание обратить на деловое насаждение производственных коллективов* (*колхозов*), как на одну из основных задач работников на местах и в центре» (стр. 144, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

«Между тем, возможен риск, что палка будет перегибаться и в другую сторону, т.-е., в сторону организации только *вспомогательных* видов кооперации (сбытовой, кредитной), а *основная*, производственная, будет отодвинута на задний план» (стр. 142, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

В приведенных цитатах «лево»-колхозская ориентация т. Ларина отчеканена им самим с исчерпывающей ясностью. Кооперативная «смычка»—«торговая»; смычка через колхозы — «производственная». Поэтому тов. Ларин ориентируется на колхозы. Середняцкая кооперация, по т. Ларину, обеспечивает—и то лишь «политически»—наш «тыл», колхозы же—наши основные высоты в деревне. Поэтому тов. Ларин 99% своих симпатий устремляет именно на колхозы. Середняцкая кооперация, по т. Ларину, носит лишь «вспомогательный» характер, в то время, как колхозы—«существеннейший элемент» социалистического переустройства деревни. Поэтому-то т. Ларин «главное внимание» уделяет именно колхозам и чуть ли не претендует стать действительно «бароном Гакстгаузеном» нашей партии, «открывающим» коллективизацию [1]).

Нет нужды, однако, раз'яснять здесь, что ларинская ставка на колхозы, как на основной рычаг социалистической трансфор-

[1]) Курьезно, но тов. Ларин, повидимому, не замечает, что его аналогия «открытия» колхозов с «открытием» русской общины бароном Гакстгаузеном всем своим ироническим жалом направлена против него самого. Неужели тов. Ларин «забыл» про печальную историческую судьбу гакстгаузеновского «открытия»?

мации нашей деревни, противоречит и взглядам тов. Ленина и всей политике нашей партии и фактическому положению вещей в деревне. Из того, что необходимо всемерно оказывать материальную помощь бедноте, из того, что пролетарское государство и пролетарская партия должны и будут всячески ставить бедняцкие коллективы на ноги, вовсе не вытекает необходимость ларинского сведения с.-х. кооперации к скромной роли «вспомогательного» вида. Именно «основным», а не «вспомогательным» видом, именно «существеннейшим» [1]) рычагом социалистического преобразования деревни является в ленинском плане сельско-хозяйственная кооперация. И если т. Ларин свысока смотрит, на «вспомогательный» лад, третирует с.-х. кооперацию, то это у него лишь логически увязывается с общей недооценкой середняка. Раз «тает», как некая Снегурочка, ленинский середняк, то незавидной, конечно, у т. Ларина должна выйти судьба середняцкой с.-х. кооперации. Последняя мановением ларинского «легкого» жезла должна влачить лишь подсобное «вспомогательное» существование.

Плодом чистейшего недомыслия является утверждение т. Ларина. будто кооперативная смычка с середняком носит лишь «торговый» характер, в противоположность «производственной смычке» через коллективы. Сводить роль с.-х. кооперации к ее чисто коммерческой стороне значит предавать сожжению все учение Ленина—через кооперацию внедрение социализма в деревню. Не «тыл» наш обеспечивает в деревне с.-х. кооперацию, но она открывает широкие возможности социалистической переделки деревни с ее середняцкого фасада.

Логической основой ларинского предпочтения «смычки производственной» смычке «торговой» служит вульгарно-«марксистское» предпочтение «производственного» момента моменту «обращения». Если кооперирование идет по «производственной» линии, то на него именно надо ориентироваться, за него надо ухватиться для того, чтобы по социалистическому руслу потащить за собой деревню. Кооперирование же сферы «обращения», как сферы «производной», должно, мол, представлять собой лишь «производную» вспомогательную задачу. Начинать надо, по Ларину, с «основного», «главного», с «производственного», начинать надо с колхозов. Колхозы—вот архимедова точка для социалистической реорганизации советской деревни.

От процесса обращения к процессу производства, через посредство механизма рынка, через кооперирование обращения в дальнейшем к кооперированию и социалистической организации сельско хозяйственного производства—этой своеобразной диалектики грандиозного кооперативного плана т. Ленина—тов. Ларин не понял. Ему осталась чуждой вся основная идея знаменитой ленинской работы о кооперации. Он не заметил главной магистрали, по которой, по Ленину, должна двинуться к социализму деревня.

[1]) „Существеннейшим"—в определенном смысле. С. х. кооперация для нас „существеннее" колхозов не потому, что она „выше" колхозов социально-экономически, организационно-технически и пр.—наоборот в последнем смысле колхоз гораздо „ближе к социализму"—но потому, что путь к социализму через с.-х. кооперацию более „массовый", нежели специфический путь колхозов, не в меру облюбованный тов. Лариным.

На ряду с колхозами тов. Ларин «существеннейшими элементами социалистической перестройки деревни» считает только разве «будущее значение совхозов» и «грядущую электрификацию». А с.-х. кооперация—то, что в ленинской перспективе фигурирует действительно, как «существеннейший элемент» в деле перевода деревни на рельсы социализма? О ней тов. Ларин думает меньше всего [1]). Она ведь аппарат чисто-«торговой смычки», она ведь гнездится всего лишь в презренной сфере обращения.

Известны замечательные рассуждения тов. Ленина об «основном звене», за которое должен уметь ухватываться настоящий политик. Сам т. Ленин, как несравненный гений-политик, владел в совершенстве этой тайной «основного звена» всей цепи. И весьма характерно, что т. Ленин не раз находил это основное звено именно в процессе обращения. Вспомним хотя бы его ударение на необходимость свободного оборота, его лозунг: «надо учиться торговать». В учении о кооперации тов. Ленин опять-таки показал, как через кооперирование *рыночной* сферы крестьянского хозяйства можно перейти к его производственному кооперированию.

Тов. Лариным действительное соотношение между кооперацией и колхозом поставлено на голову. И если последствием его анализа расслоения мы имели невероятную «пропажу» центральной фигуры советской деревни, пропажу середняка, то последствием его «лево»-колхозного заскока мы имеем столь же невероятную и столь же фатальную потерю ленинской кооперативной перспективы.

2. Политические перспективы «советской деревни». Так называемая «третья революция».

Если, по Ларину, экономическим гегемоном «советской деревни» является зажиточно-кулацкая верхушка, то она, по его мнению, проявляет не без успеха и тенденцию стать *политическим* гегемоном деревни. Раз, по ларинским таблицам, экономический вес кулака огромен, раз «в жизни» этот вес еще больше, чем можно судить по «таблицам»—то, по всем правилам марксистской алгебры «экономика» должна отразиться на «политике» и вытолкнуть на политическую авансцену в деревне кулака.

Политическое преобладание деревенских верхов должно, по Ларину, сказаться тем сильнее, что прошел целый «этап» (1921—1923 г.) в развитии «рабоче-крестьянских отношений», когда у нас в деревне господствовал «фактический курс на середняка и *зажиточного*» (*Ларин*, стр. 9, подчеркнуто нами).

И стихийно растущая экономическая сила кулачества, и якобы проводимый в течение целого исторического периода «фактический курс» партии «на зажиточного»—оба момента должны были чрезвычайно обострить проблему власти в деревне. И, действительно, анализируя положение в органах нашей деревенской власти—в особенности в сельсоветах—т. Ларин приходит к выводу самому безотрадному.

---

1) Тов. Ларин, правда, кое-где говорит и о том, что к коллективизации производства «через кооперирование» пойдет и середняк. Но тов. Ларин ни за что не соглашается признать «вспомогательную» с.-х. кооперацию «существеннейшим элементом» социалистической переделки деревни, хотя бы только «на ряду» с колхозами и совхозами.

«На выборы и обычные сходы,—говорит т. Ларин,—являются более *активные* в отстаивании своих интересов, более сознательно относящиеся к этим интересам и более *подготовленные* к их защите—грамотные, привыкшие и в старое время к такого рода деятельности и т. п. Всем этим условиям удовлетворяют *прежде всего элементы зажиточные и даже кулацкие*» (стр. 13, последняя фраза подчеркнута нами. *Д. М.*).

«...*Точные массовые данные НКВД по всей РСФСР показывают, что советскую избирательную конституцию в деревне в этом отношении* (в отношении права выборов. *Д. М.*) *топчут ногами*» (стр. 16—17).

Сплошь и рядом в расположенных в разных частях страны губерниях середняцко-бедняцкого союза на выборах не было, а «было засилие зажиточной верхушки или *середняцко-верхушечное соглашение*».

«Подобная же, хотя несколько ослабленная картина наблюдается и по волисполкомам» (стр. 15) [1]).

Для того, чтобы исправить, ввести в нормальное русло, охарактеризованное положение дел в деревенских органах власти; для того, чтобы вновь взять в свои руки в значительной мере, по Ларину, перехваченные верхушкой политические вожжи в деревне, т. Ларин рекомендует нам принятие самых срочных, самых решительных мер. Тов. Ларин бросает боевой клич борьбы в деревню, он зовет к настоящему «антикулацкому *походу*», пространно поучает он т.т. Рыкова и Калинина, как этот «поход» надо вести, и об'являет внесение в деревню «политического раскола» одной из самых основных задач нашей партии в настоящее время.

Чтобы «оживить Советы, *надо* в деревню, в *дополнение* к существующему там экономическому *расслоению* (между кулачеством с одной стороны, и рядовым и низовым крестьянством с другой) внести еще и *активно-организуемый политический раскол* (стр. 54, подчеркнуто нами).

Юридические формулы «за крестьянскую самодеятельность», формулы: «лицом к деревне» и т. п. у нас на практике с неизбежностью превращаются и не могут не превращаться—в усиление борьбы с буржуазно-кулацким влиянием и значением. в деревне.

Иначе и не может быть. Ибо в чем выражается прежде всего развитие самодеятельности при наличности классового расслоения в развивающей свою самодеятельность среде. *Ясно, что в усилении взаимной классовой борьбы*» (стр. 24, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

Политическим курсом нашей партии в деревне тов. Ларин считает *форсирование классовой борьбы*. Наша партия,

---

1) Что на самом деле картина власти на местах у нас выглядит вовсе уж не столь по-Ларински мрачно, показывают кое-какие проскальзывающие даже у самого Ларина данные. Например, «впрочем и сейчас видные выборные должности в деревне занимаются преимущественно бывшими красноармейцами. Так, по 12 губерниям, данные о которых сведены т. Белобородовым, на выборах конца 1924 г. прошло среди председателей волисполкомов 72% бывших красноармейцев, (три четверти), а среди председателей сельсоветов—более половины. Едва ли такими «массовыми данными» можно иллюстрировать ларинское «засилие» зажиточной верхушки.

по его мнению, должна ориентироваться на «усиление взаимной классовой борьбы» активно организовывать «политический раскол» в деревне. Происходящую в деревне экономическую дифференциацию, тов. Ларин предлагает «дополнить» разжиганием политических страстей.

Тов. Ларину нельзя отказать в известной последовательности. Его лозунг разжигания классовой борьбы в деревне логически упирается в «забвение» середняка. Действительно, поскольку в «советской деревне» середняк отнесен на задний план, поскольку безжалостным тараном дифференциации середняк все более превращается в величину, которой можно пренебрегать, постольку понятен и постольку правилен курс на усиление классовой борьбы. Если «советская деревня» Ларина упрощенно трактуется всего лишь, как некий двуликий Янус (бедняцкое большинство и зажиточное меньшинство), то ничего нет естественнее, чем дать энергичную «смазь вселенскую» по «зажиточному» лику Януса и таким путем создать одноликую деревню, состоящую лишь из «бедняцкого большинства».

Между тем реальная наличность—несмотря на дифференциацию—в деревне огромного середняцкого массива делает решительно негодным ларинский курс на разжигание политических страстей в деревне. Лозунгом «активной организации раскола» можно середняка от партии отшибить и толкнуть его в об'ятия кулака, вопреки совершенно обратным намерениям тов. Ларина. Работа над политической организацией деревни, над политической организацией бедноты, в особенности над обязательным политическим приобщением к бедноте середняка, должна вестись гораздо сложнее.

Точка зрения партии по вопросу о форсировании классовой борьбы совершенно аналогична ее точка зрения по вопросу о дифференциации.

Происходит процесс дифференциации со всеми сопровождающими его последствиями. Дифференциация стихийно укрепляет кулачество и другим своим концом больно ударяет по деревенской бедноте. Партия, не в пример тов. Богушевскому, «отрицающему» дифференциацию, трезво учитывает процесс дифференциации. Партия не относится к этому процессу пассивно, но она активно воздействует на этот процесс. Она подымает, укрепляет бедняцкие хозяйства, принимает всевозможные меры помощи бедноте, организует ее, поскольку это возможно, в коллективы. Она помогает экономической борьбе бедняцких и середняцких хозяйств против кулачества. Но не закрывая глаз на процессы расслоения, партия не ставить свою ставку на дальнейшее обострение дифференциации. Наоборот она держит курс на преодоление дифференциации, и принимаемые ею меры экономической помощи бедноте и середнячеству действуют в направлении противоположном стихии дифференциации.

Процесс дифференциации кристаллизует и оформляет социально-политические группировки в деревне. Классовая и политическая борьба в деревне неминуемо обостряется. Кулачество то здесь, то там организуется политически. Партия должна политически организовывать бедноту и всячески отрывать середняка от влияния кулацкой верхушки. Но из неизбежности обострения классовой борьбы, из того, что партия должна политически возглавлять середняцко-бедняцкий фронт, из того, что партия должна не допускать политического прорыва кулацкой верхушки, вовсе не следует, что партия обязана, по Ларину, неизбежное обострение классовой борьбы «дополнять» еще большим форсированием классовой борьбы и брать на себя функции деревенского «раскола». Политически ведя за собой бедноту и середняка, усиливая сопротивляемость этих слоев проискам кулачества, партия вовсе не ориентируется на усиление классовой борьбы в деревне. Тем более, что перспектива, которая открывается перед нами, предстоящее «преодоление» дифференциации не только не повлечет за собой разжигание классовой борьбы, но наоборот приведет к ее смягчению.

Ларинская «экономика советской деревни» плюс ее «политика» своим неизбежным результатом должна иметь проповедь так называемой «третьей революции». Разбивка деревни на «бедные низы» и «зажиточные верхи», необ'ятность перспектив бедняцкой коллективизации, рядом с принижением роли с.-х. кооперации, активное привнесение в деревню политического «раскола» и курс на разогревание, на усиление классовой борьбы должны неминуемо—хочет или не хочет этого тов. Ларин—поставить его на очную ставку с третьей революцией в деревне. Правда, прямо за третью революцию тов. Ларин не высказывается, трескотнею пулеметов и зрелищем «Варфоломеевской ночи» в деревне он никого пугать не собирается: постольку неправильно, конечно, приписывать тов. Ларину «третью революцию», как открыто прокламируемый им лозунг. На стр. 193 своей книги тов. Ларин говорит даже наоборот о «ненужности аграрной революции». Тем не менее «третья революция» неотвязчивым призраком повсюду бегает за тов. Лариным. И этот призрак до тех пор будет преследовать тов. Ларина, пока он не перестанет упорствовать в своих «левых» перескоках за ленинизм. Довольно прозрачные намеки на «третью революцию» можно найти впрочем и в «Советской деревне». Так на стр. 118, мы находим такое место:

«...В свое время придет конец и неприкосновенности кулацких хозяйств, и накопленный в них скот и инвентарь послужит материальной основой колхоза соответствующей группы батраков» (подчеркнуто нами. *Д. М.*).

Что это значит: «в свое время придет конец неприкосновенности кулацких хозяйств?» Какого рода «прикосновенность» к кулацким хозяйствам проектирует тов. Ларин на «свое время?» «Прикосновения» эти не могут быть платоническими, так как, по Ларину, в результате их кулацкое хозяйство должно превратиться в «колхоз соответствующей группы батраков». Быть может здесь идет речь, однако, не о революционных «прикосновениях», но об экономическом вытеснении кулачества, о том, что кулак под экономическим давлением вынужден будет ликвидировать свое самостоятельное хозяйство? Ничего подобного. Вытеснение кулачества через экономическую борьбу с ним вовсе не надо относить на какое-то заветное ларинское «свое время». «Прикосновения» к кулацким хозяйствам в процессе хозяйственной борьбы, равно как и «прикосновения» к ним налоговых ножниц,—все это мыслится и должно мыслиться нами, как дело текущего дня, как хронический процесс, а вовсе не дело, которое можно «начать» лишь «в свое время». Ясно, стало быть, что ларинские «прикосновения» суть «прикосновения» совершенно экстраординарного порядка, «прикосновения», которое могут осуществиться лишь под заревом новой революции. Акт очередной «экспроприации экспроприаторов» в деревне, «третья ре-

волюция» во плоти и крови—таково неотвратимое заключение из всех ларинских посылок[1]).

Третья революция ничего плохого собой не представляла бы, если бы в нашей деревне не было середняков. Но раз в нашей деревне середняк центральное лицо, третья революция не только «не нужна», но она привела бы нас к гибели, ибо она в два счета оттолкнула бы от нас середняка, чем был бы нанесен смертельный удар всему рабоче-крестьянскому союзу, основе бытия Советского Государства. Так посмеялась бы над Лариным недооценка середняка в «политике».

3. «Советская деревня» и политика хлебных цен.

В условиях нэпа «обмен веществ» между городом и деревней осуществляется через рынок: рынок—обращение товаров—является основной формой связи между обоими. Чрезвычайно важным, поэтому, можно даже сказать решающим, является вопрос о соблюдении определенной «пропорциональности» в этом «обмене веществ», вопрос об «эквивалентности» этого обмена, говоря практически, в о п р о с о ц е н а х. Для пролетарского государства вопрос о политике цен выступает, в известном смысле, как центральный воопрос, ибо в политике цен, как в призме, отражаются материальные основы взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Особую роль во всей системе политики цен играет и должна играть наша политика х л е б н ы х ц е н. Вопрос о хлебных ценах для основной массы нашего крестьянства является сугубо жизненным. От уровня хлебных цен, от их динамики, от регулирующего воздействия государства на хлебные цены в известной, и притом весьма значительной, мере зависят судьбы нашей деревни, темп развития в ней производительных сил, рост материального благосостояния крестьянства. Поэтому, выступая на хлебном рынке главным контрагентом крестьянского хозяйства, выступая главным скупщиком крестьянского хлеба, будучи монопольным экспортером хлеба за границу, пролетарское государство никогда не должно терять из виду интересов крестьянского хозяйства, должно ориентироваться на «справедливую» цену на хлеб.

Как же решает вопрос о хлебных ценах тов. Ларин? Товарищ Ларин предупреждает нас, правда, что он «не касается... специально политики цен с точки зрения производственных и классовых интересов пролетарского государства» (стр. 190). Но тем не менее общую канву для политики хлебных цен тов. Ларин намечает в достаточной мере определенно.

Наперекор «обычному» мнению, тов. Ларин изощряется пространно над доказательством того парадокса, что вообще в крестьянском хозяйстве роль хлеба относительно не важна. При

этом он считает, что определенно заинтересованной в повышении хлебных цен может быть разве только зажиточная верхушка.

«Но если брать не зажиточную и кулацкую группы, вместе составляющие лишь одну десятую всех крестьянских дворов, а остальные 90% деревни, то роль хлеба во всей сумме крестьянских продаж должна быть признана второстепенной» (стр. 218).

«Небольшой фактический проигрыш даже от сравнительно заметного отставания хлебных цен от довоенных в деле расширения сельского хозяйства в целом не имеет решающего значения и в общем покрывается совокупностью других выгод. Серьезнее чувствителен он преимущественно для много продающего хлеба верхнего кулацкого слоя, затрудняя ему дальше раскидывать свои сети и требуя от него движения в сторону большего перехода к незерновым культурам» (стр. 218).

Мы не будем приводить других мест из «Советской деревни», в которых тов. Ларин старается убедить своих читателей в «незначительности» роли хлеба для середняцких хозяйств и «серьезности» ее лишь для кулацких, где он пытается доказывать, что от понижения хлебных цен теряют только зажиточно-кулацкие элементы деревни. Уже приведенные цитаты красноречиво говорят за себя. К категории «серьезных» производителей хлеба тов. Ларин относит лишь «десять процентов» верхушечных дворов, а для «остальных д е в я н о с т а процентов деревни» значение продажи хлеба, и соответственно понижения цен, лишь «второстепенно» и проводит всего лишь к «небольшому», легко окупаемому «фактическому проигрышу».

Товарищ Ларин не дал своим читателям прямого раз'яснения: на какую политику хлебных цен предлагает он держать курс: на политику с н и ж е н и я или на политику п о в ы ш е н и я их. Нет ничего проще, однако, раз'яснить существо ларинской ориентации в области цен. Тов. Ларин д о л ж е н высказаться за политику с н и ж е н и я цен. Иначе его положение безвыходно.

В самом деле. Предположим, что тов. Ларин выступил бы за политику п о в ы ш е н и я цен. В этом случае он попал бы в самый щекотливый тупик. Об'являть, что в повышении цен на хлеб на деле заинтересованы лишь кулаки и зажиточные, что это повышение цен реально безразлично для середняцко-бедняцкой массы деревни, и одновременно ратовать за повышение хлебных цен—разве это не означало бы фактический курс на укрепление кулацких хозяйств, издевательство над беднотой и середняком? И разве не означало бы это, с другой стороны, непримиримую ссору тов. Ларина с самим собой: «левый» курс и сознательное потворство кулаку? Конечно, положение Ларина в этом случае было бы просто диким. Тов. Ларин не может высказываться за политику повышения хлебных цен. Наше предположение, следовательно, отпадает.

Но и ларинская ставка на п о н и ж е н и е хлебных цен выглядит немногим лучше. Она последовательна для тов. Ларина, она логически припаяна к его общей концепции, она, может быть, необычайно «лева», но она нанесла бы, в случае ее принятия партией, самый непоправимый вред нашей деревне. Делать курс на снижение хлебных цен основным стержнем нашей политики цен в деревне — значит итти на полный разрыв с середняком. Быть может, в ларинской «советской деревне», в такой деревне, где

---

[1]) Исключительную важность всякого рода «прикосновений» к кулацким хозяйствам тов. Ларин подчеривает в следующей прямо поразительно звучащей фразе «Сейчас для поднятия тяжелой индустрии и низших слоёв деревни к р у п н ы е д о п о л н и т е л ь н ы е с р е д с т в а м о ж н о и з в л е ч ь т о л ь к о п у т е м з а х в а т а в е р х у ш к и» (п о д ч е р к н у т о нами. *Д. М.*). Для поднятия тяжелой индустрии крупные средства можно «только» (как замечательно выглядит это «только»!) путем «захвата» верхушки! Низшие слои деревне также не могут без захвата «верхушки» двинуться с места! Каким экономическим Самсоном должен быть наш кулак, чтобы оправдать все претензии к нему тов. Ларина?

середняк только и занимается тем, что «тает», сошла бы безнаказанной политика снижения цен. Но в реальной советской деревне, в которой основная масса хлеба сосредоточена именно в руках середняков—что бы там Ларин и иные ни говорили—в такой настоящей СССР-овской деревне, политика снижения хлебных цен только разорвала бы великие узы, связывающие рабочий класс с крестьянством, отшатнула бы от нас прочь середняцкое крестьянство и толкнуло бы последнее на такого рода антибедняцкий блок с кулаком, от которого бы ни тов. Ларину, ни всей нашей партии не поздоровилось [1]).

Мы помним, что т. Ларин высказывался за «нейтрализацию» среднего крестьянства. Теперь по ларинской политике хлебных цен мы убеждаемся воочию, что представляет собой ларинская «нейтрализация» в ее конкретной оболочке. Ларинская «нейтрализация» середняка есть фактический **нажим** на него, разорительная для него политика хлебных цен. Покорно поблагодарит тов. Ларина середняк за такую «нейтрализацию» [2]).

4. Социальные пружины ларинского уклона.

Мы довольно подробно ознакомились с «левой» идеологией тов. Ларина. Взгляды, развиваемые тов. Лариным в «Советской деревне», представляют не только систематическое искажение учение Ленина, но совершенно недвусмысленную его ревизию, протаскиваемую под флагом усиления помощи бедноте. В довольно стройной, логически законченной форме перед нами продефилировала ревизия взглядов Ленина на середняка, на кооперацию, на колхозы, на дифференциацию, на классовую борьбу в деревне, на политику хлебных цен, на весь ленинский план социалистического переделывания деревни, на все существо ленинской трактовки рабоче-крестьянских отношений.

Не нужно думать, что своеобразный «левый» ревизионизм есть индивидуальный грех, есть личная беда тов. Ларина. В действительности приходится наблюдать, к сожалению, что ларинские идеи кое-где «носятся в воздухе», кое-кого заражают, там и сям проникают в нашу партийную среду, засоряют мозги отдельных товарищей. Ведь не спроста на опасности «левого» уклона обращено внимание в недавней резолюции Центрального Комитета нашей партии о помощи деревенской бедноте. Ларинская идеология имеет под собой определенную социальную подпочву. Какова эта подпочва, в чем состоит подоплека ларинских настроений?

---

[1]) Во избежание возможных придирок и недоразумений предупреждаем, что в тексте шла речь не о том или ином частном случае повышения или понижения хлебных цен, но о целой программе политики хлебных цен на годы. В зависимости от колебаний конъюнктуры можно и нужно производить всевозможные «маневры цен» на хлебном рынке, повышать или понижать их. В тексте вопрос стоял так: должно или не должно пролетарское государство обеспечивать экономически приемлемую цену основной массе своих хлебных контрагентов? По Ларину, игнорирующему середняка, **не должно**, ибо эти основные контрагенты, по его мнению, кулаки и зажиточные.

[2]) Небезынтересно сравнить политику хлебных цен тов. Ларина с «политикой цен» знакомого уже нам тов. **Голендо**. Тов Голендо, утверждая, что главная масса товарного хлеба (61%) находится в руках зажиточно-кулацкой верхушки—то же самое утверждает, как мы знаем и тов. Ларин—не высказывался, однако, за снижение хлебных цен, но наоборот, всячески предостерегал против снижения. Таким путем, тов. Голендо, сам того, вероятно, не подозревая, шел на поклон к кулаку.

Можно считать своего рода правилом что «уклоны» в нашей партии находят себе известное распространение в поворотные периоды нашей политики. Почти каждый крупный поворот нашей политики в конечном счете определяется тем или иным соотношением внутри пролетарско-крестьянского союза. Поэтому именно недооценка этих изменяющихся соотношений внутри «союза» порождает всевозможные уклоны.

В период «открытия нэпа», например, наша партия столкнулась с так называемой «рабочей оппозицией». Непонимание необходимости введения «свободного оборота» в стране из-за изменившихся соотношений между пролетариатом и крестьянством—после окончания гражданской войны — породило панику перед нэпом, мелкобуржуазный испугу представителей рабочей оппозиции. Экономические затруднения, осенний кризис 1923 г., болезненная агония бумажной валюты породили мелкобуржуазный испуг у троцкистской оппозиции, в своей «тоске по плану» и страхе перед «бурным ростом частного капитала» забывшей про крестьянство.

Не так давно мы пришли к расширению возможностей применения наемного труда в деревне и к легализации аренды. С другой стороны все больше стала давать себя чувствовать дифференциация, отпочкование кулачества и расширение бедняцких кадров деревни. Затруднения с беднотой, противоречил экономического роста в деревне кое у кого из теряющих перспективу не могут не преломиться в форме ларинского испуга, не могут не выразиться в нервной суматохе перед дифференциацией. Тут, бия в свои «левые» литавры, тов. Ларин может кое-кого увлечь за собой. Ведь он обещает нам не прежде-господствовавший «фактический курс на середняка и зажиточного», но «реки молочные, берега кисельные» бедноте, ведь он провозглашает церемониальный марш колхозов прямо к социализму, ведь он привлекает бедноту грядущим «захватом» деревенской верхушки, ведь он мечет молнии новой революции на небосклоне деревни.

Тов. Ларин «уклонялся» и раньше, и раньше он был завзятым «левым» колхозником. Но именно теперь ларинский уклон всего опаснее. Ларинский овощ более всего «зрел» для нынешнего времени, в обстановке новых сдвигов в деревне, в обстановке растущего расслоения. Тов. Ларин замечает в одном месте своей книги, что «соловья баснями не кормят». Тов. Ларин хочет этим сказать, что помощь бедноте должна быть вполне реальной, а не сводиться к дешевым словесным декларациям. Совершенно верно, помощь бедноте должна быть реальной. Совершенно верно и то, что переживаемая обстановка (дифференциация, явное и скрытое аграрное перенаселение) обостряет вопрос о помощи бедноте. Совершенно недопустимы, сугубо вредны попытки отмахнуться от оказания помощи бедноте благочестивым «отрицанием» процессов расслоения в нашей деревне, как это сделал тов. Богушевский. Но также совершенно недопустимо и столь же опасно решать вопрос о помощи бедноте по-ларински. Нельзя кормить бедняцкого «соловья баснями», а между тем программа помощи бедноте, провозглашаемая самим т. Лариным, есть не что иное, как «басня» самого злокачественного свойства. Ибо разве не басня, разве не демагогический посул представляет собой ларинское обещание исцелить все недуги деревни «захватом верхушки»? Разве это реальная помощь

бедноте, разве не демагогический посул ларинские чудеса скоропалительной «коллективизации»? Разве это реальная помощь бедноте, разве не демагогический посул ларинская ставка на третью революцию? И разве разрыв единства бедноты и середнячества, неминуемый при осуществлении ларинской программы, разве фактический нажим на середняка (ларинская полит. ка цен), мог бы хотя в самой ничтожной мере принести пользу деревенской бедноте? Демагогический посул повсюду у Ларина заменяет действительную помощь бедноте. Горькими, очень горькими пришлись бы бедноте те каштаны, которые ей предлагает вытаскивать из пламени новой революции тов. Ларин. Ни с точки зрения сохранения «прочного союза» с середняком, ни с точки зрения интересов самой деревенской бедноты, ни с точки зрения интересов пролетарского государства в целом и всей партии—категорически не приемлема расшитая самыми соблазнительными «левыми» узорами идеология т. Ларина. Партия останется чуждой мелкобуржуазной панике тов. Ларина. Она бедноте будет помогать реально, середняка не забудет и ленинскую перспективу сохранит.

М. Лифшиц.

Нынешний сельхозналог.

Политическое значение и роль нашего сельско-хозяйственного налога огромны, пожалуй, превосходят его фискальное значение.

В самом деле, нынешний налог, уже вместе с частью, идущей в волостной бюджет, понижен до 240 милл. руб., государственный же бюджет в истекшем хозяйственном году уже превысил 2,5 миллиарда руб., а на будущий год спроектирован в 3,5 миллиарда рублей.

Политическая роль сельхозналога.

Размер сельхозналога, система его во все годы революции отражали очередные задачи партии по отношению к крестьянству—и изменялась система налога так, чтобы эти задачи партии разрешались наиболее полно.

Когда на очереди вставал вопрос о необходимости внесения поправок, уточнений в наши взаимоотношения с деревней, то в числе мероприятий, имеющих содействовать разрешению этого вопроса, одно из первых мест занимал сельхозналог.

Говорить подробно об истории нашей налоговой политики в деревне—это значит повторять основные положения политики партии по отношению к деревне, это значит в большей своей части повторять моменты из истории, которая достаточно известна. Поэтому мы считаем достаточным напомнить только следующие случаи постановки в порядок дня вопроса о взаимоотношениях города с деревней, а, следовательно, и об изменениях нашей налоговой политики.

Первые годы революции—раскулачивание деревни, комбеды, продразверстка.

1921 г. (X С'езд Партии) — коренное изменение нашей экономической политики, коренное изменение и налоговой политики: замена продразверстки налогом.

1923 г. (XII С'езд Партии)—первые результаты новой экономической политики, рост товарности крестьянского хозяйства, рост денежности в деревне и, как следствие всего этого, коренные изменения нашей налоговой политики.

1924 г.—происходящие процессы в деревне, дальнейший рост денежности, укрепление народного хозяйства, твердый рубль—требовали дальнейших коренных изменений налоговой системы, ликвидации элементов натуральщины в сельхозналоге, замены натурального налога денежным.

Наконец—весна 1925 года. Изменения, вернее, уточнения наших взаимоотношений с крестьянством, в смысле наибольшего внимания к деревне, под общим руководящим лозунгом «лицом к деревне». Необходимость более активного содействия наиболее быстрому развитию сельского хозяйства, необходимость уточне-

ния наших отношений к каждой категории крестьянства, в связи с происходящим процессом дифференциации крестьянского хозяйства—потребовали изменений в действовавшем сельхозналоге.

Какими же должны были быть эти изменения?

Совершенно очевидно, что сельхозналог надо было перестроить так, чтобы он содействовал разрешению очередных и основных задач партии в деревне.

К чему, вкратце, эти задачи сводятся?

1) Содействие развитию производительных сил деревни, 2) вовлечение крестьянства в советское строительство, 3) действительная помощь бедноте и 4) укрепление твердой законности в деревне.

В сущности говоря, чтобы налог наилучшим образом содействовал разрешению всех этих задач, следовало бы его коренным образом реформировать.

Но, когда весною нынешнего года, ставился вопрос о системе налога, выявился целый ряд соображений против коренной реформы системы обложения деревни: решено было ограничиться внесением некоторых существенных изменений в прошлогоднюю систему налога. Эти изменения и должны были содействовать разрешению всех основных задач партии в деревне, о которых мы говорили выше.

Какие были внесены изменения в действовавшую систему, и разрешению каких задач эти изменения должны были содействовать?

Развитию производительных сил деревни должно было содействовать значительное понижение тяжести налога, изменение системы обложения арендованных земель, понижение тяжести налога, падающего на скот и перестройка прогрессии обложения в сторону понижения тяжести налога не только для бедноты, но и для высших групп крестьянских хозяйств в тех случаях, когда тяжесть налога мешала дальнейшему развитию этих хозяйств.

Вовлечению крестьянства в советское строительство в первую очередь должна была содействовать система волостных налоговых комиссий. Большинство состава этих комиссий—чисто крестьянское. Организацией этих комиссий проведение налога поручалось, в сущности говоря, самому крестьянству через эти волостные комиссии.

Автоматическое отчисление 41,5% налога в волостной бюджет безусловно оживит работу местных советов, а следовательно, привлечет внимание крестьянства.

Действительная помощь бедноте оказана как увеличением количества хозяйств от налога вовсе освобождаемых, так и построенной прогрессией обложения, наиболее благоприятствующей маломощной части крестьянства.

Укреплению законности в деревне, искоренению злоупотреблений и произвола должны будут содействовать некоторое упрощение системы налога, ясность в правах и обязанностях налогоплательщиков, сужение прав мест в отношении применения всяких мер наказания, уничтожение административных мер наказаний.

Мы перечисляем только главнейшие изменения, внесенные в прошлогодний закон.

Внесен еще целый ряд и других изменений и исправлений, которые также должны содействовать разрешению перечисленных выше задач партии.

Система нынешнего налога.

К чему сводится система ныне действующего сельхозналога?

Наш сельхозналог, по существу своему, является налогом, главным образом, подоходным.

В каждом крестьянском хозяйстве облагается земля (пашня или посев), сенокосы, крупный рогатый и рабочий скот.

Все остальные источники крестьянских доходов к обложению не привлекаются.

Сенокосы и облагаемый скот, по установленным для каждой губернии нормам, пересчитываются в десятины земли. Эти десятины земли мы условно называем налоговыми единицами.

Например, закон установил, что в Рязанской губ. десятина заливного луга пересчитывается в 0,9 дес. земли, или в 0,9 налоговой единицы, корова—в 0,6 налог. единицы и лошадь—в 0,7 налог. единицы. Таким образом, в каждом крестьянском хозяйстве все облагаемое сельхозналогом приводится в одно количество налоговых единиц.

Ставки налога устанавливаются на одну налоговую единицу, в зависимости от общего количества этих налоговых единиц на одного едока в хозяйстве.

Чем больше налоговых единиц на едока в хозяйстве, тем выше ставка налога на налоговую единицу.

Для каждой губернии и округа установлена отдельная таблица ставок, по образцу помещаемой здесь таблицы по Рязанской губернии.

Ставки единого сельско-хозяйственного налога на одну десятину земли и скота в пересчете на землю в Рязанской губ.

Таблица № 17.

Разряды по обложению.	По первой ставке облагается первая половина десятины на едока.		По втор й ставке облагается излишек сверх 1/2 дес. до 1 дес. на едока.		По третьей ставке облагается излишек сверх одной десятины на едока.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
I	—	30	1	25	2	35
II	—	35	1	40	2	65
III	—	40	1	55	2	90
IV	—	45	1	70	3	25
V	—	50	1	90	3	60
VI	—	55	2	10	3	95
VII	—	60	2	30	4	35
VIII	—	65	2	55	4	80
IX	—	75	2	80	5	30

Как видно из этой таблицы, установлены три ставки налога с десятины, или налоговой единицы:

Первая, наиболее низкая ставка налога — для наименьшего количества облагаемых единиц на едока.

Вторая, средняя ставка налога — для излишка облагаемых единиц на едока, после обложенного количества первой ставкой.

Третья, наиболее высокая—для количества облагаемых единиц сверх обложенных первой и второй ставками.

Кроме того, установлено девять разрядов по обложению, в зависимости от доходности в том или ином районе налоговой единицы (земли или скота). Пятый разряд является средним для губернии и по нему определяется сумма налога с губернии. Так как доходность облагаемой единицы может быть разная в различных районах губернии, то губисполкому предоставляется право устанавливать для отдельных уездов, волостей, и даже сел, и другие из этих 9-ти разрядов, но с тем, чтобы общая сумма налога, исчисленная по губернии по 5-му разряду, не понизилась. Т.-е. для одного уезда или волости может быть установлен, скажем, 7-й разр., а для другого 3-й. На таких же основаниях губисполкому предоставлено право изменять для отдельных районов губернии и установленные нормы пересчета сенокосов и скота в налоговые единицы. И при этом губисполком должен следить за тем, чтобы общее количество налоговых единиц, которое исчислено по губернии по нормам пересчета, установленным самим законом, не понизилось.

О том, чем руководствовались, устанавливая те или другие ставки налога, какова реальная тяжесть этих ставок и вообще налога, скажем ниже.

Пример исчисления налога.

Разрешим себе коротеньким примером пояснить, как исчисляется налог с хозяйства в той же Рязанской губ. по напечатанной таблице ставок.

Хозяйство расположено в Зарайском уезде и состоит из 5 душ. Числится за этим хозяйством 4 десятины пашни, 2 десятины сенокоса, 1 корова и 1 лошадь.

Пользуясь своим правом, учитывая местные условия, а также урожай и цены нынешнего года, Губисполком установил, что Зарайский уезд облагается не по 5 среднегубернскому, а по 3 разряду и нормы пересчета сенокоса и скота в налоговые единицы он также изменил: десятину сенокоса до 0,5 налог. един., корову—0,7, а лошадь—0,8 налог. един.

Всех облагаемых единиц в хозяйстве будет:

пашни	. . . .	4	дес., или налогов. един.
сенокоса—2 д.	по 0,5 д. =	1	" " " "
корова —1	по 0,7 д. =	0,7	" " " "
лошадь —1	по 0,8 д. =	0,8	" " " "

а всего в хозяйстве 6,5 налоговых единиц

и на каждого едока в хозяйстве приходится 6,5 : 5 = 1,3 дес. или налоговых единиц.

Сколько же будет причитаться налога с этого хозяйства?

Обратимся в напечатанной таблице ставок к 3 разряду, по которому Зарайский уезд будет облагаться. Там сказано, что:

первой ставкой будет облагаться первая половина десятины на едока. Таким образом, в приведенном нами хозяйстве по первой ставке будет обложено 5 едоков×0,5=2,5 дес. или налоговых единиц по 40 к. с налоговой единицы (III разр.), а всего 1 рубль.

По второй ставке облагается излишек сверх 0,5 дес. до 1 дес. на едока, т.-е. тоже по 0,5 дес. или налог. един. на едока, а всего 5 едоков×0,5=2,5 по 1 р. 55 коп. с налоговой единицы—3 р. 87 к.

По третьей ставке облагается излишек сверх обложенного по первой и второй ставкам. По этим ставкам обложено 2,5+2,5, а всего 5 налоговых единиц, из 6,5 имеющихся в хозяйстве. Значит по 3 ставке облагается 6,5—5=1,5 налог. един. по 2 р. 90 к., а всего 4 р. 35 коп.

В итоге с хозяйства причитается налогу: 1 р. +3 р. 87 к.+4 р. 35 к.=9 р. 22 коп.

Так исчисляется налог с каждого крестьянского хозяйства.

Нормы, по которым пересчитывается в налоговые единицы сенокос и скот в той или иной волости, Губисполком устанавливает в начале июня и широко это публикует. Таким образом, уже в начале июня крестьянство может исчислить налог, причитающийся с каждого двора.

По налогу установлены всякого рода льготы и скидки, которые делятся на 2 категории: льготы крестьянской бедноте, красноармейцам, комитетам крестьянской взаимопомощи и другим группам и организациям и 2 категория—поощрительного характера: переходящим к более культурным методам ведения крестьянского хозяйства.

От поступающего налога определенный процент отчисляется в волостной бюджет. В среднем по Союзу в волостной бюджет отчисляется 41,5% всего налога (100 млн. руб. из 240 млн.). Для разных губерний и волостей установлен разный процент отчисления. Есть волости, которые получают в свой бюджет полностью весь поступающий налог. Крестьянство сдает налог в свой Волисполком, при чем ту часть налога, которая отчисляется в волостной бюджет. Волисполком получает себе сейчас же, при поступлении налога.

Сдается налог в твердо установленные сроки, которые заносятся в окладные листы налогоплательщиков. Изменять сроки во всю кампанию нельзя.

Вот, в сущности говоря, к чему сводится нынешняя система сельхозналога.

Как изменялась тяжесть налога за последние годы?

К началу налогового года, весной нынешнего года, рост народного хозяйства выявился совершенно отчетливо. Отчетливо выявилась и тенденция дальнейшего роста народного хозяйства, и государственного бюджета в том числе, за счет доходности тех отраслей народного хозяйства, которые в первые годы революции дохода не приносили, или приносили очень мало.

Как мы сказали выше, одной из главнейших задач партии является способствовать наибольшему развитию сельского хозяйства, развитию производительных сил деревни. А так как

разрешению этой задачи способствует понижение налога, то и решено было понизить его. Это понижение тем легче могло быть произведено, потому что вследствие роста остальных доходных статей государственного бюджета, можно было роль сельхозналога в общегосударственном бюджете значительно понизить. Но в бюджете отдельных крестьянских хозяйств налог и нынешнего года занимает довольно крупное место.

Наш сельхозналог, даже пониженный до 240 млн. руб., все же в среднем составляет на каждое платящее налог хозяйство, примерно—15 руб.[1]).

Всякое исчисление тяжести налога, по отношению к общему товарному фонду сельского хозяйства, к общей покупательной способности сельского хозяйства, вообще ко всяким средним, вряд ли убедительно. Различия мощности отдельных категорий крестьянских хозяйств чрезвычайно велики. Поэтому эта средняя сумма налога, или средняя тяжесть налога, исчисленная по Союзу, мало показательна.

Все же мы приведем несколько цифр о тяжести налога по отношению к покупательной способности крестьянства:

в 1922—23 г. покупат. способн. кр-ва была исчислена	в 1.072	млн. черв. руб.[2])
„ 1923—24 „ „ „ „ „ „	„ 1 618	„ „ „
„ 1924—25 „ „ „ „ „ „	„ 1.971	„ „ „
„ 1925—26 „ „ „ „ „ „	„ 2.590	„ „ „ [3])

По отношению к покупательной способности крестьянского хозяйства из'ятие сельхозналогом составляет:

Годы.	Покупат. способн. сельск. населения в млн. руб.	Рост в %%.	Сумма налога с крестьянства в млн. руб.	То же с эмиссион. налогом.	% из'ятия с.-х. налога. Без эмис. налога.	С эмис. налогом.
1922—23 год	1.072	100	235	265	21,9	24,7
1923—24 „	1.618	150,9	272	332	16,8	20,5
1924—25 „	1.971	183,9	335	335	17,0	17,0
1925—26 „	2.590	241	240	240	10,8	10,8

---

[1]) Всех хозяйств, в круглых цифрах, 22 млн. Примерно 6 млн. хозяйств от налога освобождаются. Таким образом, платящих налог будет 1[illegible] млн.

[2]) П. И. Попов. «Итоги хозяйственного года и сельско-хоз. баланс».

[3]) В нашем распоряжении были только контрольные цифры Госплана. В виду того, что методы исчисления Госплана не совпадают с методом исчисления за предыдущие годы, мы сделали так: товарную часть (без внутрикрестьянского оборота) Госплан исчислил в 3.516,5 млн. черв. руб., или в 131,4% по отношению к 1924—25 г. Мы взяли 131,4% от 1.971 млн. руб. (покупат. способ. в 1924—25 г.) что и составляет 2.590 млн. руб. Предупреждаем, однако, о спорности такого расчета.

Здесь мы замечаем, что процент из'ятия из года в год падает. По отношению к нынешнему году этот процент из'ятия особенно понижен и вследствие значительного понижения самого налога, и вследствие значительного роста сельского хозяйства. Тем не менее, он все же довольно значителен, а по отношению к отдельным категориям крестьянских хозяйств размер из'ятия довольно высок.

Чтобы говорить о тяжести налога, повидимому, в первую очередь нам необходимо говорить о доходности сельского хозяйства. Чтобы ясен был размер понижения налога нынешнего года, приводим следующую табличку доходности сельского хозяйства и размера налога за последние годы.

Отношение сельхозналога к доходности сельского хозяйства [1]).

Годы.	Валов. дох. сельск. хозяйства в млн. руб.	Рост в %%.	Условный чист. доход сел. хоз. в млн. руб.	Рост в %%.	Сумма налога на крестьянство.	Рост в %%.	Сумма налога на крест. с эмиссион. налогом.	% из'ятия дох. Валовой. Без эмис.	Валовой. С эмис.	Усл.-чистый. Без эмис.	Усл.-чистый. С эмис.
1922—23 г.	5.563	100	4.021	100	235	100	265	4,2	4,8	5,8	6,6
1923—24 г.	8.652	155,5	6.228	154,9	272	115,7	332	3,1	3,8	4,4	5,3
1924—25 г.	9.128	164,1	6.698	166,6	335	142,6	335	3,7	3,7	5,0	5,0
1925—26 г.	14.257	256	10.408	258	240	101,2	240	1,6	1,6	2,3	2,3

При построении нынешнего налога условно чистый доход сельского хозяйства по Союзу был принят в 6 млрд. руб. По отношению к этому доходу исчисленная сумма налога в 280 млн. руб., т.-е. сумма налога, для которой строились таблицы ставок для каждой губернии, составляет 4,6%, а сумма налога, имеющая фактически поступить (240 млн. р.),—только 4%.

Сумма налога по Союзу исчислена по всему количеству об'ектов обложения, числящихся по Союзу и по таблицам ставок, установленным для каждой губернии. Поэтому, всякого рода льготы и скидки предоставляются уже за счет исчисленного налога. Это значит, что, если исчислено 280 милл. руб., то после освобождения от налога бедноты, после предоставления всех предусмотренных льгот и скидок, сумма налога, имеющая реально поступить—значительно понизится. Фактически с исчисленных в нынешнем году, примерно, 280 милл. р. реально и должно поступить только 235—240 милл. руб.

---

[1]) За первые года три—по исчислениям Кон'юнктурного Института НКФ, а за 1925—26 г.—Отдела Сельхозналога НКФ СССР. Эти расчеты требуют безусловного пересчета.

Прогрессия нынешнего налога.

Таблицы ставок для губернии, в соответствии с основными задачами партии по отношению к крестьянству, строились так, чтобы общее понижение налога коснулось не только бедноты, но и других, более мощных групп крестьянских хозяйств. Мы предупреждаем, при определении «более мощных», «менее мощных» крестьянских хозяйств мы исходим из одного условного положения, которое, разумеется, не всегда гарантирует правильность определения, но все же дает наиболее вероятное доказательство принадлежности этого хозяйства к той или иной категории хозяйств по мощности. Как мы уже говорили, сельхозналог исчисляется по количеству только двух об'ектов: по количеству земли и крупного скота (рогатого и рабочего), приходящихся на едока в хозяйстве. Вероятно, найдется целый ряд крестьянских хозяйств, для которых эти признаки не определяют мощности хозяйства. Найдутся хозяйства, которые, имея наименьшее количество земли и скота на едока, благодаря наличию дохода от других источников, не учитываемых сельхозналогом (скажем, от второстепенных отраслей сельского хозяйства или от неземледельческих заработков), являются более мощными, чем хозяйства, более обеспеченные теми об'ектами обложения, которые учитываются налогом. Все же можно сказать, что для громаднейшего большинства хозяйств, обеспеченность хозяйства основными об'ектами обложения на едока служит достаточным показателем мощности хозяйства.

Как же строились таблицы ставок? Какова прогрессия нынешнего налога, степень и система понижения тяжести нынешнего налога в сравнении с прошлым годом?

Чтобы не загромождать статью, мы приведем расчеты только по нескольким губерниям из различных районов.

Архангельская губерния.

Колич. облаг. един. на едока.	Сумма налога на едока.		% понижения.	Тяжесть нал. на облаг. един.		Доход на едока		% из'ятия дохода.	
	1924—25 г.	1925—26 г.		1924—25 г.	1925—26 г.	1924—25 г. при 78 р. 71 к. дох. на обл. един.	1925—26 г. при 88 р. 64 к. дох. на обл. един.	1924—25 г.	1925—26 г.
0,25	0,39	0,22	43,6	1,56	0,88	19,67	22,16	1,98	0,99
0,50	1,63	1,18	27,7	3,26	2,36	39,36	44,32	4,14	2,66
0,75	2,87	2,13	25,8	3,82	2,84	59,03	66,48	4,86	3,20
1,00	4,12	3,26	20,9	4,12	3,26	78,71	88,64	5,23	3,68
1,25	5,36	4,39	18,1	4,28	3,51	98,39	110,80	5,45	3,96
1,50	6,60	5,51	16,5	4,40	3,67	118,07	132,96	5,59	4,14
2,00	9,09	7,75	14,7	4,54	3,88	157,42	177,28	5,77	4,37
2,50	11,57	10,00	13,6	4,62	4,00	196,78	221,60	5,88	4,51
3,00	14,06	12,25	12,9	4,69	4,08	236,13	265,92	5,95	4,61
3,50	16,54	14,50	12,3	4,73	4,14	275,49	310,24	6,00	4,67

Как в этой, так и в следующей таблице, мы берем 10 групп, по количеству облагаемых единиц на едока. Первые 9 из этих 10

групп совпадают с теми группами по земле (главному об'екту обложения), которые принимались в течение последних четырех налоговых лет. Возможно, что внутри этих 10 групп могут быть некоторые другие группы, но они серьезного значения не имеют. Вряд ли требуется более дробная группировка, чем в одну четверть налоговой единицы на едока, или даже в половину единицы. Отчасти это подтверждает разбивка всех крестьянских хозяйств по этим 9 группам в %%[1]).

№№	Количество облагаем. един. на едока до:	Колич. этих хозяйств в %% к общ. колич. хозяйств по Союзу.
I	0,25	4,17
II	0,50	9,55
III	0,75	16,56
IV	1,00	19,06
V	1.25	29,13
VI	1,50	12,46
VII	2,00	4 96
VIII	2,50	2,03
IX	3,00 и выше	2,08

В табличке по Архангельской губ. (и по другим) мы даем, во-первых, сумму налога на едока в прошлом году и в нынешнем и процент понижения. Как видим, понижение по группам дает совершенно правильный ряд понижающегося процента от низших к высшим группам. Особенно значительно понижение для первой, наиболее маломощной группы. Затем, чтобы дать процент из'ятия налогом дохода, мы даем тяжесть налога на облагаемую единицу в прошлом году и в нынешнем, доход на едока в прошлом году и в нынешнем по каждой группе и процент из'ятия.

Рязанская губерния.

Колич. облагаем. един. на едока.	Сумма налога на едока.		% понижения.	Тяжесть нал. на облаг един.		Доход на едока.		% из'ятия дохода.	
	1924—25 г.	1925—26 г.		1924—25 г.	1925—26 г.	1924—25 г. при 40 р. 37 к. на облаг. един.	1925—26 г. при 44 р. 19 к. на облаг. един.	1924—25 г.	1925—26 г.
0,50	0,54	0,25	53,7	1,08	0,50	20.18	22,09	2,68	1,13
0,75	1,45	0,72	50,3	1,93	0,96	30,28	33.14	4,79	2,17
1,00	2,36	1,20	49,2	2,36	1,20	40,37	44,19	5,85	2,72
1,25	3,27	2,10	35,8	2,62	1,68	50,46	55,24	6,48	3,80
1,50	4,18	3,00	28.2	2,79	2,00	60,55	66 29	6,90	4,53
2,00	6,88	4,80	30,2	3,44	2,40	80,74	88,38	8,52	5,43
2,50	9,58	6,60	31,1	3,83	2,64	100,93	110,48	9,49	5,97
3,00	12.28	8,40	38,7	4,09	2,80	121,11	132,57	10,14	6,34
3,50	14,98	10,20	31,9	4,28	2,91	141,30	154,67	10,60	6,59

[1]) «Сельск. хоз. СССР по сельхозналоговым сводкам». Изд. НКФ СССР.

Здесь мы обращаем внимание на следующее: в высших группах процент понижения несколько выше, чем в средних, т.-е. нарушение общего принципа, который проводится почти повсюду. Об'ясняется это тем, что нормы, т.-е. количества налоговых единиц на едока, которые облагались в прошлом году по первой, второй и третьей ставкам, не совпадают с нынешними. В прошлом году по первой, самой низкой ставке, облагалась первая половина десятины на едока. Она совпадает с нынешним годом. По второй же, средней ставке, в прошлом году облагались излишки сверх половины десятины до 1,5 дес., т.-е. по 1 десятине на едока. В нынешнем году по второй, средней ставке, облагаются излишки сверх пол. десятины до 1 десятины на едока, т.-е. по 0,5 дес. По третьей, высшей ставке, в прошлом году облагался излишек сверх полутора дес. на едока, а в нынешнем году—излишек сверх одной десятины.

Таким образом, в целом ряде хозяйств количество налоговых единиц, облагавшихся в прошлом году по третьей ставке, в нынешнем году облагается по второй ставке. Этим самым те крестьянские хозяйства, в которых наибольшее количество налоговых единиц приходилось на третью ставку (наиболее крупные хозяйства), получают в нынешнем году наибольшее понижение налога.

Воронежская губерния.

Колич. облагаем. един. на едока.	Сумма налога на едока.		% понижения.	Тяжесть нал. на облаг. един.		Доход на едока.		% из'ятия дохода.	
	1924—25 г.	1925—26 г.		1924—25 г.	1925—26 г.	1924—25 г. при 24 р. 29 к. дох. на облаг. един.	1925—26 г. при 25 р. 74 к. дох. на облаг. един.	1924—25 г.	1925—26 г.
0,25	0,17	0,08	52,9	0,68	0,32	6,08	6,44	2,79	1,21
0,50	0,34	0,15	55,9	0,68	0,32	12,15	12,87	2,79	1,23
0,75	0,95	0,42	55,8	1,27	0,56	18,22	19,31	5,21	2,17
1,00	1,56	0,70	55,1	1,56	0,70	24,30	25,75	6,41	2,71
1,50	2,78	1,26	54,7	1,85	0,84	36,45	38,62	7,62	3,26
2,00	4,54	2,56	41,4	2,27	1,33	48,59	51,49	9,34	5,16
2,50	6,29	4,06	35,5	2,51	1,62	60,74	64,36	10,35	6,30
3,00	8,04	5,46	32,1	2,68	1,82	72,89	77,23	11,03	7,06
3,50	9,79	6,86	29,9	2,80	1,96	85,04	90,10	11,51	7,61

Табличку по Воронежской губ. мы помещаем как характерную для всех губерний центрально-земледельческого района.

Терский округ.

Колич. облагаем. един. на едока.	Сумма налога на едока.		% понижения.	Тяжесть нал. на облаг. един.		Доход на едока.		% из'ятия дохода.	
	1924—25 г.	1925—26 г.		1924—25 г.	1925—26 г.	1924—25 г. при 54 р. 27 к. на облаг. един.	1925—26 г. при 55 р. 54 к. на облаг. един.	1924—25 г.	1925—26 г.
0,25	0,20	0,15	25,0	0,80	0,60	13,57	13,88	1,47	1,08
0,50	0,40	0,3[illegible]	25,0	0,80	0,60	27,14	27,77	1,47	1,08
0,75	0,95	0,72	24,2	1,27	0,96	40,70	41,65	2,33	1,73
1,00	1,50	1,15	23,3	1,50	1,15	54,27	55,54	2,76	2,07
1,20	2,05	1,57	23,4	1,64	1,26	67,84	69,43	3,02	2,26
1,50	2,[illegible]0	2,00	23,1	1,73	1,33	8[illegible],40	83,31	3,19	2,40
2,00	4,65	4,15	10,8	2,33	2,08	108,54	111,08	4,28	3,74
2,50	5,70	6,3[illegible]	6,0	2,68	2,52	135,67	138,85	4,94	4,57
3,00	8,75	8,45	3,4	2,92	2,82	162,81	166,62	5,37	5,07
3,50	10,80	10,60	1,9	3,09	3,03	189,95	194,39	5,60	4,45

Эту табличку мы помещаем, как показательную для всех районов, пострадавших от неурожая в прошлом году. По многим из этих губерний мы наблюдаем, при понижении налога в нынешнем году против прошлого года для низших групп—в высших группах это понижение доходит до единичных процентов, а по многим губерниям (Самарская, Саратовская, губ. Казакстана) в высших группах налог нынешнего года на едока выше прошлого года. Оно и понятно: если в прошлом году хозяйство, вследствие неурожая, платило очень мало, или было от налога вовсе освобождено, то нельзя же и в нынешнем году, при хорошем урожае, также освободить его от налога.

Таким образом, при среднем общесоюзном проценте из'ятия налогом в 4% условно чистого дохода, по отдельным группам крестьянских хозяйств этот процент из'ятия колеблется от $1\frac{1}{2}$% до 9—10%. При чем по губерниям процент из'ятия не везде совпадает. Чем об'ясняется пестрота процента из'ятия между губерниями? В первую очередь—средним губернским доходом на облагаемую единицу и на едока. Чем выше доход на едока, тем выше процент из'ятия.

Еще о тяжести нынешнего налога.

В истекшем году было взыскано по налогу 335 млн. руб. В нынешнем году к поступлению намечено 235—240 милл. рублей. Понижение на 95—100 млн. руб. Если исходить из суммы налога, исчисленной в прошлом году в 470 млн. руб. и в нынешнем 280 млн. руб., то понижение будет в 40%. При построении нынешнего налога для каждой губернии ориентировочно исчислялась тяжесть налога на хозяйство, едока и облагаемую единицу, сопоставлялась эта тяжесть с прошлым годом и выводился процент понижения. По этим предварительным исчислениям тяжесть налога на едока и хозяйство по Союзу понижалась на 41,11% и на 40,15%, а на облагаемую единицу на 36,14%. Ныне мы уже имеем результаты исчисления налога по громадней-

Сравнительная тяжесть обложения сельско-хозяйственным налогом (налог к пред'явлению) крестьянского населения в 1924—25 г. и в 1925—26 г. (в рублях)

Районы.	На хозяйство.			На едока.			На облагаемую единицу.		
	1924—25 г.	1925—26 г.	% изменен.	1924—25 г.	1925—26 г.	% изменен.	1924—25 г.	1925—26 г.	% изменен.
Крайний Север	11,49	7,68	— 33,16	2,30	1,53	— 33,48	3,58	2,66	— 25,70
Северный	16,14	10,66	— 33,95	3,23	2,17	— 32,82	3,33	2,29	— 31,23
Сев.-Западный	16,22	11,12	— 31,44	3,18	2,22	— 30,19	3,25	2,30	— 29,23
Западный	24,56	14,28	— 41,86	4,51	2,66	— 41,02	3,67	2,35	— 35,97
Моск. Промышл.	23,02	13,43	— 41,66	4,43	2,62	— 40,86	4,24	2,67	— 37,03
Центр.-Земл.	19,43	8,15	— 58,15	3,63	1,55	— 57,30	2,50	1,17	— 53,20
Волж.-Камский	16,49	9,87	— 40,15	3,20	1,94	— 39,37	1,89	1,22	— 35,45
Уральская обл.	21,44	14,59	— 31,95	4,47	3,06	— 31,54	4,42	2,35	— 46,83 *)
Башкирская АССР	14,14	12,43	— 12,09	2,84	2,52	— 11,27	1,65	2,49	+ 50,91
Волжский	12,60	7,86	— 37,62	2,48	1,55	— 37,50	1,67	1,41	— 15,57 *)
Низов. Волги	7,60	5,65	— 25,66	1,58	1,18	— 25,32	0,89	0,94	+ 5,62 *)
Юго-Восток	34,13	23,64	— 30,74	6,5[illegible]	4,62	— 29,89	4,93	3,38	— 31,44 *)
Крымская АССР	56,84	31,96	— 43,77	12,47	7,10	— 43,06	6,83	4,45	— 34,85
Киргизская АССР	11,32	9,48	— 16,25	2,28	1,92	— 15,79	3,63	2,47	— 31,96 *)
Сибирь	23,70	14,36	— 39,41	4,46	2,68	— 39,91	4,66	3,41	— 26,82 *)
Бур.-Монг. АССР	27,21	10,87	— 60,05	5,95	2,31	— 61,18	5,89	3,45	— 41,43 *)
Якутская АССР	Све	дений	нет.	Све	дений	нет.	Све	дений	нет.
Дальне-Вост. обл.	31,73	15,34	— 51,65	5,60	2,64	— 52,86	5,24	3,04	— 41,88 *)
Уз. ССР.	14,86	10,81	— 27,26	—	—	—	10,91	8,42	— 22,82 *)
Турк. ССР	32,82	19,84	— 39,55	—	—	—	12,68	8,75	— 30,99 *)
Белорусская ССР	21,46	12,96	— 39,61	3,93	2,39	— 39,19	3,50	2,21	— 36,86
Закавказск. ФСР	18,07	9,24	— 48,87	3,78	1,93	— 48,94	4,00	2,09	— 47,75 *)
Украинская ССР	23,48	14,57	— 37,95	5,06	3,11	— 38,54	3,24	2,29	— 31,24 *)

*) Звездочками отмечены те районы и республики, в которых мы даем тяжесть налога и размер понижения по ориентировочным данным. Мы по отношению к этим районам вынуждены были сделать так потому, что по каждому из этих районов есть одна—две губернии, которые еще сводок не прислали. Поэтому мы районных итогов вывести не можем.

шему большинству губерний и округов Союза. Считая эти данные важными, мы здесь ограничимся только районными данными, касающимися понижения налога на хозяйство, на едока и на облагаемую единицу (см. табл. на предыд. стр.).

Первое, на что мы обращаем внимание, это на то, что процент понижения тяжести налога на хозяйство и на едока почти совпадает. Это об'ясняется тем, что людской состав крестьянских семей за год мало изменился.

Второе. Мы получаем довольно значительную пестроту в размере понижения по районам. Еще большую пестроту мы получаем по отдельным губерниям внутри районов. Об'ясняется это в первую очередь тем, что мы даем здесь сопоставления с прошлым годом. В очень многих случаях понижение, или повышение размера понижения по отношению к прошлому году, об'ясняется необходимостью внести исправления в прошлогоднюю тяжесть налога.

Третье. При установлении размеров нынешнего налога, мы исходили из другой доходности, исчисленной совершенно самостоятельно по другим методам. Если бы мы брали размер из'ятия в нынешнем году по отношению к доходу нынешнего года без сопоставления с прошлым годом, возможно такой пестроты мы бы и не получили. Затем, экспертным путем приходилось вносить целый ряд исправлений, в связи с общим состоянием сельского хозяйства в отдельных губерниях и учитывать, в какой степени та или другая губерния оправилась от неурожаев прошлых лет.

При всех наших сопоставлениях тяжести нынешнего налога с прошлогодним, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства: при построении нынешнего налога, для каждой губернии было принято пониженное против прошлого года количество облагаемых единиц—и вот почему. Нормы пересчета скота в пашню, в сравнении с прошлым годом понижены по Союзу примерно на 34%. В прошлом году голова облагаемого скота, в среднем по Союзу, пересчитывалась или приравнивалась к 0,76 дес. земли. В нынешнем году примерно—к 0,5. При построении нового налога мы исходили из учтенных в прошлом году об'ектов обложения, но количественно они, вследствие понижения норм пересчета, понизились. По Союзу в прошлом году было учтено 146 млн. облагаемых единиц. При построении налога нынешнего года, было принято 128 млн. единиц. При этом также не учитывалось то, что вследствие общего роста сельского хозяйства, количество облагаемых единиц вероятно повысится.

По многим губерниям и округам Союза нет еще результатов учета об'ектов обложения в нынешнем году. Но по тем губерниям и районам, которые уже прислали сводки учтенных об'ектов обложения видно, что мы имеем повсюду повышение числа об'ектов обложения.

Место нам не позволяет расширять и углублять разбор нынешней системы обложения. Ограничимся сказанным, тем более, что на будущий год, согласно постановлению XIV Партконференции, предстоит нынешнюю систему налога, в той или иной степени, изменить.

Сколько когда должно поступить налога.

Остановимся только вкратце на прохождении нынешней налоговой кампании. Как мы уже сказали, исходя из необходимости внесения наибольшей твердости и ясности в хозяйственные расчеты крестьянского хозяйства, законом были установлены твердые сроки поступления налога, которые менять нельзя в течение всего налогового года. В прошлом году в этой области не все было благополучно.

Налог по Республикам должен поступить в следующие сроки и следующими суммами (в миллионах).

	На 1/XI	На 1/I	На 1 IV—V	Всего.
РСФСР	39	46,8	70,2	156,0
УССР	24,7	15,475	21,7	61,9
БССР	1,1	3,2	2,9	7,2
ЗСФСР	1,5	2,1	2,4	6,0
ТуркССР	0,4	0,5	0,1	1,0
УзССР	2,3	3,9	1,6	7,8
Всего по Союзу	69,0	72,0	98,9	239,9

Следует запомнить, что это—весь налог, т.-е. включая и те 41,5%, которые отчисляются в волостной бюджет и остаются в волости.

С понижением роли сельхозналога в бюджете нет особой нужны в частой и дорого стоющей отчетности. Поэтому установлена 2-недельная отчетность. Таким образом, данные о поступлении налога на 1/XI будут числа 15 ноября. Принимая во внимание общее понижение налога при повышении доходности сельского хозяйства, нет оснований сомневаться в успешном поступлении налога.

Следует ли изменять нынешнюю систему налога.

Следует ли полагать, что после внесения в нынешнем году всех изменений в старую систему устранены все недостатки этой системы? Точнее, следует ли считать нынешнюю систему обложения деревни совершенной?

Безусловно нет.

Когда разрабатывалась нынешняя система обложения деревни, учитывались все недостатки, но учитывались и все затруднения, связанные с коренной реформой обложения деревни.

Как мы уже говорили, внесением некоторых изменений в старую систему преследовалась цель елико возможно уменьшить, ослабить те недостатки, которые были в прошлогодней системе и в то же время указывалось на необходимость значительной реформы системы обложения деревни. Об этом исчерпывающе сказали и XIV партийная конференция и III С'езд Советов.

Происходящие в деревне процессы, необходимость наиболее действительной помощи крестьянской бедноте, необходимость некоторого уравнения системы обложения города и деревни—требуют реформы системы обложения. И XIV партконференция поручила этим вопросом заняться.

Мы познакомили товарищей с нынешним сельхозналогом, а в следующей статье скажем, каким, по нашему мнению, должен быть сельхозналог.

Л. Кауфман.

Перспективы роста и задача воспроизводства рабочей силы.

I.

Наступивший 1925—26 хозяйственный год знаменует собой завершение первого—восстановительного—периода промышленного производства и начало второго периода—реорганизации, реконструкции, расширенного воспроизводства на более высокой, более совершенной технической базе.

Понятием «восстановительный» мы пользуемся здесь условно, имея в виду максимальное производственно-техническое использование наличных производительных сил и, в первую очередь, наличного основного капитала промышленности.

В нашем распоряжении имеется сейчас огромной ценности материал. Это—«Контрольные цифры» на 1925—26 г. Госплана, задача которых «дать на предстоящий год основные контуры важнейших народно-хозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народно-хозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем (1925—26) году». Расчеты Госплана, отраженные в контрольных цифрах, были, в общем и целом, одобрены закончившимся на днях пленумом ЦК партии и являются, таким образом, авторитетной ориентировкой в хозяйственной перспективе.

Намеченное Госпланом дальнейшее развертывание производства в 1925—26 г. видно из приводимых ниже цифр валовой продукции, выработки на 1 раб. и численности рабочих по основной, наиболее крупной промышленности, охватываемой производственными планами ВСНХ.

Годы.	Валовая продукция (в милл. руб.).		Продукция на 1 раб. (в руб.).		Численность
	По довоен. ценам.	По соврем. цен. в черв руб.	По довоен. ценам.	По соврем. цен. в черв. руб.	(в тыс. чел.).
1923—24	1.134	2.446	1.186	2.558	956
24—25	1.857	3.538	1.658	3.158	1.121
25—26	2.742	4.752	1.906	3.306	1.437

В этом случае динамика роста промышленности предстанет в следующем виде:

Годы.	Валовая продукц. (по довоен. цен.).		Продукц. на 1 раб (по довоен. цен.).		Численность.	
	В проц. к 1913 г.	В проц. к предш. г.	В проц. к 1913 г.	В проц. к предш. г.	В проц. к 1913 г.	В проц. к предш. г.
1923—24	36,7	—	61,2	—	60,1	—
24—25	60,2	163,7	85,5	139,8	70,5	117,3
25—26	88,9	147,7	98,4	115,1	90,3	128,2

Следовательно, при увеличении числа рабочих в текущем году в среднем за год на 28,2%, дальнейшем повышении производительности на 15,1%, сумма валовой продукции возрастет на 47,7% против 1924—25 г. (2.742 т. против 1.857 т.) и составит 88,9% продукции 1913 г.

Отсюда явствует также, что если в 1924—25 г. рост производства, который по темпу выше исчисленного для 1925—26 г. (63,7% против 47,7%) происходил, в преобладающей степени, за счет роста индивидуальной производительности рабочих (на 39,8% при относительно более низком увеличении числа рабочих: на 17,3%), то в 1925—26 г. положение резко меняется и одним из основных факторов дальнейшего роста выработки является численный рост пролетариата при значительно более низком темпе повышения производительности.

В ряду причин, обусловливающих убывающий темп прироста производительности, помимо естественного приближения к пределу использования и наличного оборудования и наличной рабочей силы, значительное место принадлежит также и тому факту, что в текущем году в производство вовлекается большее число промышленных предприятий, находившихся в положении консервации, предприятий технически слабее оборудованных, нередко полукустарных, и с эксплоатационной стороны, следовательно, менее рентабельных. Производственный эффект этих предприятий ниже, производительность рабочих здесь слабее. А это не могло не сказаться на показателях средней выработки 1 рабочего по всей промышленности.

Необходимо отметить однако, что, как это указывается Перспективным Планом ВСНХ на 1925—26 г. [1]), большинство намеченных к дополнительному пуску предприятий, относятся к числу пищевых.

Что касается всей основной тяжелой и ряда отраслей легкой промышленности, то здесь, как это явствует из дальнейшего, вопрос стоит в плоскости капитальных затрат: на переоборудование, расширение путем новых сооружений и установок и на постройку новых фабрик и заводов. Мы ознакомились выше с данными о росте всей основной промышленности в целом. Нижеследующие данные

[1]) „Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год“

характеризуют рост продукции в 1925—26 г. по главнейшим отраслям (планируемым ВСНХ) (абсолютно и в %% к 1913 г.) [1]).

Отрасли промышленности.	Валовая продукц.		Продукция на 1 раб.		Численность.	
	В милл. р. по дов. цен.	В проц. к 1913 г.	В руб. по дов. цен.	В проц. к 1913 г.	В тыс. чел.	В проц. к 1913 г.
1. Каменноугольн.	126,0	78,9	751	87,2	167,7	90,5
2. Нефтедобывающ. .	238,0	84,8	6.887	108,9	34,7	78,3
3. Металлическая . .	885,0	89,8	1.673	100,0	528,8	89,9
4. Электротехнич. .	109,1	337,0	4.487	105,4	24,3	319,9
5. Хлопчато-бумажн.	981,7	92,1	2.148	96,8	457,1	95,1
6. Резиновая	58,8	83,3	3.625	74,0	16,2	112,6
7. Сахарная	209,8	62,9	1.846	85,6	113,7	73,4
8. Табачно-махороч.	103,6	86,5	5.380	108,6	19,3	79,6

В среднем же, по важнейшим отраслям промышленности, 1925—26 г. в %% к 1913 г. составит, как отмечалось выше, по валовой продукции 88,9%; по выработке на 1 раб.—98,4%; по числу рабочих—90,3%. Расчеты ВСНХ, дающие несколько иную динамику роста по отраслям, показывают, в общем и целом, то же, т.-е. что «по большинству отраслей промышленности мы достигнем в 1925—26 г. от 80—100 и выше процентов довоенного уровня».

Однако, этот намеченный для 1925—26 г. об'ем производства имеет своим пределом не насыщение рынка, емкость коего, наоборот, растет и с точки зрения производственных потребностей и с точки зрения широкого потребительского спроса. Предел — и это в первую очередь относится к индустрии, обслуживающей производственные потребности самой же промышленности—ставит состояние основного капитала, точнее—техническая мощность наличного оборудования. С этой стороны крайне показательны сообщаемые ВСНХ, в качестве предварительного и ориентировочного материала, «данные об использовании основного капитала и неиспользованном резерве технической мощности оборудования». Из этих данных видно, что по ряду основных отраслей (по металлургии, машиностроению, нефтяной, лесной, огнеупорной, стекольной и цементной промышленности) об'ем производства 1925—26 г. почти целиком покрывает техническую мощность всего наличного оборудования, включая сюда и тот коэффициент роста мощности предприятий, который получится в результате предпринимаемых в 1925—26 г. капитальных работ по переоборудованию и дальнейшему развертыванию производства [1]).

[1]) Цифры эти сейчас подвергаются в Госплане некоторому уточнению, в частности—по металлической промышленности. Сумма продукции в силу этого несколько понизится. Однако, понижение это будет, очевидно, в пределах 2 или 3% по всей крупной промышленности, что основных расчетов существенно не меняет.

Некоторый резерв «неиспользованной мощности» дадут предприятия легкой промышленности, но здесь расширение производства тормозится не состоянием оборудования, хотя возможности расширения и здесь ограничены, а, в первую очередь, «недостатком сырья внутреннего происхождения и ограниченными возможностями импорта сырья из-за границы».

Освещение этого последнего вопроса выходит за пределы настоящей статьи.

Сейчас задача наша, определив темп роста основной промышленности в 1925—26 г., выявить непосредственно связанную с этим потребность промышленности в рабочей силе.

Вышеприведенные показатели дают, следовательно, картину продолжающегося промышленного под'ема, констатируя в то же время ослабление, по мере приближения к пределу использования основного капитала, темпа этого под'ема от 1924—25 года к 1925—26 году. Об этом свидетельствуют данные валовой продукции. В этом убеждает нас также и понижающийся, относительно, темп увеличения производительности рабочих в 1925—26 г. по сравнению с ростом выработки рабочих в 1924—25 г.

Иначе—с численным составом фабрично-заводских рабочих. Здесь (за некоторыми исключениями, о которых речь ниже) мы наблюдаем и абсолютный и относительный (против 1924—25 г.) рост как по отдельным крупнейшим отраслям, так и по всей основной промышленности в целом. Это наиболее наглядно иллюстрируется следующей таблицей динамики промышленного роста за последние два операционные года:

Отрасли промышленности.	Валовая продукц.		Продукция на 1 раб.		Численность.	
	1924—25 г. в проц. к 1923—24 г.	1925—26 г. в проц. к 1924—25 г.	1924—25 г. в проц. к 1923—24 г.	1925—26 г. в проц. к 1924—25 г.	1924—25 г. в проц. к 1923—24 г.	1925—26 г. в проц. к 1924—25 г.
1. Каменноугольн.	100,2	143,8	125,3	124,1	80,0	116,0
2. Нефтедобывающ. .	112,0	118,2	111,4	122,7	100,8	96,7
3. Металлическая . .	192,2	162,6	153,0	111,2	125,1	146,2
4. Электротехнич. .	163,9	173,0	136,8	121,1	119,9	142,8
5. Хлопчато-бумажн	185,4	141,5	130,6	115,1	142,0	123,1
6. Резиновая	242,8	166,6	161,1	140,2	139,1	118,9
7. Сахарная	174,9	154,7	160,2	141,2	96,5	117,2
8. Табачно-махороч.	142,8	115,3	133,8	109,8	106,7	105,0

[1]) „На капитальн. затраты в 1925—26 г. намечено 835 милл. руб., из них 200 милл. на постройку новых заводов". См. „Перспективы промышленности" ВСНХ.

Особняком—по темпу роста валовой продукции.— стоят отрасли: электротехническая, каменноугольная и нефтедобывающая.

Электростроительство в течение последних двух лет идет мощными шагами вперед. Это—одно из крупнейших наших хозяйственных достижений. В прошлом году электропромышленность увеличила свое производство на 63% против 1923—24 г.; в нынешнем году, благодаря дальнейшим крупным затратам на достройку электростанций, расширение существующих и на новые сооружения, продукция электропромышленности возрастает за год на 73%, превышая уровень 1913 г. почти в 3½ раза (32,4 милл. р. в 1913 г.; 109,1 милл. р. в 1925—26 г.).

Каменный уголь против прошлого года, когда прироста добычи не было, дает новое значительное увеличение, обусловливающееся общим промышленным ростом и повышением потребности в топливе; то же относится и к нефти.

По остальным же отраслям кривая под'ема обнаруживает по ряду отраслей, в первую очередь по текстилю, довольно основательное замедление темпа.

Производительность рабочих в равной степени дает убывающий темп под'ема. Некоторое дальнейшее повышение все же имеет место, главным образом, за счет более полной нагрузки предприятий и проводимых технических улучшений.

Что же касается численного состава рабочей силы, то прирост ее в 1925—26 г. по большинству отраслей выше прироста 1924—25 г. Некоторое относительное замедление прироста отмечается по текстилю при, в общем, все же значительном увеличении рабочего состава (на 23%) и из остальных—по резиновой и табачной отраслям. И лишь по нефти—стационарность рабочей силы с некоторой даже тенденцией к понижению.

В среднем же по важнейшим отраслям промышленности в 1925—26 г., как это отмечалось нами выше, число рабочих возрастет, по сравнению с 1924—25 г., на 28,2%. В абсолютных цифрах это составит 1.437 т. чел., что в отношении 1913 года, составляет 90,3%.

II.

Таким образом, промышленность стоит в текущем году перед задачей вовлечения в производство новых значительных кадров пролетариата. Выше речь шла о «важнейших отраслях». В этих отраслях прирост рабочей силы в среднем за год, по расчетам Госплана, составит 317.000 человек. Для всей же цензовой промышленности прирост рабочей силы даст цифру близкую к 400.000 чел. (1.900 т. в 1924—25 г.; 2.300 т. в 1925—26 г.). Из этой массы, однако, около 70% всего прироста по цензовой промышленности падает на текстиль и металл. Далее следуют каменноугольная, стекольная, электротехническая и сахарная отрасли, дающие около 15% всего прироста рабочей силы по цензовой промышленности. Абсолютно это составит:

По металлическ. промышленности	167,6	т. раб.
„ хлопчато бумажной	85,5	„
„ каменноугольн.	23,1	„
„ стекольной	12,0	„
„ электротехн.	7,0	„
„ сахарной	20,7	„

Таковы общие цифры. Но непосредственно интересующая нас проблема—это степень потребности промышленности в обученной рабочей силе, в квалифицированных рабочих, так как от наличия (или недостатка) в стране квалифицированных и полуквалифицированных кадров зависит в значительной степени самый ход промышленного производства. В настоящем году мы сталкиваемся впервые, за годы под'ема, с положением, когда, несмотря на наличие значительной резервной армии безработных, по ряду отраслей промышленности будет наблюдаться острый недостаток в специалистах-рабочих. Отсюда—внимание, какое уделяется сейчас этому вопросу партией и руководящими советскими органами. Отсюда и та сеть мероприятий, которая намечена в текущем году и о которой речь будет ниже. Какова же потребность в рабочей силе в 1925—26 г.—отдельно в квалифицированной и в полуквалифицированной?

Отделом Статистики Труда Наркомтруда проделана обстоятельная работа по определению потребности в текущем году в рабочей силе по производствам и квалификациям [1]). Данные—несколько отличны от исчислений Госплана. Для всей цензовой промышленности Статистика Труда дает прирост в 433,4 т. рабочих. По основной промышленности [2]) — прирост в 298,9 тыс. чел. Но динамика роста, в общем, соответствует той, какая намечена Госпланом в «Контрольных цифрах». По этим данным представляется возможным установить, хотя бы ориентировочно, степень потребности промышленности в рабочих разных квалификаций. Потребность устанавливалась с учетом, во-первых, прироста, вызываемого расширением производства, во-вторых, — естественной убыли рабочей силы и необходимости ее пополнения. Картина в общем такова:

Категории рабочих.	По всей цензовой промышленности			По основной про сти, учитываемой ЦОС'ом ВСНХ.		
	Прирост в тыс.	Убыль в тыс.	Потреб-ность в тысяч.	Прирост в тыс.	Убыль в тыс.	Потреб-ность в тысяч.
Квалифицир. рабоч.	184,3	40,1	224,4	127,0	30,7	157,7
Полуквалиф. „	117,0	25,6	142,6	80,7	19,5	100,2
Неквалифиц. „	132,1	28 9	161,0	91,2	22,1	113,3
По всей промышл.	433,4	94,6	528,0	298,9	72,3	371.2

Эти ориентировочные данные свидетельствуют, таким образом, что в нынешнем году потребность в квалифицированной рабочей силе, с учетом убыли—по инвалидности, смертности и т. д.—составит, примерно, половину всей потребности. Иначе говоря,

[1]) О методе исчисления см. работу В. Зайцева, „План воспроизводства рабочей силы в промышленности СССР“.

[2]) По кругу предприятий, учитываемых ЦОС'ом ВСНХ.

промышленный рост текущего года пред'являет спрос на обученную рабочую силу в размерах, далеко превосходящих тот масштаб подготовки квалифицированных рабочих, какой существовал до сего времени.

В самом деле, некоторые шаги в области производственного обучения были предприняты лишь с началом промышленного под'ема, т.-е. с 1922—23 г. Годы войны и революции, предшествовавшие нэпу, новых кадров обученных рабочих не дали. Больше того—эти годы не могли не произвести жестоких опустошений в наличной квалифицированной рабочей силе. Между тем, самый темп подготовки молодежи в течение последних лет был таков, что он далеко не покрывал образовавшегося, в результате 10-летней убыли, провала. Все это, при наличии, с другой стороны, стремительного под'ема промышленности, приближения ее к довоенным нормам продукции и, следовательно, роста потребности в квалифицированных рабочих,—неизбежно должно было поставить промышленность—раньше или позже—перед фактом отсутствия необходимых резервов. Таково положение, создавшееся в нынешнем году, положение, со всей остротой и актуальностью выдвигающее необходимость принятия ряда практических мер к тому, чтобы дело производственной учебы, поелику возможно, форсировать. Это же отмечается и Госпланом в его основных выводах по контрольным цифрам:

«Ожидаемый при предположенном темпе развития промышленности недостаток квалифицированной рабочей силы в некоторых отраслях ставит на очередь проблему подготовки квалифицированной рабочей силы, для чего должна быть соответствующими органами разработана система необходимых мероприятий».

С потребностью в квалифицированных рабочих по всей промышленности мы ознакомились выше. По крупнейшим отраслям эта потребность распределяется следующим образом (данные Статистики Труда):

Отрасли.	Квалифиц. раб.	Полуквалифиц. раб	Неквалифиц. раб.	Общая потребн.
1. Текстильная	52,5	43,0	31,8	127,3
2. Металлическая	46,9	13,2	34,3	94,4
3. Каменноугольная	9,9	4,7	6,3	20,9
4. Химическая	3,6	2,2	2,4	8,2
5. Силикатная	11,8	6,8	10,9	29,5
6. Бумажная	0,9	1,7	1,3	3,9
7. Деревообделочная	1,7	3,4	8,4	13,5
8. Пищевкусовая	6,9	6,6	7,1	20,6

Отсюда видно, что основной спрос на квалифицированную и полуквалифицированную рабочую силу пред'являют отрасли текстильная и металлическая. В значительно меньшей степени—остальные.

Спрос этот охватывает большое число профессий по каждой из этих отраслей. Удовлетворить эту потребность в квалифицированных и полуквалифицированных рабочих соответствующих профессией является для данного момента важнейшей задачей.

III.

Путей к тому, чтобы обслужить промышленность потребными кадрами, два: это, во-первых, отбор путем экспертизы рабочих потребных квалификаций и профессий из числа безработных и, во-вторых, форсированное обучение молодняка и переобучение безработных же.

На 1 июля с. г. число безработных, зарегистрированных на биржах труда, исчислялось, примерно, в 1.100—1.200 т. чел. Из этого числа на долю индустриальных рабочих (не считая строительных) приходилось около 21%, служащих (работников умственного труда)—23%, чернорабочих—36%. Распределение безработных по этим категориям в июле по сравнению с январем этого года показывает тенденцию к уменьшению на рынке труда безработных индустриальных профессий и, наоборот, рост, за счет нового притока из деревень, числа чернорабочих. На 1 июля на биржах состояло, таким образом, рабочих индустриального труда около 240.000. Однако, профессиональный состав этих безработных далеко не всегда соответствует потребному контингенту. Возможность использования безработных для нужд промышленности определяется, по исчислениям Статистики Труда, в следующих размерах:

Отрасли.	Квалифиц. раб. в тыс.	Полуквалифицир. раб. в тыс.	Неквалифициров. раб. в тыс.	Всего в тыс.
Текстильная пром.				
а) Потребность	58,6	43,9	32,5	130,0
б) Использован. безработн.	8,8	5,6	32,5	46,9
в) Нужно подготовить	44,8	38,3	—	83,1
Металлическ. пром.				
а) Потребность	75,7	21,3	55,5	152,5
б) Использован. безработн.	34,2	4,7	55,5	94,4
в) Нужно подготовить	41,5	16,6	—	58,1
По всей промышлен.				
а) Потребность	224,4	142,6	161,0	528,0
б) Использов. безработн.	71,5	22,0	161,0	254,5
в) Нужно подготовить	152,9	120,6	—	273,5

Таковы суммарные цифры использования безработных—цифры в значительной мере ориентировочные. Определить фактическую квалификацию и состав безработных по профессиям составляет практическую задачу Биржи Труда в настоящий момент. Осуществить это возможно, первым делом, путем соответствующей

экспертизы безработных. Во всяком случае с выделением в промышленность некоторых обученных контингентов, остается солидный пробел в 250—270 т. квалифицированных и полуквалифицированных рабочих, который может и должен быть восполнен организованными и неотложными мероприятиями по всем линиям производственного обучения и переобучения.

По вопросу о том, насколько этот недостаток в квалифицированной рабочей силе отразится, главным образом, на крупной промышленности, представляет интерес разработанный особой комиссией в Госплане план удовлетворения потребностей основной индустрии в рабочей силе в 1925—26 г. за счет, с одной стороны, вовлечения в производство наличных кадров квалифицированных безработных, с другой—обучения и переподготовки. Схема, разработанная комиссией такова:

Источники рабочей силы.	Рабочая сила (в тыс. человек).		
	Квалифиц.	Полуквалифицир.	Всего.
Потребность для предприят. ВСНХ	157	100	257
Может быть из'ято с Бирж Труда	60	20	80
Необходимо подготовить	97	80	177
Будет подготовлено.			
1. В школах фабзавуча	20	—	20
2. На курсах повышен. квалифик. при завод.	30	—	30
3. На курсах повышен. типа	8	—	8
4. Бригадное ученичество	4	—	4
5. Индивидуальное обучен.	5	80	85
6. На курсах ЦИТ	10	—	10
7. „ „ Главпрофобра	10	—	10
Итого	87	80	167
8. Покрываются передвижкой по предприятиям ВСНХ	10	—	10

Таким образом, предусмотрены все наличные источники подготовки рабочей силы и те рамки, в пределах которых может быть расширено и ускорено обучение еще в текущем хозяйственном году.

В общую сеть мероприятий входит, в частности, и переобучение безработных [1]).

Однако, совершенно бесспорно, что, даже при максимуме нажима в этом направлении в текущем году, осуществить полностью план снабжения промышленности вполне квалифицированной рабочей силой вряд ли удастся.

[1]) Для этой цели выделены особые суммы из средств, отпущенных по госбюджету в 1925—26 г. на борьбу с безработицей.

Среди потребных профессий имеются такие, которые требуют ряда лет предварительной подготовки. Часть их даст фабзавуч, бригадное и индивидуальное ученичество. Остальной же кадр будет, очевидно, подготовлен в большей или меньшей степени путем ускоренного обучения (на соответствующих курсах повышенного типа, курсах ЦИТ'а, Главпрофобра), или же путем краткосрочного ученичества (на предприятиях). И, в качестве крайней меры, существует возможность ввоза некоторого количества рабочей силы из-за границы.

Таким путем будет, повидимому, преодолен назревающий кризис в квалифицированной рабочей силе в текущем году.

Но именно опыт текущего года настоятельнейшим образом выдвигает на очередь проблему воспроизводства квалифицированной рабочей силы во всем об'еме. Дальнейшее развертывание промышленности, теснейшим образом связанное, по мере завершения т. н. «восстановительного» процесса, с технической реконструкцией производства, с механизацией и электрификацией, пред'явит спрос на новые кадры квалифицированных рабочих и техников. Учесть это, и учесть именно теперь, необходимо.

Разработка в плановом порядке соответственных в этой области практических мероприятий—задача бесспорно актуальнейшая. Глубоко неправы те, кто склонен преуменьшать остроту вопроса ссылками на то, «как было». Так, например, инж. И. Л. Зейдель (в статье, напечатанной в «Эконом. Жизни») [1]) готов вообще, очевидно, считать массовую подготовку квалифицированных рабочих делом непужным, ибо «опыт 1914—15 годов наглядно показал, что расширение производства вполне возможно в процессе самой работы *без предварительной массовой подготовки рабочей силы путем специального обучения*». От такой точки зрения, отдающей своеобразным «хвостизмом» в вопросе, требующем, наоборот, усиленнейшего внимания и вдумчивого планового подхода,—необходимо, естественно, решительным образом отмежеваться. От того, по каким рельсам и каким темпом будет двинуто в дальнейшем дело подготовки квалифицированных резервов рабочей силы, зависит в значительной степени темп развертывания и самой промышленности.

---

[1]) „Экономическая Жизнь“, 4/IX с. г. № 201.

Беннет.

После Скарборо и Ливерпуля.

Буржуазная печать расценивает Ливерпульский с'езд рабочей партии, как торжество «конституционализма». Подавляющим большинством с'езд высказался за программу «реформы и реконструкции», а исключением коммунистов из состава рабочей партии он как бы подчеркнул свою верность конституции. Эта «конституционная победа» развязала руки английским фашистам, мечтающим о кровавом походе против революционных элементов английского рабочего движения. Министр внутренних дел правительства Болдуина, г-н Гикс, которому лавры Муссолини не дают спать, сразу же умозаключил, что именно теперь своевременно ввести драконовские законы, которые сделали бы невозможной пропаганду революционных идей, а Макдональд—герой Ливерпуля—возомнил себя Наполеоном всемирного похода против Коминтерна.

Конституционализм Ливерпульского с'езда выразился не только в программе, но также в том, что лидер партии получил всю полноту власти. Английская общественная жизнь построена на своеобразном сочетании формальной демократии с фактической автократией. Нигде, как в Англии, лидер партии не располагает такой безграничной властью. А английское рабочее движение в течение десятилетий всемерно старалось воспринять от господствующих классов все условности лжедемократии, именуемой конституционализмом. В последние месяцы казалось, что власть Макдональда шатается. Но в Ливерпуле он опять заполучил бразды правления в свои руки. Старый профсоюзный деятель Годж назвал последний с'езд с'ездом Макдональда. По меткому замечанию «Таймса», Макдональд и его сподвижники были настолько хозяевами положения, что проведя в первый же день с'езда все свои резолюции могли спокойно вернуться к своим обычным занятиям.

История повторяется. Год назад Макдональду удалось на Лондонском с'езде рабочей партии провести ряд резолюций против коммунистов. В роли премьер-министра он вечером явился в парламент с сообщением господствующим партиям, что «правительство его величества» сделает все возможное для преодоления коммунизма в Англии. Он твердо надеялся, что его победа в королевском зале, где происходил с'езд рабочей партии, будет должным образом оценена и вознаграждена в Вестминстере. Алчущие боги реакции охотно приняли принесенную жертву, но при этом правильно рассудили, что именно после с'езда рабочей партии еще безопаснее, а потому желательнее, скинуть правительство Макдональда.

Просчитался в своих расчетах Макдональд и в этом году. Капиталистическая пресса очень горячо похвалила его за ста-

рания в Ливерпуле, поздравила с достигнутыми результатами и решила, что достигнутые Макдональдом результаты можно направить против рабочего движения в целом. И 5 октября, т.-е. через два дня после с'езда, Макдональду пришлось горько жаловаться на страницах «Таймса» на правительство, которое поощрением фашизма сводит на-нет его «победу над революцией».

Тем временем крупные рабочие организации столицы уже высказались против Ливерпульских решений, а «Дейли Геральд»—официальный орган рабочей партии и конгресса профсоюзов, редактируемый человеком, получившим выучку в желтореакционной «Ежедневной Почте» («Daily Mail»),—усомнившись в прочности Макдональдовской победы, начал бить отбой.

Накануне Ливерпуля Макдональд высмеивал тех, кто подсчитывает цыплят весной. Он всемерно старался доказать, что не следует преувеличивать смысл и значение профсоюзного с'езда в Скарборо. Ливерпуль оправдал его предсказание. Но вряд ли будут правы те, кто вздумает расценивать Ливерпуль, как отказ рабочего движения от тех позиций, которые оно заняло на 57 с'езде профессиональных союзов.

Колоссальное расстояние отделяет резолюции, принятые в Ливерпуле, от резолюций, принятых в Скарборо. Эти с'езды показали всю мозаичность и пестроту английского рабочего движения, путающегося в сетях традиций далекого прошлого и переживающего кризис искания новых путей. Истории угодно было, чтобы на расстоянии одного месяца два с'езда рабочего движения показали нам всю гамму настроений и течений, борющихся внутри рабочего движения.

Базой обоих с'ездов являются профсоюзы. Последний профсоюзный конгресс представлял 4.343.000 организованных рабочих. На последнем с'езде рабочей партии было представлено 3.275.000 рабочих, из коих 3.240.000 приходится за счет профсоюзов, а около 35.000—за счет социалистических организаций, входящих в состав рабочей партии. Разница между числом рабочих, представленных на обоих с'ездах, обусловлена, главным образом, тем, что некоторые союзы, примыкающие к конгрессу профсоюзов, не входят в состав рабочей партии. К тому же многие профсоюзы в целях экономии вносят в кассу рабочей партии членские взносы за меньшее количество рабочих, чем они показывают при выборах на с'езды профсоюзов. Надо еще отметить, что те рабочие, которые отказываются от политического взноса, естественно, не могут быть представлены на с'ездах рабочей партии. Из сказанного ясно, что вряд ли можно допустить, чтобы эти две организации—конгресс профсоюзов и с'езд рабочей партии—представляли различные слои рабочего класса. Было бы также ошибкой полагать, что социалистические организации оказывают заметное влияние на программу и на практику рабочей партии. Чтобы постичь причину правого направления Ливерпуля и левых устремлений Скарборо, необходимо обратиться к взаимоотношениям между профсоюзами и рабочей партией.

Конгресс профсоюзов.

Конгресс профсоюзов является одной из старейших организаций в истории английского рабочего движения, в прошлом году праздновавшего столетие своего легального существования.

С первого момента своего возникновения английские профсоюзы делали серьезные усилия в направлении создания общегосударственного центра профсоюзного движения. Первая половина прошлого века полна таких попыток, которые, однако, существенных результатов не дали. Центры возникали и распадались. Лишь в пору существования I Интернационала—в 1868 г.—рабочему движению удалось создать институт ежегодных конгрессов, который существует и поныне.

Эти конгрессы оказались, однако, бессильными в деле действенного об'единения и сплочения английского рабочего движения. И несмотря на периодические созывы конгрессов, профсоюзное движение во вторую половину прошлого века, чем дальше, тем более, распылялось. Конгресс функционировал без исполнительного органа. Его «парламентский комитет» занимался преимущественно политическим представительством интересов профсоюзов, не дерзая посягать на автономию отдельных профессиональных союзов. Лишь в 1920 г. «парламентский комитет» был реорганизован в «генеральный совет», хотя и с весьма ограниченными полномочиями. Что же касается профсоюзов, то необходимо отметить, что невзирая на колоссальную работу, проделанную в последние десятилетия в направлении замены цеховых организаций производственными союзами, конгресс еще поныне представляет около 1200 различных национальных организаций. И хотя в наиболее важных областях промышленности отдельные цеховые организации об'единились в союзы, более или менее приближающиеся к типу индустриальных союзов, до сих пор внутри об'единенных союзов продолжается борьба различных частей, помнящих прежнее время своего самостоятельного существования, и до сих пор рядом с крупными попрежнему существует масса мелких союзов. И конгрессу профсоюзов приходится поэтому уделять много времени и внимания конфликтам, возникающим внутри профессионального движения.

Правящие классы делали все от них зависящее, чтобы держать профсоюзное движение в распыленном состоянии, пользуясь для этой цели и «конституцией». До 1917 г. закон разрешал об'единение союзов между собой лишь в том случае, если в каждом из об'единяющихся союзов большинство в $^2/_3$ членов союзов высказывалось за об'единение. Если вспомнить, что редко удается в больших союзах добиться участия в голосовании такого большого количества членов, то ясно станет, что этот закон делал об'единение союзов почти невозможным. Новый закон об об'единении союзов был проведен в 1917 г. Но и этот закон требует: а) участия в голосовании 50% членов и б) квалифицированного большинства в пользу об'единения в 20%. Закон, таким образом, еще поныне стоит на страже интересов предпринимателей, сопротивляющихся об'единению профсоюзов, помогая одновременно чиновникам малых союзов, которые рассматривают переход к производственным союзам, как прямое посягательство на их интересы.

Конгрессы профсоюзов, естественно, отражают и выражают тягу рабочих к сплочению и к единству, но профсоюзная бюрократия приняла все меры к тому, чтобы оградить конгрессы от чрезмерного влияния масс. «Новейшая» конституция, по которой конгресс работает, была принята... в 1894 году. Душой этой конституции был реакционный деятель профсоюзного движения Джеймс Модсли. Конституция составлена таким образом, чтобы обеспечить чиновничеству максимальное влияние на работу с'езда. Ни конгресс, ни его исполнительный орган не могут иметь прямого контакта с местными организациями, они сносятся исключительно через центральные комитеты отдельных профсоюзов. Для полного ограждения конгресса от всяких «посторонних» влияний, конституция 1894 г. предусмотрела исключение из конгресса городских советов профессиональных союзов.

Невзирая, однако, на все эти предупредительные меры, последние конгрессы профсоюзов проявляют явную тягу влево. Уже 56 конгресс в Гулле вызвал тревогу среди тех, кто привык смотреть на профсоюзную бюрократию, как на опору капитализма. В речи председателя слышались новые ноты. А с'езд в целом за свое теплое отношение к советской делегации был прозван «обществом любителей советов».

Извилистыми путями идет развитие английского рабочего движения. Конец войны был отмечен огромным революционным под'емом. Массы валом валили в профсоюзы. Росли и развивались как союзы, входившие в состав конгресса, так и союзы, остававшиеся вне общего профсоюзного об'единения. Возникали новые союзы. В 1920 г. число рабочих, организованных в профсоюзы, выражалось цифрой в 8.493.000, а на конгрессе было представлено 6.505.000. Но господствующие классы ловко маневрировали, опираясь на реакционную верхушку рабочей партии и профсоюзов. «Черная пятница» является концом революционного под'ема и началом капиталистического наступления. Сейчас же после «черной пятницы» число организованных в профсоюзы рабочих пало до 6.793.000, хотя на конгрессе профсоюзов еще были представлены 6.418.000 (1921 г.). В 1922 году число организованных рабочих падает до 5.580.000 с представительством на конгрессе в 5.129.000. И падение продолжается вплоть до 1923 года, когда на с'езде в Плимуте были представлены уже только 4.369.000.

С'езды в Гулле и в Скарборо.

На с'езде в Плимуте профсоюзная бюрократия занималась преимущественно склочными конфликтами между различными мелкими союзами, находящимися в постоянной борьбе между собою. Этот с'езд переполнил чашу терпения активных работников профсоюзного движения, которые громко завопили о том, что им нужны не прачешные для стирки грязного белья, а с'езды, для сплочения рабочих в борьбе против наступающего капитала. В промежутке между Плимутским и Гулльским конгрессами кристализуется левая группа профсоюзных чиновников, опирающихся на широкие слои рабочего класса. И перед самым Гулльским конгрессом состоялась первая конференция меньшинства, поставившего своей задачей решительную перемену профсоюзной тактики.

Два практических предложения были поставлены на обсуждение с'езда в Гулле: 1) о расширении полномочий Генерального Совета и 2) о переходе к реорганизации профсоюзов на производственных началах. В рабочей массе было сильное стремление создать «генеральный штаб» профсоюзов, который мог бы с успе-

хом бороться против сложных и искусных маневров предпринимателей. Резолюция о расширении прав Генерального Совета была составлена в очень скромных выражениях. Согласно этой резолюции Генеральному Совету предоставляется право вмешаться в конфликт лишь после того, как соответствующий союз исчерпал все свои средства. В случае своего вмешательства Генеральный Совет обязан обеспечить рабочим данного производства моральную и материальную поддержку всего профсоюзного движения. Настроение было крайне напряженное. Адвокаты автономии союзов не смели выступить. Но вот поднялся один старичок и отчетливо спросил, дает ли эта резолюция право Генеральному Совету посягнуть на фонды отдельных союзов. Председатель конгресса Персель молчал. Молчание длилось довольно долго. Наконец, Гикс—официальный докладчик предложения—твердо ответил: «Нет». Чиновники облегченно вздохнули и предложение прошло.

Сложнее было дело с резолюцией о производственных союзах. Согласно предложенной резолюции Генеральному Совету поручалось подготовить две схемы: 1) проект организации рабочих по производствам и 2) проект, обеспечивающий единство без слияния существующих союзов. Но даже в этой компромиссной форме, которая получилась в результате об'единения четырех резолюций и ряда поправок, она вызвала бурю протеста. Резолюция была принята большинством 2.503.000 против 1.428.000.

Этот же с'езд провалил предложение о предоставлении права представительства городским советам профсоюзов. Во время дискуссии по этому поводу один из делегатов возмущенно заявил: «Позвольте, ведь этот вопрос мы раз обсудили и приняли решение на нашем с'езде в... 1894 г.». Глядя на участников конгресса, которые горячо поддержали эту историческую справку, я невольно вспоминал меткую шутку Бернарда Шоу, что в Англии легче свергнуть правительство, чем сменить чиновников союза. Бессменные чиновники союза также позаботились о том, чтобы не допустить обсуждения предложения об организации фабрично-заводских комитетов.

Все же Гулльский с'езд знаменует собою новую страницу в истории английского профсоюзного движения. Левый уклон сказался не только в упомянутых двух резолюциях, но также в позиции, занятой по вопросу о профсоюзном единстве. Правда, с'езд провалил резолюцию меньшинства о созыве всемирного конгресса профсоюзов для создания единого боевого интернационала. Но он занял отчетливую позицию по вопросу о сближении с советскими союзами, что дало возможность Генеральному Совету играть активную роль в деле борьбы против Амстердама.

В сравнении с Гулльским конгрессом последний с'езд в Скарборо представляет собою дальнейший шаг вперед. Но на этом с'езде уж необходимо остановиться несколько подробнее.

Для правильного понимания работ последнего конгресса должно помнить, что он приступил к своей работе после того, как профсоюзам удалось отразить атаку на заработную плату горняков. В противовес «черной пятнице» 1921 г. день 31 июля 1925 г. был назван «красной пятницей». И эта «красная пятница» окрасила красным цветом большую часть работ с'езда в Скарборо.

Начать с того, что президентская речь—пародия на тронную речь—председателя конгрессов Свейльса была менее расплывчата, чем прошлогодняя речь Перселя. Свейльс отчетливо говорил о линии классовой борьбы, атакуя «добрых друзей», которые в былые годы проповедывали социализм, а теперь пытаются спасти капиталистическую систему при помощи господствующих классов. Отчетливые фразы о классовой борьбе встречались бурными аплодисментами.

Вместе с тем, умная либеральная газета «Манчестер Гардиан» поспешила заверить своих читателей, что не следует придавать слишком большого значения «московским фразам». Влияние Москвы,—утверждала эта газета,—сказывается только в области фраз, но не отражается на действиях мудрых и опытных деятелей английского профсоюзного движения. В первые дни казалось, что оценка манчестерской либеральной газеты соответствует действительности.

Накануне с'езда в Скарборо пресса предсказывала, что профсоюзы сделают попытку эмансипироваться от лидеров рабочей партии. В отчете Генерального Совета был намек на возможность такой попытки. Рабочая партия и конгресс профсоюзов имеют общее помещение и ряд общих отделов, ведающих прессой, научными исследованиями, иностранными делами и т. д. Кроме того, существует «национальный совместный совет», который составляется из представителей исполкома рабочей партии, парламентской фракции и конгресса профсоюзов. В пору июльского кризиса в угольной промышленности руководители профсоюзов намеренно держались вдали от «политиков», опасаясь, что дело может легко перейти в руки совместного совета, в котором Макдональд, располагая обеспеченным большинством в $^2/_3$ голосов, навяжет горнякам гнилой компромисс. Отчет Генерального Совета не упоминает об этом совместном совете. Он только высказывается за создание самостоятельных отделов при Генеральном Совете и за приобретение отдельного помещения. Правые, однако, знали и понимали, что Генеральный Совет делает первую робкую попытку освободиться из-под власти Макдональдовской клики. Они сразу перешли в атаку. У Генерального Совета не хватило мужества принять вызов. И первый бой закончился победой правых.

Еще большую робость проявил Генеральный Совет при обсуждении вопроса о расширении его полномочий. Правые апеллировали к традициям и предрассудкам автономии отдельных союзов. Меньшинство отчетливо выступило за властный полномочный центр. Но сам Генеральный Совет хранил сугубое молчание. В этой обстановке трудно было, конечно, отразить атаку правых. В тот момент могло казаться, что речь Свейльса является только словесной уступкой растущим левым течениям.

Дальнейшая работа с'езда показала, однако, что в самом сердце профсоюзного движения произошли глубокие сдвиги влево. В Гулле трудно было добиться обсуждения вопроса о фабрично-заводских комитетах. В Скарборо же фабричные комитеты признаны «необходимым оружием в борьбе» большинством 2.138.000 голосов против 1.787.000 голосов. В Гулле резолюция о всеоб'емлющем интернационале была провалена, а в Скарборо не менее отчетливая резолюция была принята единодушно. Докладчиками в защиту этой резолюции были видные работники меньшинства

Эльсбури и Дейвис, при чем первый подчеркнул, что англо-русский совещательный орган должен быть реорганизован в англо-русский комитет единства, и предупредил с'езд, что Интернационал без Профинтерна обречен на неудачу. По вопросу об империализме резолюция, высказывающаяся за право на самоопределение вплоть до отделения, была принята 3.802.000, а против голосовало только 79.000 голосов. А год назад Генеральный Совет, учитывая резкое настроение против рабочего правительства, ограничился следующим замечанием: «Не наше дело... распространяться о законодательстве рабочего правительства».

Скачок колоссальный! Но он слабо мирится с целым рядом других действий того же с'езда. Мы уже упомянули позицию с'езда по вопросу о полномочиях Генерального Совета, а также по вопросу об отношениях к рабочей партии. К сказанному прибавим, что 57 с'езд профсоюзов остался верен конституции господина Модсли и отверг представительство городских советов профсоюзов. При выборах нового Генерального Совета он также забыл обо всех изменениях, происшедших в толще рабочих масс. Новый Генеральный Совет оказался более правым по своему составу, а председательское кресло отдано консерватору Пью, который сменил левого Свейльса. При выборах руководствовались традициями и своеобразной очередью, существующей с... 1868 года.

Понять эти внутренние противоречия будет нетрудно, если мы вспомним, что решающую роль на с'ездах попрежнему играет профсоюзное чиновничество. Внутри этого чиновничества произошла серьезная передвижка. Апостолами консерватизма были две группы чиновников: первая и самая многочисленная группа, ведавшая всякими видами страхования, и вторая, менее многочисленная, но более влиятельная группа индустриальных дипломатов—заседателей разных согласительных и арбитражных комиссий. В последние годы кассы целого ряда союзов опустели. Хранители опустевших несгораемых шкафов, естественно, потеряли свое обаяние. Что же касается индустриальных дипломатов, то развал британского капитализма нанес им непоправимый удар. Они возвращались либо с пустыми руками, либо с потерями для рабочих. Влияние и моральный авторитет защитников активной профсоюзной политики возросли за счет авторитета консервативной части профсоюзной бюрократии. В этом секрет поразительного роста движения меньшинства. На конференции меньшинства, предшествовавшей Гулльскому с'езду, было представлено менее 300.000 рабочих; на конференции же, предшествовавшей конгрессу в Скарборо, было представлено более 700.000 рабочих!

Меньшинство на с'езде в Скарборо было достаточно сильно, чтобы провести ряд своих резолюций. Но оно еще было слишком слабо, чтобы перенять руководство профсоюзным движением и вступить в бой с тяжелым балластом предрассудков и условностей, которые сковывают профсоюзы по рукам и ногам. Правые лидеры были в жалком меньшинстве. Они даже не посмели выступить с развернутой программой. Но они были достаточно искусны, чтобы не дать оформиться новым устремлениям. Инерция прошлого была их главной опорой. Левые же явно колебались. В результате мы имеем левые резолюции и правый Генеральный Совет.

Ливерпульский реванш.

Все же левые, естественно, приободрились после того, как настроение масс так резко проявилось в работах последнего с'езда. Правые приуныли. Капиталистическая пресса забила тревогу. Началась подготовка Ливерпульского реванша, который превзошел лучшие надежды реакционеров. Еще 27 сентября Персель, Кук и Бромлей предсказывали, что Ливерпуль последует по стопам Скарборо. Более трезвые политики указывали на стройную и хорошо налаженную машину рабочей партии и призывали левые элементы подготовиться к серьезному бою. Но вряд ли даже сам Макдональд рассчитывал на такой яркий успех.

Для понимания Ливерпульского похода против красных, нам придется сделать маленькую историческую экскурсию.

Рабочая партия формально существует с 1900 года. Конгресс профсоюзов принял в 1899 году резолюцию об организации «Комитета рабочего представительства» 546 голосами против 434 голосов. На основании этой резолюции в 1900 году была созвана специальная конференция, от которой ныне существующая рабочая партия и ведет свое исчисление.

Борьба за самостоятельное рабочее представительство велась в Англии в течение долгих десятилетий. Первая попытка организации специальной лиги для проведения рабочих кандидатов в парламент относится примерно к тому же времени, когда был создан конгресс профсоюзов. Но эта попытка, как и последующие, особого успеха не имела. Либерализм пользовался большими симпатиями среди рабочих масс, а руководители либеральной партии зорко и неусыпно следили за тем, чтобы рабочие не организовались в самостоятельную политическую партию. Когда Кир Гарди выставил свою кандидатуру независимо от либералов (это было в 1888 г.), последние предложили ему 300 фунтов в год и обеспеченное место в парламенте, лишь бы он отказался от независимости. Кир Гарди отверг взятку, а либералы очень легко его провалили. Взятка, стало быть, имела своей целью не допустить прецедента независимого представительства рабочих. Решение конгресса 1899 г. следует поэтому расценивать, как первое серьезное поражение либеральной партии.

Социалисты безусловно играли огромную роль в деле популяризации идеи самостоятельного рабочего представительства. Их можно смело назвать крестными отцами рабочей партии. Но они далеко не были в большинстве на том первом с'езде, на котором комитет рабочего представительства—предшественник рабочей партии—был организован. На этом с'езде было течение в пользу того, чтобы новую партию назвать либеральной партией. Сторонники этого течения утверждали, что старая либеральная партия изменила традициям либерализма, и поэтому нужна новая, подлинная либеральная партия. Идея классовой борьбы была резко отвергнута.

Три года спустя—в 1903 г.—молодая организация высказалась против социализма и классовой борьбы, обязав своих кандидатов выступать как трудовых, а не как социалистических кандидатов. С 1904 г. молодая организация выговорила себе полную самостоятельность от конгресса профсоюзов, начав самостоятельное существование, как политическая организация рабочего класса. До 1906 г. организация ограничилась скромным званием

«комитета представительства», но после того, как она в 1906 г. провела 29 членов в парламент, получив 323.195 голосов, она приняла нынешнее свое название Рабочей Партии.

Базой рабочей партии оставались профсоюзы. Медленно и постепенно из состава профсоюзов, а также из состава социалистических организаций, выработался новый кадр политических чиновников рабочего движения. Но ни партия, ни политические чиновники не играли большой роли вплоть до 1918 г., когда рабочая партия провела 57 членов в парламент, собрав 2.244.945 голосов. С этого момента начинается головокружительный рост партии, которая быстро вытесняет и отодвигает на задний план старую либеральную партию, приобретая все больше влияния и веса как в рабочем движении, так и в стране. В 1922 г. партия провела 142 члена парламента, собрав 4.236.733 голоса, в 1923 г. она провела 191 члена парламента, собрав 4.348.379 голосов и, наконец, в 1924 г., после кратковременного существования первого правительства рабочей партии, она проводит 151 члена парламента, собрав 5.487.620 голосов. Из этих цифр явствует, что за шесть лет партия более чем удвоила количество своих голосов и, примерно, утроила количество своих членов в парламенте.

За этот короткий период—с 1918 по 1925 г.—в жизни партии произошла и другая перемена. До 1918 г. рабочая партия представляла из себя федерацию профсоюзов и социалистических организаций. В 1918 г. партия приняла новую конституцию, душой которой был Сидней Вебб. Согласно этой конституции, рядом с федеративными местными организациями возникают и так называемые индивидуальные секции, куда входят лица, не принадлежащие ни к профсоюзам, ни к социалистическим организациям. Сидней Вебб и его сподвижники изображали из себя проповедников социализма среди зажиточных классов. В действительности же они более занимались пропагандой идей либерализма среди рабочих масс. В 1918 г. они открыли двери рабочей партии для проводников либерализма. Новая конституция в обстановке политического роста рабочей партии имела своим последствием приток либеральных, консервативных и всяких других карьеристов и авантюристов в ряды рабочей партии, которая открывала им дорогу к почестям и политическому влиянию.

В 1918 г. рабочая партия выставила 361 кандидата, а в 1924 году она уже боролась в 514 избирательных округах. Выбор кандидатов очень часто зависит от богатства последнего, и местным рабочим организациям слишком бедным, чтобы нести огромные расходы избирательной кампании, приходилось либо выбирать кандидатов богатых профсоюзов, могущих оплатить избирательные расходы, либо же людей, лично располагающих средствами и берущих на себя все расходы, связанные с выборами. Таким образом, рабочая партия за последние 7 лет все более и более наполняется представителями господствующих классов, которые, естественно, помогают правому крылу в его борьбе против кристаллизации рабочего движения. К сказанному надо прибавить, что профсоюзы не всегда намечают в парламентские кандидаты своих лучших людей. Не редки случаи, когда профсоюз, желая избавиться от надоевшего ему бессменного чиновника, отправляет его в парламент. Растущая парламентская фракция, играющая огромную роль в жизни рабочей партии—подчас большую, чем исполком рабочей партии—в очень слабой степени отражает сдвиги в настроениях рабочих масс.

Перейдем теперь к Ливерпулю.

Макдональд и его соратники усердно потрудились, чтобы тщательно подготовить с'езд. Они разработали программу, которую они назвали «согласованной политикой национальной реконструкции и реформы». Не возлагая особых надежд на профсоюзы и на местные организации, они в эту программу включили предложения по всем вопросам внешней и внутренней политики. Искушенные в деле укомплектования с'ездов и проведения резолюций, они уверенно ждали утверждения своей программы Ливерпульским с'ездом. Последние дни профсоюзного с'езда несколько смутили лидеров рабочей партии. Капиталистическая пресса упорно раз'ясняла Макдональду, что некоторые резолюции Скарборо, в частности резолюции об империализме и о проекте Дауэса, являются для него звонкими пощечинами. Макдональд подготовился к бою.

Трудно сказать, чем кончился бы Ливерпульский бой, если бы правительство не пришло на помощь Макдональду. Мы уже отметили, что с'езд в Скарборо происходил под знаком «красной пятницы». Но с'езду в Ливерпуле предшествовала мрачная суббота, когда Болдуин, невзирая на ясное соглашение 31 июля, дал санкцию на сокращение заработной платы горняков. Болдуинское «раз'яснение» июльского соглашения ударило не только по горнякам, но до известной степени развенчало весь профсоюзный конгресс, который не без гордости рассматривал соглашение 31 июля, как свою победу.

Колоссальное значение Болдуинского раз'яснения станет ясным, если мы, забегая несколько вперед, обратимся к специальному с'езду горняков, который открылся 9 октября с. г. Весь год горняки готовились к бою. Это боевое настроение выдвинуло на первый план Кука и Смита, отодвинув на задний план реакционеров, вроде Ричардса и Спенсера. Под знаком этого боевого настроения прошли также выборы в парламент левого кандидата Перселя. Сейчас же после Болдуинского раз'яснения горняки в виде протеста отказались от участия в королевской комиссии, назначенной для исследования положения горной промышленности. Казалось бы, что специальный с'езд горняков должен был всемерно поддержать эту скромнейшую форму протеста против предательского посягательства на заработную плату горняков. Но этого не случилось. Конференция приняла резолюцию, гласящую: «В интересах проведения в жизнь июльского соглашения исполком союза уполномочивается участвовать в работах комиссии по обследованию положения дел в угольной промышленности». Еще характернее то, что на с'езде не было единодушия в протесте против Болдуинского раз'яснения. Меньшинство в 235.000 голосовало против протеста, а за протест было подано 574.000 голосов.

Мрачная суббота—26 сентября—окрылила реакционеров, ослабив левые элементы рабочего движения. К началу боя, таким образом, шансы Макдональда сильн[illegible] увеличились. Его довод, что «провал коммунистических пред[illegible]жений будет источником силы на следующих выборах и даст п[illegible]чи сотни тысяч голосов», приобрел особую силу в обстановке [illegible]ражения горняков. Рабочая партия и конгресс профсоюзов [illegible]вляются как бы соперничающими организациями. Поражени[illegible]дной усиливает тягу к ра[illegible]

другой. События 26 сентября—раз'яснение Болдуина—как бы показало бессилие профсоюзов. Политические «борцы»—избирательные агенты—поражения не знавшие, высоко подняли голову. Профсоюзные делегации покорно и послушно выполняли волю Макдональда в надежде, что он сумеет сорганизовать новое рабочее правительство, которое будет опираться на большинство населения.

Первый бой в Ливерпуле произошел по вопросам об исключении коммунистов. Уже во время этого боя выяснилось, что коммунистическая партия имеет меньше влияния внутри с'езда партии, чем меньшинство на с'езде профсоюзов. Политические чиновники заключили союз с реакционными чиновниками, потерпевшими поражение в Скарборо, и, опираясь на вертикальное деление с'езда по профсоюзам и социалистическим организациям, сумели нанести сокрушительный удар коммунистической оппозиции. За резолюцию голосовало 2.087.000, против—321.000.

Резолюция эта предусматривает только исключение коммунистов из индивидуальных секций, которыми господа Макдональды и Веббы так дорожат. Дело в том, что до сих пор эти индивидуальные секции не оправдали надежд автора конституции 1818 г. Коммунисты играют в них активную роль. Рабочие больше прислушиваются к их голосам, чем к голосам наследников Болдуина и Керзона [1]). В отношении коммунистов—членов профсоюзов—исполком ограничился резолюцией, рекомендующей не выбирать их на с'езды и конференции рабочей партии. За эту резолюцию было подано 2.692.000 голосов, а против 480.000 голосов.

Дальнейшая работа с'езда показала, что за коммунистами идет более или менее сплоченное меньшинство, насчитывающее от 300 до 500 тысяч. Но мы не знаем, какое количество рабочих представляли делегаты различных профсоюзов, которые остались в меньшинстве внутри своих делегаций. Согласно традиции «за» и «против», голосуют секретари делегаций в соответствии с решением большинства внутри делегаций. По всем видимостям, в Ливерпуле реакционные секретари пользовались особым влиянием, и они помогли Макдональду провести его программу «реформы и реконструкции».

Вряд ли стоит подробно останавливаться на этой программе. Она мало чем отличается от обычных произведений социал-реформаторов. Каждая часть программы начинается похвалой по адресу «рабочего» правительства Макдональда, а вся программа в целом еле скрашена расплывчатыми социалистическими фразами. Памятуя лавочника, играющего большую роль во время выборов, авторы программы поясняют ему, что они свой «социализм» будут проводить «парламентскими средствами» и «постепенно», а разумеют они под социализмом соответствующее вознаграждение работников физического и умственного труда.

Компартия в Ливерпуле, в отличие от правых в Скарборо, выступила с развернутой программой классовой борьбы за социализм. Эта программа получила предварительную санкцию большого количества местных организаций. Макдональду поэтому пришлось отстаивать каждый пункт своей программы против коммунистических поправок. Эти поправки его очень злили. Он утверждал, что они не выражают воли местных организаций и

[1]) Сын Болдуина и дочь Керзона состоят членами раб. партии.

что они сфабрикованы Центральным Комитетом компартии. Представители компартии, однако, могли гордо ответить, что их резолюции были поддержаны местными организациями в то время, как Макдональдовская программа реконструкции никакого отклика в низах не встретила. Макдональд пытался заверить с'езд, что он с глубоким презрением относится к той поддержке, которую коммунисты получают на «уличных митингах». Но ведь ясно, что судьба как Скарборо, так и Ливерпуля в конечном счете зависит от «улицы», которая одна может разрешить конфликт между реформизмом и идеей революционной борьбы в английском рабочем движении.

Рабочая улица.

К этой улице мы теперь и обратимся. Скажем еще только, что даже в Ливерпуле макдональдовцам пришлось делать некоторые уступки «улице», и резолюции о проекте Дауэса и об империализме плохо согласуются с той общей линией социал-империализма, которая была столь отчетливо выявлена на прошлогоднем с'езде рабочей партии. Влиянием «улицы» необходимо также об'яснить тот факт, что за резолюцию в пользу поддержки коммунистической газеты «Воскресный Рабочий» было подано 1.143.000 голосов.

Что же представляет из себя современная рабочая улица Англии? Начиная с 1921 г. она все отчетливее чувствует результаты распада английского капитализма. Она кишит безработными, число коих возрастает. Избирательные победы сопровождаются экономическими поражениями. Грань между квалифицированными рабочими и обыкновенными пролетариями стирается. Рабочая улица по инерции продолжает еще следовать за своими испытанными лидерами. Лишенная боевых традиций, она все время колеблется между профсоюзами и рабочей партией, возлагая свои надежды то на «прямое действие», разумея под этим забастовку, то на избирательную урну. Но она вместе с тем инстинктивно чувствует, что в новых условиях нужны новые люди и новые пути.

Конгресс в Скарборо ее не удовлетворил. Он не дал ей нового аппарата борьбы против капиталистического наступления. Ливерпульский с'езд фактически укрепил наступление, развязав языки и руки откровенных фашистов. Доводы коммунистов, подкрепленные действиями фашистов, произведут и уже производят большее впечатление на рабочую улицу, чем они произвели в стенах большого зала Ливерпульского с'езда.

А резолюции с'езда? Компартия назавтра после с'езда выступила с заявлением, что резолюции Ливерпуля в жизнь не будут проведены. Мы уже упомянули о реакционном с'езде профсоюзов в 1894 г. Этот с'езд прошел под знаком решительной беспощадной борьбы против «политиков». А пять лет спустя те же профсоюзы фактически высказались за организацию самостоятельной рабочей партии. В истории английского движения есть и более разительный случай. В 1889 г. с'езд профсоюзов провел буквально все резолюции профсоюзной аристократии. А через год вождь этой аристократии должен был подать в отставку в связи с тем, что забастовка портовых рабочих произвела серьезный сдвиг в профсоюзном движении.

Мы привели примеры, относящиеся к далекому прошлому. Теперь жизнь идет более быстрым темпом. В Плимуте вряд ли можно было предсказать, что через год с'езд профсоюзов поставит вопрос о расширении полномочий Генерального Совета и об установлении боевого контакта с советскими профсоюзами. В Гулле вряд ли можно было предсказать, что через год с'езд примет ленинскую формулу об империализме, отвергнет проект Дауэса и признает необходимость организации фабрично-заводских комитетов.

Верно, что грандиозные перемены последних двух лет мало сказались на физиономии рабочей партии. Есть пессимисты, которые полагают, что рабочая партия постепенно вырождается в социал-демократическую партию европейского пошиба. Это вряд ли так. Базой рабочей партии остаются профсоюзы. Лорды и лордессы, которые вошли в рабочую партию, руководимые, согласно раз'яснения Макдональда, божьим разумом, бессильны оказать влияние даже на индивидуальные секции местных рабочих организаций. Кристаллизация левых устремлений профсоюзных масс, естественно, приведет к тому, что дирижерская палочка выпадет из рук блока реакционных профсоюзных чиновников и либеральных политиков.

До Ливерпуля и на самом Ливерпуле высказывались опасения, что рабочая партия превращается в либеральную партию. Политика Макдональда, а равно резолюции Ливерпуля как бы подтверждают мысль о том, что либерализм в Англии не умер, а что он только перевоплотился. Еще в 1911 году историк политического движения английских рабочих, А. Гемфри, пришел к выводу, что рабочая партия становится крылом либеральной партии.

Мы позволим не согласиться с этим диагнозом. Мы прекрасно понимаем, что бывшие либералы, вроде Макдональда и Гендерсона, не пойдут с рабочими по пути классовой борьбы. Но Макдональды и Гендерсоны без профсоюзов представляют собою жалкую кучку социалистов на словах и либералов на деле. Судьбу рабочей партии решат не они, а профсоюзы, которые двигаются влево под ударами молота капиталистического наступления. С точки же зрения развития идей внутри профсоюзного движения, Гулль и Скарборо являются гарантией того, что либерализм в профсоюзном движении, чем дальше, тем больше, уступает место идеям революционной классовой борьбы.

Г. Яковин.

Итоги Гейдельбергского с'езда германской социал-демократии.

(Организация, тактика и программа социал-демократии после года «стабилизации» капитализма).

I. Об'ективное положение и состояние с.-д. организации.

Успехи, одержанные социал-демократией на ряде выборов последнего года, внушили социал-домекратам (особенно левого крыла) надежды, а многим нашим товарищам опасение, что вместе с «оздоровлением» капитализма оздоровляется и социал-демократия, ее развитие становится все более похожим на развитие довоенное. Это развитие социал-демократии в довоенное время характеризовалось, как известно, двумя основными чертами: 1) систематическим ростом организации и числа получаемых на выборах голосов почти что из года в год и, 2) решительной оппозиционной тактикой социал-демократии в парламентах. Какое значение для нашей партии, особенно для ликвидаторских настроений в нашей партии (и во всем Коминтерне), может иметь подтверждение или опровержение этого утверждения, — само собой разумеется: ведь выставил же еще в 1921 г. один из тогдашних виднейших руководителей нашей партии (в борьбе против ликвидаторства!) тезис, что если капитализм стабилизуется, то будет почва только для социал-демократии довоенного типа, и исчезнет надобность в коммунистической партии!

Чтобы ответить на вопрос, возвращается ли социал-демократия к довоенному состоянию, недостаточно, конечно, исходить только из числа полученных голосов на ряде выборов, проведенных в течение короткого промежутка в несколько месяцев: последнее может быть результатом благоприятно сложившейся предвыборной обстановки и ошибок, сделанных в этот момент противниками. Надо посмотреть, 1) действительно ли избирательные успехи сопровождались соответственным ростом социал-демократической организации и 2) действительно ли социал-демократия намерена и способна перейти к довоенной тактике решительной парламентской оппозиции. Ответ на оба эти вопроса дал только что закончившийся с'езд партии в Гейдельберге.

Отчет, представленный с'езду, указывает на уменьшение числа членов за последний год на 95.583 (с 940.078 к 1 апреля 1924 года до 844.495 к 31 марта 1925 года). Если взять только движение числа членов партии мужчин (так как движение числа женщин обнаруживает меньшую закономерность), то убыло «за первый год стабилизации» 122.259 человек, прибыло новых членов партии 21.108. При этом прибыль новых членов партии была не повсеместна, а замечалась только в семи

из общего числа в 32 округа. Если из этих семи округов выбросить четыре округа, где прибытие новых членов партии было незначительно по величине (во всех четырех 2.406 человек на общее число в 76 тысяч), то заметный прирост имеется только в трех округах, где наша партия была до прошлого года особенно сильна, и где она в результате своих ошибок потерпела особенно значительный уроп в течение истекшего года. Эти округа — Берлин, Бреславль и Рурский бассейн.

Это уменьшение числа членов партии имеет для социал-демократии тем более угрожающий характер, что оно является продолжением давно начавшегося процесса. Если взять цифры за ряд лет, то получается следующая картина:

К началу войны членов партии	1.086.000 чел.	
Во время войны число это резко падает до	243.000 „	(в 1917 г.)
После революции число это снова поднимается до	1.012.000 „	(январь 1919 г.)
И далее повышается ко времени об'единения с правой частью независимой социал-демократии до	1.380.000 „	(октябрь 1922 г.)
За время инфляции идет систематический резкий процесс падения числа членов партии и к концу инфляции социал-демократия имеет	940.078 „	(1 апреля 1924 г).
После принятия плана Дауэса	899.093 „	(1 июля 1924 г).
Далее процесс этот продолжается и к 31 марта 1925 г. партия достигает последней имеющейся цифры в	844.485 „	(31 марта 1925 г.)

При этом надо иметь в виду отмечавшийся многими ораторами на с'езде в Гейдельберге факт, что партия все больше «стареет» по своему возрастному составу, благодаря отсутствию достаточного притока молодых членов партии. В социал-демократии нет статистики возрастов; предложение о введение ее, внесенное гамбургской и бременской организациями, было отвергнуто с'ездом по предложению президиума партии. Но выступавший по этому вопросу бременский делегат заявил, что в Бремене был произведен опыт такого подсчета и оказалось, что членов партии в возрасте 20—30 лет незначительный процент.

Тот факт, что процесс уменьшения числа членов с.-д. партии не приостановился с концом инфляции, бьет в лицо теории редактора «Форвертса» Штампфера, что КПГ есть «инфляционный концерн», который с концом инфляции должен развалиться, как писал он в статье по поводу последнего письма Коминтерна, и что с восстановлением нормального денежного обращения, восстанавливается «нормальное» капиталистическое хозяйство и развитие социал-демократии становится «нормальным». Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что отчет президиума партии пытается это явление об'яснить то тем, что «еще» не исчезли последствия инфляции, то тем, что стабилизация валюты не дала ожидавшегося хозяйственного под'ема!

Но к этому процессу, начавшемуся уже во время инфляции, прибавляется за год стабилизации потеря с.-д. партией значительнейшей части своего политического влияния на государственный аппарат, что составляло ее силу: она потеряла за этот год пост президента, вышиблена из центрального правительства, а также из провинциальных правительств Баварии, Вюртемберга, Тюрингии, обоих Мекленбургов, Брауншвейга,

Ольденбурга, Вальдека и Бремена. Путем отказа от восстановления каких-либо программных требований и сведения своего фактического влияния до нуля она сумела еще только сохранить два министерских поста в Пруссии, четыре в Саксонии и по два или по одному в ряде других мелких «государств».

Но потеря с.-д. партией влияния на государственный аппарат, иначе говоря, то, что она попала в оппозицию и стала снова казаться рабочим массам партией, ведущей классовую борьбу и защищающей интересы рабочих, усилило ее влияние в рабочих массах. Это нашло свое выражение на президентских выборах в добавлении у нее 1.800.000 голосов, почти целиком отвлеченных от кандидата компартии. Вопрос о том, останутся ли эти попутчики с с.-д. или снова в ближайшее же время вернутся к нам, сводится,—помимо вопроса о тактике нашей партии, что я здесь оставляю в стороне,—к вопросу о том, удастся ли левой части с.-д. повернуть тактику партии в сторону классовой борьбы, которую левые с.-д. понимают в смысле решительной парламентской оппозиции, кое-когда прибегающей к внепарламентскому содействию в виде референдума, демонстрации и пр. Гейдельбергский с'езд дал и на этот вопрос определенный **и решительно отрицательный ответ.** Чтобы убедиться в этом, следует рассмотреть борьбу внутрипартийных течений на с'езде по вопросам провинциальной, общегосударственной (внутренней), внешней политики и программы партии.

II. Внутрипартийные течения и «саксонский конфликт».

Слияние правой части независимых с социал-демократией в октябре 1922 г. называлось «об'единением», и рабочие независимцы действительно думали, что им удастся изнутри с.-д. партии «революционизировать» ее тактику, повернуть ее от политики коалиции с буржуазией, во что бы то ни стало, в сторону оппозиции. В то время, как до об'единения с независимыми, Герлицкий партийный с'езд социал-демократии высказался 290 против 67 голосов за вступление с.-д. в большую коалицию со стиннесовской народной партией, в ноябре 1922 г., после вступления независимых, большая коалиция была отклонена 80 против 48 голосов. Когда же после свержения правительства Куно в августе 1923 г. стихийной стачкой германского пролетариата, с.-д. вступила в правительство большой коалиции Штреземана-Гильфердинга, правительство, которое организовало в октябре 1923 г. карательную экспедицию для разгрома законным путем организованного социалистически-коммунистического правительства Саксонии, то это не могло не вызвать особенного недовольства в Саксонии, являвшейся раньше цитаделью независимой с.-д. партии и имеющей давнишнюю левую социал-демократическую традицию.

Чтобы прикрыть фиговым листком законность произведенного нарушения конституции, стоившего саксонскому пролетариату 50 убитых, 150 раненых и бесчисленного количества избитых, контр-революции требовалось создание в Саксонском ландтаге законного правительства. Но в Саксонии с ее абсолютным большинством пролетарского населения, где уже до войны социал-демократия получала 60% голосов, и на этот раз не было

буржуазного большинства. Из 96 депутатов ландтага 40 принадлежало с.-д., 10 коммунистам и только 46 принадлежало буружазным партиям. Тогда правое большинство с.-д. фракции ландтага образовало с.-д. правительство, которое они очень скоро заменили коалицией с демократами, а затем большой коалицией, т.-е. со включением партии католического центра с стиннесовской народной партией, которые в Саксонии являются особо реакционными и открыто монархическими партиями. Так как правые знали, что большинство организаций против этого, то они вступили в большую коалицию за 2 дня до открытия областного партийного с'езда, созванного для решения этого вопроса. Собравшийся 6 января 1924 г. с'езд вынес фракции резолюции недоверия, потребовал немедленной отставки с.-д. министров. Так как последние поддерживались президиумом всегерманской партии, который дал правому большинству фракции в 23 депутата директиву, во что бы то ни стало при всяких условиях оставаться в правительстве, то они и не думали выполнить постановления областной партийной организации. Тогда организация потребовала от 23 депутатов сложения мандатов; так как они и этого не выполнили, то они были исключены из партии. Это привело к расколу соц.-дем. фракции саксонского ландтага на большинство в 23 депутата и меньшинство в 17 депутатов. Вслед за тем исключенные из партии «23» попытались организовывать в Дрездене самостоятельные собрания, что было началом создания параллельной организации. Так как «23» пользовались поддержкой центрального президиума партии против областной организации, то борьба организации против «23» принимала в отдельных случаях форму борьбы саксонской партийной организации, насчитывающей $^1/_6$ часть всех членов партии (больше 130 тысяч), против центрального президиума партии. Во время барматовского скандала саксонские с.-д. газеты (из общего числа двенадцати—11 принадлежат левым) резко нападали на замешанных в скандале вождей партии—Вельса, Гейльмана, Буэра и др. Вместе с саксонцами на президиум партии и на общую партийную линию нападали и другие левые организации: в первую очередь радикально настроенная франкфуртская организация и отчасти тюрингенская, бременская и берлинская.

Обсуждение саксонского вопроса на с'езде, поэтому, могло иметь и более общее политическое значение, если бы левые сумели и решились поставить вопрос принципиально и политически: за коалицию с буржуазией или против нее. Так именно ставил вопрос докладчик правых: «Да, мы нарушили парт-дисциплину,—говорил он,—но мы проводили линию партии. Интересы партии, правильно понятые, выше партийной дисциплины». Докладчик же левых Липинский (самый правый из левых) увернулся от этой постановки вопроса, вдавшись в перечисление тех реакционных мер и вредных для рабочего класса и самой с.-д. партии шагов (увольнение с.-д. чиновников, и пр.), которые проводило за время своего существования коалиционное правительство, хотя правые и президиум партии на это еще раньше коротко отвечали: надо при всех условиях оставаться в правительстве.

Если, тем не менее, левые при возмущении большинства с'езда решились голосовать против предложенного им с'ездом примирительного компромисса и мотивировать это в специальной резко составленной декларации, то об'ясняется это двумя обстоятельствами: 1) что предложенный им «компромисс» означал полное оправдание, восстановление в правах «23» и содержал выражение последним доверия с'езда и 2) что давление на этих, большею частью трусливых «левых» вождей со стороны рабочих с.-д. в Саксонии настолько велико, что они не могли решиться вернуться домой и сказать, что они голосовали за такой «компромисс». Левым вождям нужно было оставить себе возможность говорить пославшим их рабочим: «Мы боролись за наши взгляды на с'езде до последней возможности, не наша вина, если большинство с'езда было против нас. Нам оставалось подчиниться партийной дисциплине».

Но недовольство коалиционной политикой партии, как и решимость вождей эту линию продолжать во что бы то ни стало, обнаружились еще больше в прениях по общей внутренней политике партии.

III. Внутренняя политика партии.

В социал-демократии существует стародавний обычай (который, кстати сказать, нам полезно было бы перенять), что местные организации принимают и вносят предложения к партс'езду, которые публикуются до с'езда и потом обсуждаются на нем. Среди двухсот других предложений на Гейдельбергский с'езд были внесены, партийными организациями рабочих районов Билефельда, Цвикау, Франкфурта на Майне, Гейнгаузена, Ремшейда и др., предложения, требовавшие разрыва с буржуазными партиями и возвращения к «традиционной» тактике классовой борьбы. Наиболее решительно было сформулировано предложение франкфуртской организации, все предложения которой, а также выступления ораторов, отличались особым радикализмом. В том же смысле, хотя и значительно смягченное в своих выводах, было составлено предложение, внесенное группой саксонских делегатов во главе с одним видным «левым», Зайдевицем, обоснованное бывшим коммунистом Паулем Леви. Эта резолюция по требованию левых потом была подвергнута поименному голосованию. В ней указывается на то, что развитие последних месяцев доказало, что все буржуазные партии стремятся провести стабилизацию капитализма за счет рабочего класса, и далее выставляется требование, чтобы фракция рейхстага «во всей предстоящей борьбе защищала бы интересы рабочего класса, не считаясь с буржуазными партиями и с такой остротой, чтобы пролетарские сторонники этих партий увидели в социал-демократах своих представителей».

Обосновывая это предложение, П. Леви указывал на то, что, по его мнению, основным вопросом политической жизни Германии является отсутствие буржуазной левой, как во Франции. Поэтому,—говорит Леви,—социал-демократии выпадает историческая роль быть в оппозиции. Но кроме того, социал-демократия будучи в оппозиции не должна забывать, что ее задачи не ограничиваются буржуазно-демократическими рамками, что она (с.-д.) имеет социалистические цели. Соц.-дем. должна поэтому вести себя в оппозиции не так, как теперь, когда она стремится к мелким победам и достижениям и чувствует себя обязанной заботиться об успехе политики буржуазии, а она должна иметь

в виду конечную цель самостоятельного завоевания политической власти.

Другие ораторы левой говорили резче по форме, но делали еще более жалкие и трусливые политические выводы. «Задача нашей партии,—говорил франкфуртский делегат Леб,—бороться в первую очередь под красным классовым знаменем, а не под черно-красно-золотым национальным знаменем республики. Капитализм стабилизуется на плечах рабочего класса: партия должна бороться за то, чтобы тяжести стабилизации свалить на капиталистов и т. д.». А вывод: «Если вы,—заканчивает он, обращаясь к президиуму партии,—с нами не согласны, если считаете нашу организацию хронически больной, так приезжайте к нам в Франкфурт и поспорьте с нами»...

Особенно резко оппозиция выражает свое недовольство тактикой партии на вторых президентских выборах, когда партия призывала голосовать за кандидата центра Маркса (к сведению тех товарищей, которые думают, что и наша партия должна была голосовать за Маркса, чтобы предупредить выбор Гинденбурга). «Никто из товарищей,—говорит председатель берлинской организации Кинстлер,—не мог понять, как могла наша партия капитулировать перед центром, который показал себя столь реакционным во всех вопросах политики... Вы вчера со смехом констатировали,—продолжает он,—что попытка образования правительства с коммунистами потерпела неудачу, так сознайтесь же, что и многократные попытки коалирования с центром тоже провалились...».

«Наше счастье,—говорит видный лейпцигский делегат Либман,—что Маркс, за которого мы звали голосовать не прошел. Было бы еще хуже если бы проведенные при помощи центра реакционные законы о пошлинах, налогах и пр. были бы проведены при президенте того же центра, выбранном с нашей помощью...».

Эти попытки левой оппозиции укрепить оппозиционную линию и побудить ее отказаться от коалиции с буржуазией, немедленно получили резкий отпор со стороны официальных представителей партийной линии при сочувственном одобрении большинства с'езда. Призывы левых вернуться к классовой борьбе вызывали у них только иронические замечания. «Этих страшных верблюдов классовой борьбы я знаю уже 40 лет, меня ими не удивишь,—говорил Шейдеман после того, как он завоевал себе внимание с'езда указаниями на монархические порядки в рейхсвере и на классовый характер теперешней германской юстиции,—будучи в правительстве, мы как раз ведем классовую борьбу самым резким образом (!). Вернуться назад к довоенной агитационной тактике мы не можем. Наше отношение к государству стало совсем иное. Мы должны входить в правительство каждый раз, когда возможно выработать с буржуазными партиями приемлемую для нас программу минимальных требований...» и т. д. Ему вторил председатель партии (в социал-демократической партии 3 председателя: Вельс, Герм. Мюллер и Криспин) Герман Мюллер (из Франкена): «Я еще на Герлицком партийном с'езде (1921 г.) говорил, что нам не надо употреблять слова классовая борьба, потому что, когда зайдет речь о классовой борьбе, то коммунисты окажутся лучшими «классовыми борцами». Наша задача вести рабочую политику от случая к случаю.

Почему,—риторически спрашивал он,—в королевской Дании, Швеции или Бельгии социалисты оказались призванными к власти до того, как они получили большинство в парламенте, а мы в республиканской Германии не можем рассчитывать быть в ближайшее время у власти?» «Будучи в оппозиции, мы должны вести себя с таким же сознанием ответственности, как и будучи министрами»,—говорил официальный докладчик фракции рейхстага Кейль.

Поименное голосование указанной выше резолюции Зендевица, Леви и других дало в результате 284—против, 85—за. За голосовали представители Саксонии, Тюрингии, Франкфурта, Бремена и части Берлина.

Приблизительно это соотношение голосов выяснилось еще накануне при голосовании резолюции на первый взгляд чисто организационного характера, на политическое значение которой, однако, указал ряд делегатов.

Президиум партии внес поправку к уставу, которой ему предоставляется право облагать местные организации особым обложением для покрытия дефицита центральных предприятий. Речь идет о том, чтобы сделать центральный орган «Форвертс» независимым от идеологического влияния берлинской организации, для чего его надо сделать материально независимым. Поименное голосование по этому вопросу дало 272—за, 74—против. Голосовавшие против составлялись из тех же лиц, которые голосовали за указанную выше резолюцию. По всем другим вопросам (франкфуртской резолюции недоверия большинству членов президиума партии, резолюции в связи с барматовским скандалом, перевыборы нового президиума и пр., и пр.) большинство голосовало сплочено за предложения президиума; необходимые изменения, перемены и пр. производились как бы по команде. Не так сплоченно, но все же довольно дружно голосовало меньшинство по ряду вопросов. Вполне капитулировало оно, однако, помимо голосования об одобрении деятельности президиума, еще по русскому вопросу и свелось к ничтожному меньшинству в шесть человек при голосовании вопроса о программе.

IV. Внешняя политика и русский вопрос.

Уже при открытии с'езда Вельс сделал резкое заявление, содержавшее угрозу репрессиями по адресу соц.-дем. делегатов, ездивших в Советский Союз и делающих благоприятные для последнего отчеты. Докладчик президиума дважды повторил это. Никто из ораторов оппозиции не решился в этой плоскости задеть этот вопрос. Только по докладу Криспина о работах Марсельского конгресса II Интернационала и внешней политике вопрос о России был поднят, и к обсуждению его свелись все прения с'езда по этому пункту порядка дня.

Докладчик Криспин (третий председатель партии, б. независимый)—бездарная личность, употребляемая социал-демократией для торжественной пацифистской болтовни и для рассказывания об «ужасах», виденных им в России во время своего посещения в 1920 году!—долго и скучно рассказывал совершенно не слушавшему его залу об успехах и достижениях Интернационала, чтобы под конец начать патетически говорить о терроре в России.

К этому его докладу была еще накануне внесена резолюция левых делегатов: Леба и др., которая указывала на опасность войны, содержащуюся в германской политике, переходящей от восточной ориентации к западной, благодаря чему Германия втягивается в кольцо, создаваемое Англией вокруг России.

Далее резолюция требовала сохранения «свободных рук» для мирной политики на востоке, а также борьбы против «аннексионистских намерений России», и вместе с тем устранения препятствий для заключения торгового договора с Россией. Несмотря на трусливый и половинчатый характер этой резолюции, она вызвала переполох у заправил с'езда. Германом Мюллером была спешно составлена контр-резолюция, в которой: 1) ни слова не говорилось о гарантийном договоре и о России, 2) не было даже ясного пункта об одобрении постановлений Марсельского конгресса по этим вопросам, где как известно был заключен компромисс, не совсем желательный немцам и 3) содержалось только одобрение вступления Германии в Лигу Наций «в соответствии с постановлением Марсельского конгресса», указывалось какие блага ее ждут от этого, и чем будет Лига Наций в будущем!

В прениях выступила Тони Зендер с горячей критикой деятельности Интернационала, избегающего поставить важнейшие политические вопросы (об участии в правительстве и пр.) из боязни, что в них не окажется единодушия. Она предупреждала против иллюзий насчет мирного характера Лиги Наций, но не сделала никаких политических выводов из этого. После нее выступил тот же многовыступавший левый франкфуртский делегат Леб. Боясь произнести хотя бы одно слово, которое могло бы быть истолковано, как слово сочувствующего Сов. России человека, он, главным образом, бил на то, что, во-первых, социал-демократы против ввязывания в войну с Россией, во-вторых, в России много дешевого хлеба для вывоза за границу, который нужен немецким рабочим и «который большевизмом не заражен». «Если же вы не верите,—говорил он,—что Россия имеет хлеб для экспорта, посмотрите, сколько русского хлеба сейчас продается на Мангеймской (это в 20 минутах езды от Гейдельберга), Франкфуртской и Берлинской биржах». «Хлебный» аргумент произвел на с'езд довольно заметное впечатление. Тогда руководящая клика решилась на ловкий маневр. На трибуну выступил Брейтшейд, специальный оратор, ловкий дипломат, умеющий лгать, производя на слушателей впечатление вполне искреннего человека. В то время как оратор оппозиции не смел сказать ни одного слова, похожего на сочувствие Сов. России, Брейтшейд с большим пафосом заявил, что «мы считаем своим лозунг Интернационала «Руки прочь от Советской России», несмотря на наши разногласия с русскими и немецкими коммунистами». Завоевав себе этим самым внимание, как друг России, он перешел к доказательству того, почему союз с Россией для Германии неприемлем и почему Германия не может заключить сейчас с Россией торгового договора по вине России же.

Первое, по мнению Брейтшейда, нецелесообразно для Германии потому, что это ввязало бы Германию в войну с Англией из-за «сетей, которые Россия плетет на востоке, в Индии и Китае, из якобы пролетарских, а, по нашему мнению, других соображений». По поводу же торгового договора он говорит: «Мы против такого договора с Россией, который бы исключил нас от торговли

с другими азиатскими странами, благодаря требованию России
не предоставлять никакой другой азиатской стране права наи-
большего благоприятствования». Смысл его речи, помимо отвле-
чения внимания с'езда от резолюции, сочувственной Советской
России, был тот, что Брейтшейд как бы говорил: «Россию мы еще
готовы оставить в покое, но пусть она нам и всем импе-
риалистическим государствам не чинит препят-
ствий в эксплоатации азиатских народов».

В таком же духе говорил и Герман Мюллер, с тою только
разницей, что он врал еще более нагло и ссылался, между про-
чим, на свою давнишнюю миролюбивую политику, когда он
в 1919 г. в качестве мин. ин. дел. Германии отверг предложение
Ллойд-Джоржа принять участие в походе на Россию. Мюллер
только «забыл» упомянуть, как много у его правительства было
тогда хлопот у себя дома по борьбе с большевизмом и что для
борьбы против Сов. России руки его правительства были через-
чур коротки.

После этих маневров председатель Вельс сделал предложе
ние о голосовании резолюции Мюллера первой. Так как она ни-
чего в себе не содержала, кроме общепринятых в соц.-демокр.
фраз о Лиге Наций, то она была принята единогласно, после
чего Вельс об'явил, что принятием резолюции Мюллера все про-
чие резолюции по этому вопросу «исчерпаны».

V. Партийная программа.

Кроме указанных трех тактических вопросов, предметом об-
суждения с'езда была еще новая партийная программа. За время
войны и революции социал-демократия фактически сошла с
почвы Эрфуртской программы, все же построенной на идее клас-
совой борьбы и на перспективе обострения классовых противо-
речий. Соответственно этой изменившейся политике социал-де-
мократия приняла в 1921 году на Герлицком партийном с'езде
программу, составленную Фр. Штампфером, программу не только
ревизионистскую, но, по сути дела, демократическую только, а
вовсе не социалистическую. Оба основных пугала ревизионизма—
классовая борьба и обострение классовых противоречий, как и
связанное с этим материалистическое понимание истории—были
старательно и бесследно вычеркнуты. После этого случились
2 факта, которые создали для социал-демократии надобность в
новой программе: 1) социал-демократия об'единилась с независи-
мыми, больше тяготевшими к марксистской терминологии и оппо-
зиционной политике, 2) социал-демократия была после октября
1923 г. и принятия плана Дауэса вытолкнута из правитель-
ства. Считаясь с этими фактами Каутский с Гильфердингом
состряпали проект программы, который должен был удовлетво-
рить разные партийные направления и открывать дверцу для
возможно продолжительного периода вынужденного пребывания
в оппозиции. Сделано это было тем путем, что от Эрфуртской про-
граммы была взята теоретическая часть, в которой экономический
анализ развития капитализма подправлен в ревизионистском духе
(рост средних слоев, ослабление формулировки относительно кон-
центрационных тенденций и пр.) и к ней присоединена паци-
фистско-демократическая часть Эрфутской программы. Как пра-
вильно указал Леви в прениях по программе новый проект от-

ступает от Эрфуртской программы в сторону ревизионизма по следующим пунктам: 1) в ней нет совершенно идеи обостряющихся классовых противоречий и классовой борьбы; избегнуто совершенно упоминание слова классовая борьба. В абзаце, где говорится о средствах для достижения своей цели, обычное в немецком языке слово «Kampf»—борьба, заменено словом «Ringen»—домогательство. 2) Нигде не указан классовый буржуазный характер теперешнего государства. Возражая Леви по этому вопросу, Гильфердинг назвал демократическую республику «абсолютной формой государства», не заслуживающей названия буржуазного государства, так как, по мнению Гильфердинга, демократическая республика есть форма государства, общая и для социализма и для капитализма в последней его стадии. 3) Процесс перехода к социализму изображен эволюционистски и фаталистически, т.-е. в той форме, что постепенно увеличивающаяся концентрация капитала, шедшая и во время войны, и во время инфляции, продолжающаяся и во время стабилизации, постепенно сама по себе приведет к переходу средств производства в общую собственность. 4) За исключением вопроса о Лиге Наций, туманно упомянуто об интернациональной солидарности пролетариата и при этом указаны обязанности партии в отношении своего отечества. Таковы отступления от Эрфуртской программы. Но то, чего не указал П. Леви и чего, он, как ренегат коммунизма, указать не мог—это то, что в программе совершенно обойдена молчанием новая важнейшая проблема, выдвинутая эпохой империализма, именно: колониальная проблема.

В своем докладе Гильфердинг прямо указал, что эпоха финансового капитала вызывает стремление империалистических государств к подчинению себе колониальных народов и что это вызывает у последних освободительные национально-революционные стремления. Эти стремления,—добавляет Гильфердинг,—сами по себе прогрессивны, но они грозят опасностями новых войн и составляют угрозу «европейской цивилизации». Гильфердинг выдвигает идею Соединенных Штатов Европы, идею, империалистический смысл которой раз'яснил в достаточной мере Ленин еще в 1915 г. Гильфердинг опровергает мнение, будто бы идея Соединенных Штатов Европы направлена против Америки, Англии «или даже России». Замечательно, что Гильфердинг в полном соответствии с тем, что говорил накануне Брейтшейд о внешней политике Германии, не находит даже нужным опровергнуть это в отношении колониальных народов. В программе это обходится полным молчанием. «Форвертс» смягчает это империалистическое место речи Гильфердинга, где он говорит об угрожающей европейской цивилизации опасности от пробуждающихся к революции и свободе народов востока и о вытекающих отсюда для Европы задач, и передает его так: «Пробуждение лишенных истории наций должно поощряться посредством разумной политики европейских государств, которые отвергают угнетение других наций и колониальных народов, а также разрушение их культуры и их прав...».

В практическо-политической части интересна еще уступка ревизионизму в вопросе о религии. В новой программе религия об'является частным делом каждого, в том числе и членов партии, при чем партия не берет на себя пропаганды против религии. Это имеет значение в связи с усилением в партии и профсоюзах проповеди «христианского социализма».

Выводы.

Надежды левых социал-демократов и опасения кое-кого из коммунистов за то, что социал-демократия может вернуться к довоенной оппозиционной тактике, разрушены этим первым с'ездом за время перехода с.-д. в оппозицию. Партия закрепила себя организационно, тактически и программно как «государственная» партия, как партия порядка и капиталистического восстановления. Даже будучи в оппозиции, вожди партии считают нужным вести себя с сознанием «ответственности» за внешнюю и внутреннюю политику буржуазии.

Вместе с тем успехи стабилизации настолько очевидно для самих с.-д. непрочны, наступление капиталистической реакции настолько сильно, что радикализация рабочего класса, его пробуждение от теперешнего кладбищенского покоя к массовым действиям совершенно неизбежны. Эта радикализация может принять только формы массовой классовой борьбы вне рамок парламента и в обход демократических форм, вопреки Гильфердингу, утверждавшему обратное. Стать руководителем этой внепарламентской классовой борьбы соц.-дем. ни в каком случае не сможет: ведь с'езд отверг даже все требования референдума (больше десяти районов внесли на с'езд это требование) по вопросу о рабочем дне, пошлинах, налогах и пр., потому что они выходят уже за рамки обычной парламентской рутины!

Н. Ангарский.

Н. Ленин в истолковании „воинствующего“ материалиста.

«...Есть речи,—значенье...»

Сопоставляя отношение Ленина (Н. Тулина) и Плеханова (Бельтова) к нашумевшим в свое время «Критическим Заметкам» П. Струве, я писал [1]), что Плеханов проявил слишком большую уступчивость и мягкость по отношению к Струве, что он «не разглядел его насквозь буржуазной точки зрения по вопросу об экономической политике государства».

Не претендуя на оригинальность своего заключения, я сослался, между прочим, на П. Орловского, который пришел к тем же выводам в своей брошюре «К истории марксизма в России».

Этот, в сущности говоря, вполне установленный взгляд, пытался оспорить т. Ваганян [2]). Все, что можно сказать для защиты позиции Плеханова в этом вопросе, т. Ваганян сказал, но самая защита его до такой степени безнадежна, что доводы нашего «воинствующего материалиста» еще более убедили меня в правильности установленной точки зрения по данному вопросу, т.-е. в слишком большой уступчивости, мягкости и неопределенности позиции Плеханова по отношению к Струве в 1894 г.

Тов. Ваганян, пытаясь дать новое об'яснение фактам, приходит к выводу, что иначе Плеханов и не мог поступить и что его отношение к Струве было единственно правильным.

Разберемся в об'яснениях тов. Ваганяна.

«Одно то, что Ангарский,—пишет тов. Ваганян,—без всякого анализа сравнивает Ленина и Плеханова и их позиции в вопросе, который разрешался при весьма определенных конкретных условиях, которые у этих двух людей были коренным образом различны,—одно это должно навести читателя на размышления насчет сомнительности подобных сопоставлений» („Воин. Мат.», кн. IV, стр. 81).

«Даже царская охранка,—говорит Ваганян,—характеризуя общественную обстановку жизни Плеханова, свидетельствовала о том, что в рядах марксистов полное разложение». Затем убийственная немая вражда, которая окружала «Группу» под влиянием роста народничества, постоянные склоки и борьба различных групп среди марксистов. «Удручающая атмосфера эмигрантской борьбы вокруг мелочей должна была... создать угнетенное состояние... Было ли известно Плеханову то, что происходило

---

1) «Легальный марксизм», стр. 69.

2) В. Ваганян, «К вопросу об отношении революционного марксизма к т. н. «легальному марксизму». «Воинствующий Материалист», кн. IV.

в стране после голода? Вероятно, урывками отдельные факты были известны, общая картина роста влияния марксизма в широких кругах интеллигенции, вероятно, была ему известна. Но, во-первых, «общая картина», во-вторых, само это обстоятельство должно было лишь усилить и усугубить трагическое положение Плеханова...» «Как ни был Плеханов твердо уверен в победе марксизма, как ни настойчивы были его утверждения, что голод неминуемо должен привести к под'ему широкого рабочего движения, но все-таки продолжавшееся после голода внешнее затишье в рабочем движении, рост либерально-народнической и народническо-либеральной «общественности» также должны были много способствовать упрочению такого настроения... Ко всему этому следует прибавить еще отчаянную нужду в деньгах, которая буквально душила всякое предприятие, которая в значительной мере определяла во многих случаях размер революционных выступлений» (стр. 88—89).

Да, настроение у Плеханова в эти годы было не из радостных, но напрасно т. Ваганян валит в одну кучу факты различного порядка. Эмигрантские склоки, оторванность от живой русской действительности, затишье в рабочем движении, невозможность легального выступления против народничества — все это, конечно, не могло не создать у Плеханова угнетенного настроения, но рост либерального движения, вряд ли мог такое настроение усилить. Это совсем не вяжется с той оценкой либерального движения, которому и Аксельрод и Плеханов придавали уже в эти годы столь существенное значение, связывая с ним вопрос о гегемонии пролетариата. Б. Николаевский, редактор «переписки» Плеханова с Аксельродом, свидетельствует, что в этот период, т.-е. в 1893—94 г.г., Аксельрод «работал над оформлением той социологической концепции, которая несколько позднее легла в основу его тактического плана, развитого в брошюрах «Историческое положение... либеральной и социальной демократии» и др. Николаевский сообщает, что эти свои взгляды Аксельрод развивал Плеханову еще в 1893 г. во время Цюрихского Социалистического Конгресса; не даром же Плеханов всегда аттестовал Аксельрода, как «лучшего тактика».

Вот что этот «лучший» тактик писал в первой половине 90-х годов, будучи так же, как и Плеханов, не осведомлен о росте рабочего движения: «В России, где пролетариат сам стоит еще в массе своей на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии в тисках абсолютизма возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии, такая тактика, имеющая историческое оправдание на Западе, у нас была бы утопичной и реакционной... Она ослабила бы непосредственное практическое значение этого движения и препятствовала бы установлению умственного взаимодействия образованных классов и народных масс. Между тем, такое воздействие... имеет в современной России огромное прогрессивное значение, *так как самый бледный либерализм любого интеллигента все же гораздо выше некультурного мировоззрения этих масс*» (курсив мой. *Н. А.*).

Что же удивительного в том, что Аксельрод даже Милюкова и Лаппо-Данилевского в эти годы считает за марксистов, а Плеханов называет их «своими». Выступать при таких усло-

виях против Струве, и к тому же, надо полагать, прекрасно аттестованного Потресовым, как «несомненного» с.-демократа, Плеханов не считал возможным, тем более, что Струве в то время не только возглавлял анти-народническую кампанию, но и являлся одним из лидеров начинавшегося общественного движения [1]), с которым (движением) Аксельрод и Плеханов связывали идею гегемонии пролетариата. Таким образом, об'яснять замалчивание Плехановым псевдомарксистских мыслей Струве только одним желанием сохранить единство антинароднического фронта—значит слишком упрощать дело. Будучи оторван от русской общественной жизни и революционного движения, Плеханов не дооценил всей важности образования «единого фронта» социал-демократов, который мог быть укреплен не только критикой народничества, но и критикой всякого извращения марксизма.

И если в 1893—95 годах Аксельрод «работал» над очередной «концепцией», «формулой прогресса» русской революции и рекомендовал тактику хождения во все слои общества, тактику «взаимодействия» пролетариата и либеральной буржуазии, то уж ни в коем случае он не мог оправдать ленинской тактики борьбы на два фронта: и против народничества, и против буржуазной демократии, выразителем коей уже в то время был Струве.

Именно поэтому Аксельрод и Плеханов упрекали в 1895 г. Ленина за его резкое выступление против Струве, ибо в самом этом выступлении, независимо от вопроса об единстве антинароднического фронта, деятели «Группы Освобождения Труда» не могли не заметить совсем иную тактику, отличную от «концепции» Аксельрода. Отсюда становится понятным и тот упрек, который был сделан в 1895 году Ленину Аксельродом и Плехановым: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом». Вот за что упрекали Ленина деятели «Группы Осв. Труда», а не за то, что он единство марксистского фронта нарушил. За тактику, т. Ваганян, недовольны были Лениным Аксельрод и Плеханов, за «утопичную и реакционную тактику изолирования пролетариата».

Я не знаю, была ли в то время известна Аксельроду и Плеханову нелегальная книга Ленина «Друзья Народа». Думаю, что нет. А ведь именно в этой книге, независимо от «концепции» Аксельрода, Ленин выдвинул вопрос о гегемонии пролетариата в русской революции, выдвинул не в форме лабораторной «концепции» Аксельрода, а в виде живого революционного дела.

«Когда передовые представители его (рабочего класса),—писал Ленин в начале 1894 года,—усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации... тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов (курсив мой. *Н. А.*) свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

[1]) П. Струве был автором гектографированного открытого письма от «общества» к Николаю II от 19 янв. 1895 г.

Ленин прекрасно понимал, что абсолютизму будет нанесен роковой удар пролетариатом, который поднимется во главе всей демократии, но тактика Ленина была прямо противоположна тактике Аксельрода—Плеханова.

В то время, как Аксельрод и Плеханов полагали, что гегемония может быть достигнута уступками, соглашательством, подталкиванием либералов влево, поддержкой Петрункевича против Стаховича,—Ленин защищал необходимость беспощадной критики либералов, разоблачения их половинчатости, нерешительности, постоянной склонности к предательству интересов революции за тепленькое местечко и казенное жалованье. Вот почему неотложной важности задачей деятельности социал-демократов в первой половине 90-х годов Ленин считал работу исключительно среди рабочих, работу организации пропаганды и политической агитации, в то время, как Аксельрод и Плеханов, конечно, не отрицая всего этого, выдвигали еще особую задачу об'единения, организации, привлечения либералов, которая на практике неизбежно должна была выразиться, и впоследствии действительно выразилась, в чистейший оппортунизм и меньшевизм.

«Сумасшедшая дичь!» («Великий русский язык!». *Н. А.*) восклицает наш шумливый материалист по поводу моего утверждения, что «две тактики» соц.-дем. наметились у нас еще в первой половине 90-х годов. Советуем нашему критику вдуматься в следующие слова Ленина в предисловии к сборнику «За 12 лет»:

«Следует обратить внимание читателей,—писал Ленин,—на последние страницы этой книги (т.-е. статьи против Струве в Маркс. Сборнике 1895 г. *Н. А.*), где подчеркиваются положительные в глазах марксиста черты и формы народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это—теоретическая формулировка тех самых положений, «которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в левом блоке на выборах во 2 Думу и в «лево-блокистской тактике». Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционной социал-демократии...». Это предисловие полностью подтверждает правильность моего взгляда о том, что «две тактики» среди русских социал-демократов определенно наметились еще в 90-х годах.

Уже в «Друзьях Народа» Ленин определенно высказался за необходимость для соц.-дем. поддержать демократические требования народничества, т.-е. партии мелкой буржуазии, представляющей интересы крестьянства.

«Ангарский,—пишет Ваганян,—недоволен, что Плеханов не высказал специальных суждений о струвизме и Струве в своей статье, приложенной к «Монистическому взгляду»... дело не в том, доволен ли Ангарский или нет, а в самом факте, что ни в приложении к «Монистическому взгляду», ни в статье «Несколько слов нашим противникам» (кстати, эта статья подписана не Кузнецовым, как заявляет В-н, а псевдонимом Утис),

Плеханов не только не отметил псевдомарксистских взглядов Струве, но своей чрезвычайной уступчивостью и дипломатией только повредил делу.

Наивно было предполагать, что народническая критика не обратит внимания на то, как защищает Плеханов Струве. Обойти молчанием развязное заявление Струве, что «ортодоксией он не заражен» и что «философское обоснование марксизма еще не дано»—было не только невозможно, но и просто вредно. Правда, Плеханов пытался отгородиться от Струве в статье «Несколько слов нашим противникам», но как? «Напрасно г. Н—он,—пишет Плеханов,—так решительно называет эту книгу (книгу Струве. *Н. А.*), никуда не годной. В споре с Н—ом г. П. Струве очень и очень постоит за себя». Отсюда можно сделать вывод, что Плеханов только одну часть книги считает «годной»—ту, которая посвящена критике народничества, «и не годной»—где излагается теория марксизма. Но можно ли проводить столь искусственное разграничение? Ведь Струве критиковал народничество с точки зрения марксиста и, критикуя, противопоставлял народничеству «прогрессивную», «разумную» тактику либерального буржуа—как же это можно было, похваливая Струве за критику народничества, обойти молчанием его практическую политику? Как можно было умолчать, что «точка зрения» Струве есть вульгарное извращение марксизма. Плеханов не только не отмежевался от Струве, но он очень неосторожно взял его под свое покровительство в таких вопросах первостепенной важности, как вопрос о границах возможного государственного вмешательства в экономическую жизнь.

Дементьев в своей известной книге «Фабрика, что она берет у населения и что она ему дает», констатируя быстрый рост капиталистического производства, говорит, что дальнейшее его движение может быть и остановлено, для чего стоит только вспомнить положение: «gouverner—c'est prévoir».

Этот вывод Дементьева,—говорит Бельтов,—«русские ученики Маркса подвергают своему анализу и находят, что остановить в этом случае ничего не возможно», и что Дементьев заблуждается так же, как и другие народники. Далее Бельтов указывает Н—ону на книгу Струве, в которой есть «очень дельное рассуждение о границах возможного в настоящее время государственного вмешательства в экономическую жизнь России».

Этим указанием на «очень дельное рассуждение» Струве, о таком «значении государства» Плеханов как бы солидаризуется со Струве по столь важнейшему вопросу. Как можно было умолчать о тех выводах, которые делает Струве из об'ективной ограниченности государственного вмешательства в экономическую жизнь? Как можно было пройти мимо рассуждений о «прогрессивной», «разумной», «рациональной», буржуазной политике государства по сравнению с утопической политикой народничества? Что значат одни голые рассуждения Струве о границах государственного вмешательства, без его практических выводов из теории? Ведь о них, об этих выводах, прежде всего и шел спор с народниками. Всякий, кто помнит эти интересные годы, знает, сколько недоразумений породили эти рассуждения Струве и его единомышленников. Нередко можно было встретить таких неофитов учения Маркса, которые оправдывали «прогрессивную» политику государства (забывая о конкретном

монархическом государстве) о покровительстве русскому грюндерству и крепкому мужичку.

На это и обратил внимание Ленин в своей известной статье против Струве. «Никогда,—писал Ленин,—не было в России недостатка в людях, всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии, выражающих все эти «долженствования» сильного и крупного капитала раздавить маленький капитал и разрушить его примитивные и патриархальные формы эксплоатации».

«Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов»,—замечает Ленин по поводу рассуждения Струве о «разумности» либеральной, т.-е. буржуазной политики по сравнению с народнической, по поводу рассуждения о прогрессивности политики создания крепкого крестьянства. Замечательно, что на согласие Струве с этой либерально-буржуазной политикой государства Ленин указал еще на заре русского марксизма, а 15 лет спустя тот же Струве, совместно с Гучковым и Столыпиным, «из кожи лезли, чтобы совокупиться и породить бисмарковскую Россию», т.-е. Россию крепких хозяйственных мужичков. (Из письма Ленина к т. И. Теодоровичу).

Посмотрим теперь, что говорит т. Ваганян о выступлении Ленина против Струве в 90-х годах.

«Что представлял собою,—спрашивает Ваганян,—реферат Ленина, который был резче статьи?—и отвечает: это был итог (курсив мой. *Н. А.*) борьбы против абстрактности и догматизма одних и механичности, недиалектичности, нереволюционности других, которую Ленин вел в течение целого года...» «Это было одним из этапов его борьбы с тем кружковым академизмом и догматизмом, которым болели почти все марксистские кружки как столицы, так и провинции». Итак, по мнению Ваганяна, и реферат и замечательная статья Ленина явились не более, как обычным очередным делом, одним из «этапов борьбы» с академическими кружками, не более как «итогом» борьбы против абстрактности и догматизма.

Так опошляет тов. Ваганян исключительное по своему значению выступление Ленина против Струве в период апогея славы лидера легального марксизма. Плеханов, видите ли, не вращался в атмосфере «академических» марксистских кружков, поэтому он и не выступил против Струве, а Ленин вел с ними дискуссию в течение целого года, а затем подытожил эту дискуссию сначала в реферате, а затем и в статье. Так все просто и пошло.

А чтобы эта пошлость имела хотя какую-нибудь видимость обоснования, чтобы доказать, что кружок Струве-Потресова был самым ярким проявлением академизма и что Ленин выступил только против одного из многих и лишь наиболее ярого кружка, т. Ваганян приводит свидетельство Мартова, которое,—увы!—ни в коей мере не укрепляет его безнадежную позицию.

Наблюдения Мартова,—говорит Ваганян,—интересны прежде всего тем, что указывают, что кружок Струве-Потресова был самым ярким проявлением академизма и механического марксизма. Читайте, т. Ваганян, свидетельство Мартова внимательно и не вкладывайте в это свидетельство чуждого ему содержания. Мартов ни слова не говорит об академизме и механичности рассуждений Струве—нет, Мартов со свойственной ему наблюдатель-

ностью обратил внимание прежде всего на то, как вел себя на этом реферате «умудренный» не по летам будущий ренегат. Мартов тогда уже подметил у Струве «отказ интеллигента от революционной активности».

Если еще принять во внимание, что Ленин впервые встретился со Струве поздней осенью 1894 г. и читал свой реферат по поводу вышедших в конце августа «Критических Заметок», то попытка Ваганяна об'яснить выступление Ленина против Струве простым желанием подвести итог дискуссии окажется просто попыткой с негодными средствами.

Если бы наш шумливый, «воинствующий» материалист имел хотя некоторую склонность к изучению сочинений Ленина, то он, может быть, понял бы все историческое значение выступления Ленина против Струве, он понял бы, быть может, что не «подведение итогов» дискуссии с академическим кружком марксистов имел в виду Ленин, выступая против Струве, а необходимость немедленного и решительного отпора тем, кто, прикрываясь теорией Маркса, приветствует либерально-буржуазную политику государства, т.-е. царского правительства, на деле; он понял бы тогда, что выступление против Струве настоятельно диктовалось необходимостью об'единения всех революционных марксистов; он понял бы, если бы внимательно перечитал статьи против Струве и сопоставил ее с «Друзьями Народа», что необходимо было дать отпор огульному со стороны «легального» марксиста отрицанию всей народнической программы в целом и необходимости выделить из нее ее демократическую часть, которую социал-демократы должны всемерно поддержать, развить и дополнить. Он, наконец, понял бы тогда, что смысл выступления Ленина против Струве в 1895 г. заключался в необходимости отгородиться от Струве, как ненадежного марксиста.

Если бы т. Ваганян, рассуждая о периоде раннего марксизма в России, периоде, связанном с первыми выступлениями Ленина, отнесся к этим замечательным годам с тем исключительным вниманием, которого они заслуживают,—он понял бы тогда громадное значение выступления Ленина против Струве—выступления, которое вместе с «Друзьями Народа» тогда уже предопределило всю дальнейшую тактику ленинизма.

Отношение Плеханова к Струве, замалчивание его псевдомарксистских взглядов, как было показано выше, вполне соответствовало той оценке момента, которую выдвигали Аксельрод и Плеханов, и той тактике по отношению к либералам, которую они рекомендовали русским марксистам. Именно поэтому я и оспаривал, и в своей книге, и в статье в «Известиях», правильность утверждения Плеханова, будто сам же Ленин в 1895 г. «приказывал» ему «не стрелять» в Струве. Я оспаривал это утверждение Плеханова, как потому, что оно вообще не вяжется с его отношением к Струве, так и потому, что мы имеем подлинное свидетельство Ленина по этому вопросу, да еще в таком документе, как записка «Как чуть не потухла «Искра».

«Наши заявления,—читаем в записи Ленина,—что мы обязаны быть, елико возможно, снисходительны к Струве, ибо мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 г.г.). Г. В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта дипломатичность поражает крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему Г. Плеханову, будто бы было «приказано» «не стрелять» в Струве, а он привык делать, что приказано (похоже на то!)».

Итак Плеханов утверждает, что в 1895 г. ему было «приказано» «не стрелять» в Струве. Ленин называет это «самообманом» и говорит, что Плеханов так же не восстал в 1895 г. против Струве, как и другие революционные марксисты. Т. Ваганян поддерживает версию Плеханова, и вопреки прямому свидетельству Ленина, да еще такому, как запись в дневнике, заявляет, что «у Плеханова речь идет о «приказе» в 1895 г.» т.-е. о приказе Ленина, и что «Ленин мог советовать Плеханову не выступать против Струве» и что это «вероятнее всего», ибо как раз перед тем, как уезжать за границу, наметились некоторые возможности сближения».

Признаюсь, я испытывал просто стыд, выписывая эти строки нашего критика, ибо «есть речи,—значенье...» В самом деле, Ленин свидетельствует, что заявление Плеханова о том, что ему (Плеханову. *Н. А.*) «приказано было в 1895 г. «не стрелять» в Струве»—дипломатия, самообман; говорит, что «мы сами и Г. Плеханов, в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать», а Ваганян не верит этому прямому, ясному свидетельству Ленина и заявляет, что «Ленин мог (курсив мой. *Н. А.*) советовать Плеханову «не стрелять» в Струве, ибо в то время начиналось уже сближение с легальными марксистами. Более того, из записи Ленина видно, что Плеханов, говоря о «приказе» «не стрелять» в Струве, имел в виду не одно лицо, а будущих редакторов «Искры», а Ваганян, либо по небрежности, либо заведомо, извращает смысл заявления Плеханова и говорит, что у Плеханова речь идет о приказе Ленина. Это извращение и смысла и текста записей Ленина необходимо ему для того, чтобы, во-первых, установить, что Плеханов говорил о приказе Ленина, а не группы лиц, и во-вторых, чтобы доказать возможность и полную вероятность такого приказа со стороны Ленина. Предоставляем судить читателю, как сказываются такого рода приемы доказательств.

В своей брошюре я выставил предположение, что если и был приказ «не стрелять» в Струве, то не в 1895 г., а в 1894 г. и исходить он мог от Потресова. Свои предположения я основываю на следующих датах; в августе—сентябре 1894 г. Потресов, договариваясь с Плехановым в Лондоне об издании «Монистического взгляда», конечно, мог советовать Плеханову «не стрелять» в Струве. Это более чем вероятно, особенно, если принять во внимание, что Потресов в то время был ближайшим единомышленником Струве и что осенью, уже после выступления Ленина с рефератом о книге Струве, на котором присутствовал вернувшийся из Лондона Потресов, наметилась возможность соглашения с легальными марксистами, возникла мысль об издании марксистских сборников. В редакцию сборников от легальных марксистов входили Струве, Потресов, Классон; от кружка революционных марксистов Ленин, Старков и Радченко. Так как всю переписку с Плехановым по делам издательства вел Потресов, то не исключена возможность, что в

конце 1894 г. или в начале 1895 г., когда созрела уже мысль об издании сборников и редакция собирала статьи для него, Потресов, обращаясь к Плеханову за статьей, просил «не стрелять» в Струве. Я говорю «не исключена возможность», ибо в данном случае вопрос о том, писал ли что-либо по этому поводу Потресов Плеханову, может разрешить только сам Потресов, так как в архиве Плеханова писем Потресова за это время не имеется. Что же касается Ленина, то он в эти годы в переписке с Плехановым не состоял, а потому и приказывать ему «не стрелять» в Струве не мог.

Заявление Плеханова, что ему было «приказано» «не стрелять» в Струве совсем не вяжется с теми мотивами, которые приводит Ваганян в оправдание тактики Плеханова. Получается такая цепь противоречий: 1) Плеханов в 1894—95 г.г. считает выступление против Струве, по мнению Ваганяна, бестактным и недопустимым, а потому и не выступает; 2) Плеханов в 1895 г. «рвется в бой» против Струве, но Ленин «дает советы» и «приказывает» «не стрелять»; 3) при личном свидании с Лениным в 1895 г. в Женеве, Плеханов упрекает Ленина за то же, за что и Аксельрод—за неправильную тактику по отношению к либералам, а непосредственно—за статью против Струве.

Но в своих попытках во что бы то ни стало доказать, что Ленин действительно «приказывал» «не стрелять» в Струве, т. Ваганян сначала приводит общеизвестные факты о «полевении» Струве, а потом делает и вывод и том, что при таких условиях Ленин мог-де «уговаривать» Плеханова не выступать против Струве. Нечего сказать, хорошая система доказательств.

От «исследователя» сочинений Плеханова мы в праве потребовать бо́льшего, мы в праве потребовать доказательств того, что Плеханов в 1895 г. настаивал на выступлении против Струве, но таких доказательств тов. Ваганян, конечно, не приведет.

Цитируя слова Ленина из записки «Как чуть не потухла «Искра» («мы сами не без вины...»), Ваганян снова заявляет, что «Ленин несомненно (!) (курсив мой. *Н. А*) имеет в виду свои советы 1895 г.». Наконец-таки, т. Ваганян договорился до того, что он обставлял всякими оговорками и предположениями.

Посмотрим же, какой действительный смысл имеют слова Ленина о том, что «мы сами не без вины в его (Струве. *Н. А.*) эволюции» и что «мы сами, и Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать» (1895—1897 г.г.).

Это записано было под свежим впечатлением переговоров со Струве в 1900 году, переговоров, которые по признанию Ленина имели «историческое» в его жизни значение, а собрание 29/XII подводило итог целой «если не эпохе, то стезе жизни...». «Струве,—читаем в записке Ленина,—показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашем и нахалом».

В то же время споры с Плехановым по вопросу об издательском проекте Струве так обострились, что угрожали самому плану издания «Искры».

Неприятность увеличивалась еще тем,—говорит Ленин в записи от 29/XII,—что по первоначальной передаче дела Потресовым выходило, что «Струве идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны: оказалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка от того, вероятно, что Потресову очень уж хотелось того, чем «манил» Струве, именно политического материала..., а «чего хочется, тому верится», и Потресов верил в возможность, чем манил Струве...».

Итак, с одной стороны, «странная ошибка» Потресова, обострение отношений с Плехановым, который представлял дело так, что Ленин и Потресов хотят «все примирить», и, наконец, угроза возможности осуществления плана издания «Искры»—все это вместе взятое не могло не вызвать у Ленина горечи и раздражения, что и вылилось в словах: «... мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда нужно было восстать» (1895—97 г.г.).

О каком «восстании», о какой «нашей вине» говорит он?

Несомненно, Ленин имеет здесь в виду временный союз со Струве и другими легальными марксистами зимой 1894—95 год. В сгущенной атмосфере переговоров со Струве в 1900 г., переговоров, которые закончились полнейшим разрывом с ним, Ленин пожалел, что Плеханов и он сам не восстали в 1895 г. против Струве, а пошли на «временный союз» с ним.

Два года спустя (в 1902 г.) в «Что делать?» Ленин, возвращаясь к вопросу о союзе с легальными марксистами, спрашивает... «не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов», которые «вошли в этот союз с будущими «критиками»?—и отвечает: «Бояться временных союзов, хотя бы и с ненадежными людьми, может только тот, кто сам на себя не надеется... А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгарном виде). Притом союз был заключен не без всяких условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой «Марксистский сборник»... Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором».

В своей брошюре я, останавливаясь на словах Ленина о том, что мы «сами не без вины», ибо «не восстали тогда, когда надо было восстать», указывал, что Ленин в данном случае не совсем прав: «восстание» им же самим было поднято и даже в весьма резкой форме; в результате этого «восстания» Струве и Потресов до такой степени двинулись влево, что получилась возможность заключения временного союза с ними.

Вот на что намекал Ленин в 1900 г., говоря о «восстании» против Струве, а не на какие-то мифические «советы», которые, как говорит Ваганян, Ленин, «несомненно», давал в 1895 г. Плеханову.

Вообще пора оставить легенду о том, что в 1895 г. Ленин «приказывал» Плеханову «не стрелять» в Струве. Во-первых, Плеханов, как удостоверяет сам же т. Ваганян, не считал возможным в 1895 г. выступать против Струве, а во-вторых, выстрел по Струве был произведен Лениным столь внушительный (статья в марксистском сборнике), что и Струве и Потресов сильно двинулись влево и получилась возможность заключить временный союз с легальными марксистами. Об этом союзе Плеханов не-

сомненно был осведомлен Потресовым, который фактически ведал изданием марксистского сборника. Посылая в этот сборник статью «Несколько строк нашим противникам», Плеханов едва лишь коснулся «наших союзников», как будто бы «союз» налагал на революционных марксистов обет замалчивания явно немарксистских взглядов Струве. Так обстояло дело в 1895 г. Посмотрим теперь, как об'ясняет т. Ваганян молчание Плеханова в 1897 г., когда он сотрудничал в редактируемом Струве журнале «Новое Слово»?

«В стране «молодые» охвачены экономическими тенденциями, за границей, молодые устраивают, во главе с Прокоповичем и Кусковой, фронду против группы... и тут же как раз вслед затем бернштейнианство». Ко всему этому,—говорит т. Ваганян,—надо прибавить, что Струве считал еще себя членом партии и «держал (!) единственный марксистский журнал». «Хотя услуга нам при нужде дорога»,—хотелось бы сказать т. Ваганяну,—но все же за нее «не всяк умеет взяться». В самом деле, в стране и за границей зачинаются «экономизм» и бернштейнианство, П. Струве и Булгаков в «Новом Слове» извращают Энгельса, а Плеханов, главнейший сотрудник журнала, упорно молчит. В письме Ленина к Потресову от 27/VI—1899 г. из Шушенского читаем: «Не понимаю только одного, как м о г Каменский оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса. Не об'ясните ли вы мне этого?» Я не знаю, как это об'яснил Потресов, но не думаю, чтобы его удовлетворило... об'яснение т. Ваганяна. В своих статьях 1897 г. Струве так далеко шагнул вправо, стал высказывать столь ревизионистские мысли, что недоумение Ленина о причинах молчания Плеханова было вполне естественно. Ленин считал большой политической ошибкой то обстоятельство, что Плеханов «не стрелял» по Струве и потому спрашивал Потресова, находившегося в близких отношениях с Плехановым: «не об'ясните ли вы мне этого», т.-е. удивлявшего Ленина молчания Плеханова по поводу явно немарксистских статей Струве.

Посмотрим теперь, как доказывает тов. Ваганян «значительную перемену» в отношениях Ленина к либерализму после свидания с Плехановым и Аксельродом в 1895 г.

Для доказательства такой «перемены» т. Ваганян ссылается на отношение Ленина к протесту «самарцев» по поводу позиции, занятой Струве и Туганом в вопросе о хлебных ценах, дебатировавшемся в 1897 г. в Вольно-Экономическом Обществе.

Сущность спора Струве и Тугана с московскими профессорами, как известно, сводилась к вопросу: какие цены, высокие или низкие, выгоднее для русского сельского хозяйства и как они отражаются на крестьянском хозяйстве?

Московские профессора защищали народническую точку зрения о том, что у нас еще существует натуральное, а не денежное хозяйство, что вопрос о ценах существенной роли не играет, что крестьянам выгоднее низкие цены, так как они весной снова покупают проданный осенью хлеб, и, наконец, что высокие цены выгодны только аграриям.

Туган и Струве, наоборот, доказывали, что низкие цены на хлеб означают регресс и сельско-хозяйственной техники и всего нашего народного хозяйства, что переход к высшим формам хозяйства выгоден не только отдельным группам населения,

но и всей народной массе, на которую ложится вся тяжесть современной экономической и общественной отсталости России.

«Тот факт,—говорил Струве,—что низкие цены способствуют переходу от денежной аренды к натуральной (испольной, отработочной)... красноречиво говорит о том, что низкие цены—решительный тормоз экономического, а тем самым культурного и общественного развития страны».

Конечно, в выступлениях Струве и Тугана революционный марксист, не забывший еще «Критических заметок», не мог не насторожиться и не почувствовать некоторой опасности стать орудием защиты интересов имущих классов, но пугаться самого факта выступления легальных марксистов независимо от характера этого выступления, пугаться поддержать правильное, марксистское выступление против народничества—это значит явно грешить против тактики марксизма. «Бояться временных союзов, хотя бы и с ненадежными людьми,—говорил Ленин, — может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать». Надо помнить, что выступление Струве и Тугана против московских профессоров в Вольно-Экономическом Обществе по времени совпадает с переговорами о покупке «Нового Слова», когда никаких сколько-нибудь серьезных оснований разорвать союз с легальными марксистами не было.

Не потому Ленин в письме к товарищам решительно стал на защиту позиции Струве и Тугана, что 2 года тому назад усвоил «концепцию» Аксельрода и признал необходимым «обернуться к либералам лицом», как это легкомысленно утверждает т. Ваганян, а потому, что позиция Струве и Тугана была правильна, протест же самарцев, и в частности Маслова, совершенно несостоятелен.

Никаких перемен по отношению к Струве и другим легальным марксистам со стороны Ленина с 1895 по 1897 г. не было.

Союз и единство марксистского фронта соблюдались.

Если бы т. Ваганян знаком был с произведениями Ленина, он легко усмотрел бы в его выступлении против самарцев лишь подтверждение тех взглядов по аграрному вопросу, которые Ленин высказывал и в «Друзьях Народа» и в статье против Струве.

«Социал-демократы,—писал Ленин,—всегда поддержат требование устранения... остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же следует сказать и о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов), и социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения,—этого оплота крепостнических учреждений и традиций» («Друзья Народа», стр. 161).

Основная мысль Ленина, высказанная еще в начале 1894 года, заключалась в том, что остатки и пережитки крепост-

ничества в деревне являются сильнейшим тормозом свободному развитию классовой борьбы.

Эта же мысль выражена и в статье «Экономическое содержание народничества».

И, наконец, почти в тех же самых выражениях Ленин высказывается по этому важнейшему вопросу в письме к товарищам из Шушенского (не с дороги ли в Шушенское? *Н. А.*), нападая на Маслова и защищая Струве. В пересланной им (Лениным. *Н. А.*) копии своего ответа Маслову,—говорит Мартов,—и в письме к нам по тому же вопросу он обоими ногами становился на почву Струве-Тугановской постановки задачи, решая ее в том смысле, что высокие цены, убивая кабальные отношения в деревне, подготовляют условия для революции (Мартов, «Записки», стр. 329). Интересно отметить, что к этому времени относится первая попытка отчетливой формулировки Лениным т.-н. аграрной программы с.-д., предпосылкой которой являлась необходимость борьбы с остатками крепостничества в деревне.

Если бы т. Ваганян проследил историю развития взглядов Ленина по аграрному вопросу, начиная с 1894 г. и до II с'езда, когда наиболее отчетливо была формулирована Лениным принципиальная точка зрения марксизма в аграрной части партийной программы,—он, быть может, не опустился бы до неприличия утверждать, что Ленин потому-де высказался в 1897 г. за Струве и Тугана, что они в споре с московскими профессорами защищали «либеральную, буржуазную позицию», поддерживать которую Ленин после свидания в 1895 г. с Аксельродом и Плехановым считал политически необходимым.

На диспуте в Вольно-Экономич. Обществе Струве и Туган защищали против народников необходимость борьбы против кабальных отношений в деревне, защищали экономический прогресс и необходимость развития производительных сил. Этот же взгляд защищали Струве и Туган и в 1894—95 годах, эти взгляды всегда поддерживали революционные марксисты в совместных выступлениях против народничества. Ленин всегда считал легальных марксистов буржуазными демократами и тем не менее союз с ними считал желательным и полезным в интересах единого фронта против народничества.

Никакой «перемены» в отношении Ленина к легальным марксистам вообще и Струве в частности в 1897 г. не произошло и рассматривать письмо Ленина к товарищам по поводу протеста самарцев, как новый поворот в тактике по отношению к либералам,—значит не понимать ни этой тактики, ни тактики ленинизма вообще. Моя статья слишком разрослась, но я далеко не исчерпал еще всех «ошибок» нашего «воинствующего» материалиста. «Ошибки» т. Ваганяна так очевидны, так разительны, что у читателя, естественно, может возникнуть вопрос: да стоило ли вообще опровергать такого рода «ошибки»? На это я должен ответить: «есть речи,—значение...».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ. Промышленность СССР, ее достижения и задачи. Изд. ЦУП ВСНХ СССР. Москва, 1925 г. Стр. 87+18 дгр.

Эта книжка, как указывает редакция в предисловии, «воспроизводит доклад председателя ВСНХ на III С'езде Советов: «О промышленности СССР», пополненный данными тех материалов, которые были выпущены отдельной брошюрой к С'езду, и которые полностью не могли быть использованы в докладе».

Основные задачи, стоявшие перед промышленностью во время III С'езда Советов и анализируемые тов. Дзержинским в его книжке,—сохраняют свой жизненный интерес и в настоящее время; некоторые из них выступают даже в более ярком свете на фоне достижений после-с'ездовского развития.

«Сверхамериканский» темп развития промышленности, в особенности за предпоследний год «восстановительного» периода, должен, согласно «контрольным цифрам», привести нас в 1925—26 хозяйственном году к довоенным нормам. В связи с этим проблемы развития промышленности, как накопление, его темп и источники, реконструкция производительных сил и качество продукции,—становятся чрезвычайно жгучими вопросами общеэкономической и промышленной политики. Решение же этих общих задач упирается в вопрос о поднятии производительности труда, снижении цен, «ножницах», импорте-экспорте, кредитовании промышленности и т. д.

Довоенный уровень нашего хозяйства и промышленности не может для нас быть ни предельным, ни «достаточным, ибо, с одной стороны, потребности за эти годы в стране развились гораздо выше, чем они были до войны, а, с другой стороны, нам необходимо изжить все те жесточайшие и величайшие лишения и опустошения, которые наш Союз пережил за годы империалистической и гражданской войн» (стр. 12). Да и нельзя построить социализм на довоенном уровне хозяйства. Для нас довоенный уровень является лишь тем стартом, от которого движение к социализму начинается на основе действительного развития производительных сил.

В общем народно-хозяйственном развитии промышленность, как производитель «основного капитала», является отправным звеном движения, «ведущим началом». Поэтому «советская национализированная промышленность является основным орудием восстановления всего народного хозяйства СССР в целом и, прежде всего, сельского хозяйства, как основного в СССР».

Наиболее прогрессивная часть производительных сил данного народно-хозяйственного целого обычно представлена в промышленности, которая в условиях нашего советского хозяйства является его социалистическим участком. Только развитие крупной социалистической промышленности «может освободить всех трудящихся, как от опасности капитализма и империализма, так и от стихийных сил природы, поднять до небывалой высоты производительные силы сельского хозяйства»

путем его интенсификации и индустриализации и тем самым «создать условия для быстрого роста культурного и жизненного уровня рабочих и крестьян».

Кроме того, «только развитие промышленности может укрепить и усилить союз рабочих и крестьян—эту базу советской власти—и обезопасить государство от внешней опасности» (стр. 7).

Но не только развитие промышленности, сам темп этого развития имеет первостепенное значение для всего народного хозяйства, так как отставание промышленности от других отраслей задерживает их рост, что мы и наблюдаем в настоящее время по отношению к нашему хозяйству в целом. И, конечно, развитие промышленности, в общем, должно итти в соответствии с ростом всего народного хозяйства.

Однако, откуда наша промышленность может черпать средства для своего накопления, и чем обусловливается его темп?

Общий темп народно-хозяйственного развития обусловливается разностью между совокупностью вновь произведенных материальных благ и потребностями простого воспроизводства.

Наша промышленность средства для своего развития может черпать прежде всего в самой промышленности—поднятием производительности труда и увеличением рентабельности своих предприятий, а также использованием части оборотных капиталов некоторых отраслей, части резервных и амортизационных капиталов.

Относительно более быстрый, чем всего хозяйства, темп развития промышленности в настоящее время, должен иметь место и на ближайший период, так как только в этом случае развивающаяся промышленность сможет удовлетворить растущие потребности других отраслей. В этих целях необходима и целесообразна переброска части общего накопления в народном хозяйстве в промышленность в порядке ли бюджетного ассигнования или банковского кредитования.

Темп накопления в значительной степени обусловливается также социально-экономической природой хозяйства. В этом отношении мы имеем громадные преимущества перед капиталистическим хозяйством: часть прибавочной стоимости, проедаемую буржуазией, мы можем использовать в целях накопления; кроме того, плановое начало нашего хозяйства дает громадную экономию средств, которые в капиталистическом хозяйстве идут на расплату за «несовершенство» его экономической организации.

«Возникает вопрос,—говорит тов. Дзержинский,—откуда же черпать средства для того, чтобы основной капитал не только восстанавливать, но и расширять? Некоторые товарищи перед этим становятся в тупик. Я думаю те, кто не осознал еще всей мощи и всех возможностей, которые таит в себя наш Союз рабочих и крестьян, единение всех наций, входящих в Союз ССР» (стр. 55—56). Конечно, «заграничный кредит быстрее развернул бы нашу хозяйственную жизнь», но и без него наша промышленность имеет огромные возможности развития.

После нэпа отдельные отрасли народного хозяйства восстанавливаются неравномерно. В этом «восстановительном» процессе мы уже имеем тенденции изменений в довоенных количественных нормах соотношений разных отраслей, которые получат свое дальнейшее развитие в реконструктивном процессе народного хозяйства.

Реконструкция хозяйства, прежде всего, выразится в увеличении удельного веса промышленности в общей системе народного хозяйства. Это подтверждают не только общие соображения, но и необходимость развития таких отраслей, как сельскохозяйственного машиностроения, электропромышленности и др., которые до войны находились в зачаточном состоянии.

И в самой промышленности должны измениться довоенные количественные нормы соотношений разных отраслей. Общие тенденции народно-хозяйственного развития показывают, что такие отрасли, как металлопромышленность, электропромышленность, сельско-хозяйственная и др. будут иметь более значительное развитие. Особое развитие должна иметь сельско-хозяйственная промышленность, т. к. она «больше всего касается нашего сельского хозяйства и служит красноречивейшим показателем его культурности и в то же время имеет громадное значение для всей промышленности» (стр. 29).

Сельско-хозяйственная промышленность в С.-А. С. Ш. по своему удельному весу в отношении других отраслей занимает первое место. Некоторые общие черты хозяйственного развития С.-А. С. Ш. и советского хозяйства показывают нам, какие огромные задачи стоят перед этой отраслью. Хотя до войны эта отрасль у нас занимала также первое место, но все же, ее размеры, в сравнении с ее колоссальными возможностями в нашей крестьянской стране, крайне незначительны.

Третьим элементом реконструкции является географическое размещение промышленности. Ф. Э. Дзержинский указывает, что «особый интерес многих товарищей-хозяйственников возбуждает вопрос о постройке новых фабрик и заводов. Они боятся, что новое строительство будет возводиться по старому трафарету в местах существующих предприятий, создание которых очень часто находилось в остром противоречии с основными условиями районирования промышленности: близостью сырья, рабочей силы, пролегания путей сообщения и т. д.

Они советуют,—говорит он далее,—строить новые заводы ближе к сырью. Указания эти правильны, но вовсе не исчерпывают всего вопроса, разрешение которого требует полного учета всех элементов: дешевых путей сообщения, водных путей, дешевой энергии, как топливной, так и электрической, климатических условий и т. д.

Для определения новых мест и районов постройки заводов должна быть проделана величайшая, огромнейшая работа» (стр. 57).

Однако, «нельзя не согласиться с теми, кто говорит, что в городах и крупных центрах новых заводов строить не следует. Строительство должно быть организовано вне городов, создавая тем самым базу для новых промышленных центров. Мы должны в первую очередь строить эти заводы в национальных республиках, именно в отсталых национальных республиках, где вся политика царского режима направлялась к тому, чтобы выжать все соки, не поднимать культурного уровня данной нации, делать ее отставшей, не давать ей промышленности и не давать ей возможности иметь свой пролетариат» (стр. 58).

Техническая реконструкция отдельного предприятия и заведения в настоящее время состоит в использовании новейших технических достижений и методов производства. В основном она выражается в перестройке промышленности на новой энергетической базе, в электрификации и организации ее (промышленности) по системе массового производства. «Система эта возможна лишь при специализации заводов и при проведении стандартизации и нормализации как изделий в целом, так и деталей. Систематически проводимая стандартизация может дать сотни миллионов и даже миллиарды экономии» (стр. 75), так как плановое начало дает возможность использовать технические достижения целесообразнейшим образом и в масштабе всей промышленности.

В деле технической реконструкции наших фабрик и заводов, весьма устаревших в сравнении с достижениями капиталистической техники,

необходимо проделать громадную работу. Но и применение новейших технических достижений капиталистического хозяйства в нашей промышленности должно быть лишь началом той технической революции, которую произведет социализм, создав свою технику, отличную от техники капиталистического хозяйства.

Развитие крупной государственной промышленности, реконструкция ее вещных элементов будет протекать наряду с процессом обобществления производительных сил, устранением противоречий между городом и деревней, созданием новых отношений между людьми в трудовом процессе. Такие отсталые формы промышленности, как мелкая, кустарная и частно-капиталистическая, должны будут уступить свое место развивающейся социалистической промышленности.

Но в настоящее время наша государственная промышленность не может удовлетворить возросшей потребности других отраслей хозяйства; выразителем этого является переживаемый нами товарный голод. Поэтому, а также в целях ускорения накопления в стране и его использования в интересах социалистической промышленности, мы должны допустить и содействовать развитию кустарной промышленности и использовать частный капитал.

«Мы до сих пор,—говорит тов. Дзержинский,—развивая, восстанавливая и приводя в порядок нашу государственную промышленность, не обращали достаточного внимания на огромный резерв, который мы имеем для удовлетворения потребностей страны в кустарной промышленности. Только за последние полгода этот вопрос был поставлен на очередь правительством, частично разрешен и разрешается дальше». Очень часто «крупную промышленность мы рассматривали, как находящуюся—в наших условиях—в противоречии с кустарной и мелкой промышленностью.

Эта точка зрения неправильна, ибо политически и социально многомиллионная распыленная армия кустарей по существу является пролетарской армией. В старое время кустарь был об'ектом эксплоатации, да и сейчас, поскольку мы не уделяем ему достаточного внимания, он является об'ектом эксплоатации скупщиков. Кустари явятся пополнением новых кадров квалифицированных промышленных рабочих, и районы, которые занимаются той или другой отраслью кустарной промышленности, смогут явиться базой для постройки соответствующих новых фабрик и заводов, где механические силы заменят труд человека» (стр. 37).

Основным условием успешного нашего развития «является, однако, плановое хозяйство... Элементами нашего государственного плана в настоящее время являются не столько цифровые выкладки и календарные сроки, в которых мы можем еще тысячи раз ошибаться, сколько установление линии хозяйственной политики в наших условиях и в данное время» (стр. 82). Плановое регулирование в условиях многомиллионного крестьянского хозяйства и общей неустойчивости хозяйственного развития встречает огромные трудности. В настоящее время мы стоим лишь «у начала планового хозяйства».

Книжка тов. Дзержинского отличается содержательным экономическим анализом удачно сгруппированного статистического материала из области нашего хозяйства, и это обстоятельство выделяет ее из обширной экономической литературы о народном хозяйстве. Эта небольшая книжка явится ценным пособием по истории советского хозяйства, в особенности нашей промышленности, начиная с 1921 г. до последнего времени.

Н. Саргин.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ ВЕЙДЕМЮЛЛЕРА ИЛИ БОРЬБА ЗА „КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ“ В ГОСИЗДАТЕ.

В одном из номеров «Правды» т. Г. Мороз указывал, что на складе Госиздата лежит большое количество изданных уже брошюр, но задержанных выпуском в продажу в виду их порнографического содержания.

Читателю повезло, что «недремлющее око» редакторов Госиздата, после напечатания брошюр случайно обратило свое внимание на содержание книжек и задержало их на складе. Однако не всегда бывают такие «удачные» результаты. Чаще книжка все же проскакивает на рынок и преподносится читателю со столь авторитетной маркой Госиздата.

Перед нами лежит книжка К. Вейдемюллера «Иностранный капитал и СССР. Государственное издательство. 1925, стр. 63, тираж 7000 экземпляров.

Известно ведь, какой интерес проявляет теперь наш широкий читатель, наша учащаяся молодежь к вопросам мировой экономики и ее теоретической и описательной постановке. Все растущая роль СССР в мировом хозяйстве, связь существующая между перспективами импорта иностранных капиталов в СССР и темпом развития нашего социалистического строительства вызывает особенный, вполне справедливый, интерес нашего читателя к трудам, посвященным связи СССР с мировым хозяйством, вопросам заграничных займов, концессионным вопросам и т. д. Удовлетворить эти запросы читателя, повидимому, и намеревался ГИЗ, выпуская книжку Вейдемюллера.

Однако, даже поверхностное ознакомление с этой книжкой показывает, что выпуск ее может быть об'яснен либо невежеством, либо преступной невнимательностью редакторов ГИЗ'а.

Мы попытаемся познакомить читателя с теми теоретическими и практическими «откровениями», которые содержит в себе книжка Вейдемюллера. Автор стремится, поставив теоретически проблему экспорта капитала, дать ее конкретное осуществление в отдельных странах и на основе этого наметить перспективы притока в СССР иностранных капиталов.

«Существует ли на мировом рынке капитала предложение, соответствующее спросу, могут ли на нем появиться массы капитала, способные утолить потребность СССР? Если есть, то откуда исходят они и где их нужно искать Союзу?» (стр. 14).

Задача, как видите, не маленькая!

Надо отметить, что у нас до сих пор еще нет ни одного специального труда, посвященного проблемам экспорта капитала. Имеются лишь отдельные главы у Ленина, Бухарина, Гильфердинга, Розы Люксембург. Поэтому с особенным интересом мы подошли к теоретической части труда К. Вейдемюллера.

Первая глава книжки носит сугубо-ученый заголовок «накопление капитала и степень его поглощения в национальном хозяйстве».

Мы не можем себе отказать в удовольствии ознакомить читателя с теми «теоретическими перлами», которыми изобилует эта глава.

Во-первых, что такое капитал? Вейдемюллер дает «исчерпывающее» об'яснение:

> «Та почва, на которой развивается современная хозяйственная жизнь, тот базис, на котором возникают ее разнообразнейшие формы, та основная предпосылка—наконец, которой в значительной сте-

пени определяется не только направление, но и самый темп ее развития—носит на языке современной экономии собирательное название капитал».

«Недаром,—глубокомысленно добавляет Вейдемюллер,—крупнейший из живших до сих пор экономистов, глубокий исследователь и основатель школы научного социализма—этим именем назвал свой крупнейший научный труд».

Вот и не мешало бы вам, достопочтенный автор, заглянуть в этот самый «крупнейший научный труд» вместо того, чтобы самому изобретать новейшие «определения» капитала.

Однако, Вейдемюллер на этом не успокаивается, он продолжает делать новые откровения:

> «Если старая политическая экономия выработала деление капитала на «основной» и «оборотный», если социалистическое учение Маркса построено на строгом разделении форм капитала «постоянного» и «переменного», то современная хозяйственная жизнь, в зависимости от обусловленного хозяйственными потребностями назначения, различает капитал «производственный» и «финансовый», промышленный, «земледельческий» и «торговый», капитал «национальный» (народный) и интернациональный (международный, мировой)».

В огороде бузина, а в Киеве дядька. Вейдемюллер, конечно, старается быть правоверным марксистом и не признает «никаких капиталов», кроме «постоянного» и «переменного». И тут с ним на стр. 20—21 получается довольно неприятный конфуз.

Он дает, по обыкновению, свое «оригинальное» определение «постоянного» капитала.

Выясняется, что «затраты на увеличение постоянного капитала» есть «те затраты, которыми характеризуется состояние производственного аппарата и в которых выражается отношение предпринимателя к источнику своего благополучия. Сюда входят затраты на новые машины и аппараты, здания и т. д.».

Мало того, что Вейдемюллер повторяет зады вульгарной политэкономии об отношениях между людьми и вещами, он делает новаторские «откровения».

Спасибо Вейдемюллеру, а то мы, невежды и не знали, что у Маркса (по Вейдемюллеру) называется постоянным капиталом.

Приходится откинуть все нагромождения Вейдемюллера и предположить, что то, что он называет постоянным капиталом, есть основной, ибо несколькими строчками ниже, п о с т о я н н ы й капитал (о, чудо!) и з н а ш и в а е т с я.

Дальше следуют «размышления» о труде и капитале.

> «В труде олицетворяется динамика хозяйства, тогда как капитал, сам по себе (!? *Дм. Б.*) вне живого человеческого труда (!? *Дм. Б.*) представляет собою его статику.
>
> Труд—это молот, а капитал—наковальня общественного хозяйственного процесса, это та «живая» и «мертвая» вода, при помощи которых седой кудесник—история—выковывает материальную структуру, материальные формы человеческой жизни. Естественно (!? *Дм. Б.*), что то или иное соотношение между этими двумя основными элементами определяет собою степень экономического развития данной страны» (стр. 4).
>
> «Преобладание одного из элементов (труда и капитала. *Дм. Б.*) создает относительный недостаток другого; недостаток одного—излишек другого. Слишком много капитала означает слишком мало труда, слишком много труда—слишком мало капитала».

Приводя в одном месте, таблицу внешней торговли Германии до войны, Вейдемюллер пишет: «Эта таблица—одна из тех, какие способны меланхолически подействовать на любого немецкого патриота».

Теоретические же «откровения» Вейдемюллера «одни из тех», какие способны привести в бешенство мало-мальски грамотного рабфаковца.

Обратимся теперь к «теории» Вейдемюллера в области проблемы экспорта капитала.

> «Накопляющийся в избытке капитал, не поглощаемый производством родной страны, ищет применения в других странах точно так же, как его ищет накопившаяся рабочая энергия, не находящая себе приложения в месте накопления» (стр. 5).

Вот философия экспорта капитала, как ее понимает Вейдемюллер.

Вейдемюллер и в данном случае не только не заглянул в «крупнейший научный труд» Маркса, но оказался ретроградом и в отношении даже Адама Смита.

Уже Адам Смит, несмотря, на ряд своих ошибок в анализе миграции капитала указывал причину, влекущую капитал за границу. В своем «Богатстве народов» он говорит о «более высоком уровне прибыли, получаемой в новых странах, вследствие их неудовлетворенной потребности в капитале».

«Марксисту» Вейдемюллеру следовало бы знать, что в III томе «Капитала» Маркс достаточно ясно формулирует причины экспорта капитала за границу: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог быть помещенным в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой н о р м е п р и б ы л и».

Анализируя причины экспорта капитала, Вейдемюллер даже словцом не обмолвился о н о р м е п р и б ы л и. Повидимому, норму прибыли Вейдемюллер, как и «основной» капитал, относит к вышедшим в тираж понятиям «старой политической экономии».

Другой столь же грубой ошибкой Вейдемюллера является параллель, проводимая между движением капитала и движением рабочей силы, «не находящих себе приложения в месте накопления». Между тем, движение капитала и движение рабочей силы являются двумя противоположными сторонами отношений капиталистического общества.

В то время, как миграция капитала обусловливается нормой прибыли, миграция рабочей силы обусловливается нормой заработной платы.

Это уже достаточно давно, чтобы успеть с этим ознакомиться, об'яснил Н. И. Бухарин в своей книге «Мировое хозяйство и империализм». Он там пишет:

> «Движению р а б о ч е й с и л ы, как одного полюса капиталистических отношений соответствует д в и ж е н и е к а п и т а л а, как другого их полюса. Подобно тому, как в первом случае процесс движения регулируется законом выравнивания нормы заработной платы, во втором, происходит интернациональное выравнивание нормы прибыли».

Всего этого не приметил Вейдемюллер, поглощенный задачей, во что бы то ни стало открыть свою собственную «теорию».

Повидимому, «шедевром» этой теории он считает свой «анализ» того, какие страны вывозят и какие страны ввозят капитал.

По Вейдемюллеру «потребность в вывозе капитала составляет отличительную особенность стран промышленных, а во ввозе капитала нуждаются, как раз страны земледельческие». Это лишний раз доказывает, как далек Вейдемюллер от марксистского понимания причин экспорта капитала.

Характерно уже то, что в приведенной нами выше цитате из его книжки, приводя различные «капиталы», он опускает понятие «монополистического» капитала (финансовый капитал у Вейдемюллера, повидимому, означает банковский, ибо он противопоставляется производственному).

А, между тем, тут-то собака и зарыта. В условиях, характеризующих эпоху монополистического капитала, и таятся причины экспорта капитала, как имманентного закона этой стадии капитализма.

У Вейдемюллера же фигурирует какое-то расплывчатое понятие «промышленной» страны, затирающее действительный смысл экспорта капитала.

Гильфердинг в «Финансовом Капитале» дает ясное представление о движущих силах экспорта капитала.

> «Условие экспорта капитала—различие норм прибыли; экспорт капитала—средство уравнения национальных норм прибыли. Уровень прибыли зависит от органического состава капитала, значит, от уровня капиталистического развития. Чем выше он, тем ниже общая норма прибыли. Это общие условия, определяющие высоту прибыли; они имеют меньшее значение здесь, где речь идет о товарах мирового рынка, цена которых определяется наиболее совершенными методами производства; к этим общим условиям присоединяются еще специальные.
>
> Что касается уровня процента, то в странах, с относительно низким капиталистическим развитием и недостаточной кредитной и банковской организацией, он много выше, чем в развитых капиталистических государствах, к этому еще присоединяется то обстоятельство, что в первых странах в проценте обыкновенно содержатся и части заработной платы и предпринимательской прибыли.
>
> Высокий процент служит непосредственной приманкой для экспорта ссудного капитала. Предпринимательская прибыль здесь выше, потому что рабочая сила чрезвычайно дешевая, а ее относительно низкое качество уравновешивается чрезмерной продолжительностью рабочего времени. Выше предпринимательская прибыль и потому, что земельная рента низкая или номинальная, так как остается еще много свободной земли—свободной или с самого начала или вследствие насильственной экспроприации туземцев—и издержки производств удешевляются низкой ценой земли».

Такова в общих чертах теоретическая часть книжки Вейдемюллера. Мы не можем остановиться на всех, выражаясь мягко, ошибках, которые имеются чуть ли не на каждой странице книжки.

Мы остановимся лишь еще на одном вопросе.

Вейдемюллер пишет:

> «Застывая в денежной форме, капитал начинает обесцениваться. Не спасает его и «золотая форма», ибо и золото, накопляясь во все больших массах, падает в цене. Капитал начинает поедать сам себя, скопившиеся горы золота давят на всю хозяйственную жизнь, в которой обнаруживаются все более и более заметные недостатки. Одним из них является все растущая безвыходная безработица» (стр. 51) и ниже:
>
> «В сущности, экономически современные государства делятся на два типа; на государства с высокой валютой, которые могут покупать, но не могут вывозить и должны вследствие этого сокращать свое производство. К ним принадлежит, кроме Соединенных Штатов, также Англия, в которой вследствие этого точно так же развивается безработица, как она развивается в Америке» (стр. 52).

Вейдемюллер ухитряется здесь на протяжении нескольких строчек понаделать столько ошибок, что в них не разберешься и на нескольких страницах:

1) Вейдемюллер повторяет избитые трафареты о, так называемой, «золотой инфляции, наивно смешивая накопление капитала с накоплением золота, равно как и вывоз капитала—с вывозом золота.

2) Неправильно, что безработица является следствием избытка капитала. Это значит поставить вещи на голову.

3) Неправильно у Вейдемюллера, равно как у Кейнса, с которым у него трогательное единодушие, что безработица является следствием высокой валюты.

Причины английской безработицы (между прочим, откуда взялась американская безработица?) имеют куда более глубокие, хорошо известные причины, лежащие вне сферы денежного обращения.

Невелика ценность и описательной части книжки Вейдемюллера.

Данные, приводимые там, весьма устарели. Какую ценность для анализа возможности вывоза капитала из Германии имеют сведения о банковских депозитах за 1921 год?

В Англии сведения об английском капитале в национальной промышленности и за границей доведены до 1922 г. Задолженность Франции доведена до 1923 г. Эмиссия иностранных ценностей на рынках Нью-Йорка и Лондона доведены до 1 половины 1922 г. А между тем, по всем этим вопросам в иностранных и даже русских журналах имеются свежие, исчерпывающие сведения.

В н и м а т е л ь н о с т ь р е д а к т о р о в Г о с и з д а т а еще и л л ю с т р и р у е т с я и тем, что в 1925 году в ы п у с к а е т с я к н и ж к а, п о с в я щ е н н а я э к с п о р т у к а п и т а л а, и в э т о й к н и г е н и е д и н ы м с л о в е ч к о м н е у п о м и н а е т с я о п л а н е Д а у э с а.

План Дауэса, новейшая форма экспорта капитала, имеющая самый непосредственный теоретический и практический интерес для СССР, не получает отображения в книжке, носящей довольно громкое название «иностранный капитал и СССР».

Мы не можем остановиться на анализе хотя бы и этих устарелых данных, потому что точное указание источников не относится к числу недостатков Вейдемюллера.

Для того, чтобы дать представление читателю о методе и стиле Вейдемюллеровского анализа, приведем несколько наиболее характерных мест.

Оказывается, что секрет успеха британской финансовой политики во время войны об'ясняется тем, что британское правительство «сумело повысить налоги, в особенности подоходный, и добиться (!?) того, что главная часть налогов уплачивается не беднейшими классами населения, а обладателями крупного капитала, банковского и промышленного». Самое интересное в этом то, что Вейдемюллер называет это средство «старым, как мир» (стр. 42). Хорошо было жить на свете английским рабочим!

> «Уступая бездушной экономической необходимости, далекая от идеалов и 14 пунктов Вильсона, промышленность американская щедро дарила тех, кто «дерзко нарушил европейский мир», и тех, кто сражался «во имя прогресса и справедливости» (стр. 42).
>
> «Итак, Соединенные Штаты заняли совершенно доминирующее положение среди государств, вывозящих капитал. Произошло это с чрезвычайной быстротой. Однако, обстоятельство это (какое обстоятельство: быстрота или доминирующее положение? *Дм. Б.*) В такой степени было обусловлено создавшимися явлениями мирового

хозяйства, так властно диктовалось железными экономическими законами, что, происшедшая перемена могла бы быть сравнена только с социальной революцией».

Почему «только» с социальной революцией, а не с японским землетрясением или извержением Везувия?

Почетное место в «экономическом анализе» Вейдемюллера играют, выражаясь языком Канта, трансцендентальные силы.

«Уступая вначале **велениям рока** (курсив наш. *Дм. Б.*), Соединенные Штаты мало-по-малу освоились со своим положением (с необходимостью вывоза капитала. *Дм. Б.*) и стали проводить навязанную им **судьбой** (курсив наш. *Дм. Б.*) политику с полным сознанием и исключительным умением» (стр. 56).

«**Судьбе**» (курсив наш. *Дм. Б.*), однако, было угодно резко прервать ход экономического развития Германии вообще, и роль ее вывозного капитала в частности».

Однако, хватит. Мы полагаем, что и приведенного достаточно, чтобы показать, чем питает Госиздат нашего читателя. Книжка, представляющая собой статьи, печатавшиеся в свое время в сменовеховском «Накануне», о чем из понятной скромности умалчивают и автор и Госиздат, с полным отсутствием какого бы то ни было теоретического стержня, с устаревшими данными, распространяется по СССР в 7.000 экземпляров. И это называется борьбой за качество продукции.

Дм. Бухарцев.

КАРЛ ДИЛЬ И КАРЛ КАУТСКИЙ.

> **«...Каждый делал свои замечания и, улыбаясь, предлагал какую-нибудь новоизобретенную системочку, гипотезочку или иного, подобного недоносочка собственной своей головки».**
>
> **Гейне.**

Эти же слова можно было бы с полным основанием отнести к проф. Карлу Дилю, выпустившему в свет в конце 1924 года вторым, значительно расширенным изданием свою книгу «Диктатура пролетариата и советская система» [1]). Правда, есть маленькая разница: гиттенгенские ночные колпаки, над схоластической мудростью которых смеялся Гейне, предлагали читателю своих недоносочков, улыбаясь, между тем, как профессор Карл Диль выбрасывает в свет свое творение, злобствуя. Это понятно: в обстановке ожесточенной классовой борьбы наука вынуждена выйти из тиши кабинетов на широкую арену общественной борьбы.

Профессора, академики, ученые спускаются с заоблачных высот «чистой науки» и становятся в ряды борющейся с пролетариатом буржуазии, активно творя ее идеологию. Буржуазия остроумно делит между своими агентами участки фронта своей борьбы с пролетариатом: «Каждому по способностям!» И если полицейский творит свое дело с дубинкой и маузером в руках, то буржуазный профессор делает по сути то же самое дело, но только более тонким оружием—пером, с одной стороны, подводя «научный фундамент» под действия буржуазии, засоряя, с другой, мозги пролетариата теориями его либерально-оппортунистических вождей.

[1]) **Karl Diehl**, „Die Diktatur des Proletariats und das Rätesystem", Zweite Auflage. Jena 1924 г.

В ряду буржуазных рыцарей пера профессор Карл Диль занимает не последнее место. Профессор, тем более опасен, что отлично умеет манипулировать цитатами из Маркса и Энгельса и пускать пыль в глаза наивным читателям,—все дело в ловкости рук.

Хотя читатель, знакомый с книжкой сего ученого мужа «Социализм, анархизм и коммунизм», в свое время переведенной на русский язык, мог уже тогда достаточно убедиться, что Карл Диль, несмотря на свое начетничество, не понял толком ни анархизма, ни социализма, ни коммунизма.

У читателя мог бы возникнуть вопрос: стоит ли тратить время на разоблачение заведомо неверных, классово-враждебных нам взглядов почтенного профессора? Нам думается, что с книжкой К. Диля стоит познакомиться по следующим основаниям: «К. Диль является одним из многих немецких профессоров, ведущих атаку на марксизм; одним из явно выраженных идеологов буржуазии, а, с другой стороны, буржуазный профессор в своей аргументации против диктатуры пролетариата выступает в таком единодушии с Каутским, располагает столь сходной с последним аргументацией, что было бы не безынтересно провести кое-какие параллели между высокоученым мужем буржуазной идеологии и не менее высокоученым вождем II Интернационала. Буржуа и социал-демократ ратуют вкупе против революционного пролетариата. Хотя это, правда, и не ново, но все же продолжает оставаться поучительным.

К. Диль выступает на арене политической борьбы не впервые. В 1923 г. он выпустил в свет книжку «Интенсивность труда и 8-часовой рабочий день», где доказывал, что интенсивность труда не находится ни в какой зависимости от продолжительности рабочего времени и серьезно уверял, читателя, что необходимость 8-часового рабочего дня никак не может быть обоснована научно. Если вспомнить только, что это откровение почтенного профессора появилось в 1923 г., в год ожесточенной борьбы пролетариата с буржуазией, то для читателя будет совершенно ясно, что в важнейшем вопросе борьбы между пролетариатом и буржуазией наш профессор недвусмысленно стал на сторону последней.

Приемы борьбы с марксизмом, применяемые его врагами, удивительно шаблонны. Противники марксизма надергивают цитаты из Маркса и Энгельса, разбавляют их своим глубокомыслием и в результате приходят к предрешенному заранее заключению: марксисты-де Маркса не поняли, Маркс совсем не был таким страшным революционером; правда, в молодости Маркс грешил чрезмерной пылкостью темперамента, но в зрелых годах он сам отказался от увлечений поры юности. Так рассуждал Эдуард Бернштейн, так рассуждает Зомбарт, так рассуждает К. Диль.

По мнению К. Диля, хотя «Ленин, Троцкий, Бухарин охотно себя считают марксистами», хотя «известного совпадения взглядов нельзя отрицать», но «весь способ проведения социальной революции, советская система, моментальная полная социализация, террористическая тактика, все это находится в полном противоречии с идеями марксизма». Если это так (а, по авторитетному мнению профессора, это именно так), то ясно, что «большевистская революция проведена не по марксистскому, а по бланкистскому образцу». Подобная оценка большевиков, как бланкистов, отнюдь не оригинальна. Почтенный профессор попросту повторяет давно уже сказанное меньшевиками, а затем неустанно повторяемое Каутским.

Но, как бы то ни было—революция совершилась. Правда, революция протекала не по рекомендуемым К. Дилем и К. Каутским рецептам. Но К. Диль, очевидно, никогда не поймет всей совокупности причин, вы-

звавших революцию, так как революция представляется профессору чем-то случайным, привнесенным извне. По его мнению, «те препятствия в нормальной жизни, которые имели место во время войны и революции, были привнесены извне и не имеют ничего общего с самой структурой народного хозяйства».

Вот поистине замечательно глубокое понимание общественных процессов! Войну и революцию злые люди выдумали. Капитализм не повинен ни в войнах, ни в революциях. Очевидно, поэтому профессор занялся травлей злых людей, навязавших миру такие неприятности, как революция, глядя на которую, выражаясь словами Гейне, «нельзя не благодарить бога, что спокойно лежишь в постели, пьешь хороший кофе, и голова еще крепко сидит на плечах».

После такого глубокого социологического анализа профессор берет быка за рога и начинает научно «крыть» коммунистов и советы.

Большевики—люди опасные. «Вместо суверенитета народа в смысле Руссо, большевики поставили суверенитет пролетариата». «Характерно для диктатуры пролетариата, что только лица, принадлежащие к одному «классу, к рабочему классу, в широком большевистском смысле (!), должны обладать активным и пассивным избирательным правом». Хитрые люди эти большевики: даже рабочий класс понимается ими в каком-то особенном большевистском смысле.

Остановимся немного на этой характеристике диктатуры пролетариата.

Проф. Диль много цитирует Ленина, Троцкого, Бухарина. Но почему-то он не цитирует такой фразы из книжки Ленина «Ренегат Каутский»: «Надо заметить, что вопрос о лишении эксплоататоров избирательного права есть *чисто русский* (курсив Ленина) вопрос, но не вопрос о диктатуре пролетариата вообще». Между тем, по-вашему, почтенный профессор, выходит, что лишение избирательных прав буржуазии есть необходимый аттрибут большевистски понимаемой диктатуры пролетариата. Большевики думают не совсем так, как вам кажется. Думают же они на сей счет вот как: «Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть и так. После войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так, но это *не обязательно* для осуществления диктатуры, это не составляет *необходимого* признака логического понятия диктатуры, это не входит *необходимым* условием в историческое и классовое понятие диктатуры» (курсив Ленина)[1]).

Значит, вы, господин профессор, цитируете то, что вам хочется, а совсем не то, что нужно для получения правильного представления о теоретических взглядах большевиков. То, что, по-вашему, характерно для большевистски понимаемой диктатуры пролетариата, то с точки зрения большевиков совсем не характерно.

Столь же честно поступает и К. Каутский. Посмотрите его книжку «Пролетарская революция и ее программа», или «Диктатура пролетариата» и там увидите, как безбожно путает Каутский, как ловко он цитирует Ленина, не вспоминая даже о выше приведенных цитатах, которые показали бы ему, что вопрос о рамках избирательного права есть с точки зрения Ленина, вопрос не принципа, но революционной целесообразности. Понятно, если буржуазия, следуя рецептам Каутского,

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., том XV, стр. 469.

будет всегда, пользуясь его же выражением, «добровольно уступать»[1]) пролетариату, то отчего же ей и не дать избирательных прав? Но, где же это вы, почтенный, встречали такую милую буржуазию, не у себя ли в Германии?

К. Диль насчет демократии придерживается тех же взглядов, что и Каутский. Профессор пишет: «Когда русская революция добилась всеобщего избирательного права и когда Учредительное Собрание дало пролетариату возможность политического действия, тогда уже не было нужды в насильственном перевороте». Совсем по Каутскому сказано! Как будто сговаривались!

Если проф. Диль (и Каутский также) так «добросовестно» обращается с цитатами из Ленина, то, может быть, с Марксом профессор будет вежливее? Прежде, чем ответить на этот вопрос, посмотрим, как К. Диль излагает Маркса:

«Отношение Маркса к проблеме социальной революции следующее: Маркс не был революционным социалистом в том смысле, что он думал, будто путем насильственного разрушения старых порядков, путем насилия над имущими, может быть построен новый общественный порядок в соответствии с интересами пролетариата. Вот это его существенно отличает от французского социалиста Огюста Бланки». А разница между марксизмом и бланкизмом по К. Дилю, вот в чем: «Бланкистское воззрение находится в полном противоречии с материалистической философией истории, которая означает вполне эволюционное понимание всех общественных событий». Правда, в молодости Маркс грешил революционностью, но в зрелых годах своей жизни он, наконец, понял, «что в странах с строго проведенной демократической конституцией, цели пролетариата могут быть достигнуты и без революции, а строго законными путями». Здесь опять слышна та же старая песня. Ее пел тот же Каутский в своих пасквилях, направленных против революционного русского пролетариата. И Каутский говорит теми же словами, что буржуа Диль: «Германская конституция, рожденная революцией, несмотря на свои недостатки, представляет социалистическому пролетариату достаточно возможности мирного завоевания политической власти»[2]). Не правда ли, какое трогательное единодушие.

Не станем опровергать мнение Карлов Каутского и Диля. Каждый, даже не обучавшийся на рабфаке, знает, что эти взгляды ничего общего с марксизмом не имеют. Но наша задача уже: мы показываем только, что социал-демократ Каутский стоит на точке зрения буржуа Диля. При чем совпадение сие не случайно, ибо поистине Каутский, по выражению тов. Бухарина, является апостолом буржуазии.

Теперь посмотрим, как К. Диль цитирует Маркса. Он приводит следующие цитаты из написанного Марксом и Энгельсом предисловия к немецкому изданию (1872 г.) «Коммунистического Манифеста»: «Как ни сильно изменились условия в течение последнего двадцатипятилетия, но развитые в этом «Манифесте» общие положения в целом сохранили все свое значение и по настоящее время. Некоторые же частности нуждались бы в поправке. Практическое применение этих общих положений, как гласит сам «Манифест», должно всегда и везде находиться в зависимости от исторически сложившихся обстоятельств. Поэтому, не нужно придавать исключительного значения предлагаемым в конце второй главы революционным мерам. Это место следовало бы в настоящее

[1]) „Пролет. Революция“, изд. „Волга“, стр. 105.
[2]) „Пролетарская Революция“, стр. 110.

время изменить во многих отношениях. В виду громадного развития крупной промышленности в последнее двадцатилетие и связанных с ним успехов партийной организации рабочего класса, в виду практического опыта, во-первых, февральской революции и еще более Парижской Коммуны, где в первый раз политическая власть находилась в продолжение 2-х месяцев в руках пролетариата, упомянутая практическая программа местами устарела».

Проф. Диль из этой цитаты делает следующий вывод: «В более новой марксистской литературе партийные товарищи предостерегаются от путчей, потому что неизбежные репрессии приносят много вреда, между тем, как можно добиться куда успешнее тех своих целей, путем постепенного достижения политической власти». Подобного рода вывод из приведенной только что цитаты основан просто-на-просто на, выражаясь мягко, не совсем добросовестном цитировании. Если уже профессор Диль взялся цитировать Маркса, то ему следовало бы продолжить выдержку, чтобы мысль Маркса была доведена до конца, чтобы не получилось ложного представления у читателя. Мы продолжим цитату за Диля: «именно Парижская Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной, и воспользоваться ею для своих собственных целей». (См. «Гражданская война во Франции». Отчет генерального Совета Международного т-ва рабочих — стр. 19 немецкого издания, где это развито подробнее).

Если бы проф. Диль последовал совету Маркса и взглянул в указанную его работу, то он убедился бы, что вывод Маркса отнюдь не сводится к необходимости «постепенного достижения политической власти», но, наоборот, к необходимости революционного разрушения буржуазной государственной машины и что ошибка коммунаров, по мнению Маркса, заключалась именно в том, что они надеялись «просто овладеть готовой государственной машиной», а не направили своих усилий на разрушение этой самой буржуазной государственной машины. Не правда ли, исключительно добросовестно цитирует Маркса почтенный профессор.

Латинская поговорка говорит, что «книги имеют свою судьбу», «свою судьбу» имеют также и цитаты из книг. Приведенная выше цитата из «Коммунистического Манифеста» была в свое время использована Бернштейном в качестве несомненного доказательства, что сам Маркс признавал устарелость революционной программы «Ком. Манифеста».

Карл Каутский, тогда еще революционер, предприняв обстоятельную критику ревизионизма, доказал Бернштейну полную несостоятельность такого утверждения. А что говорит Каутский *теперь* по поводу тех выводов, которые были сделаны Марксом из опыта Парижской Коммуны? Оказывается, что Маркс понимает диктатуру пролетариата «в каком-то переносном смысле», которая, конечно, не имеет ничего общего с большевистским пониманием диктатуры. Также, и по мнению К. Диля, большевистское понимание диктатуры отличается от марксистского, ибо «Маркс, поскольку он вообще говорил о диктатуре пролетариата, не понимает ее в большевистском смысле и никоим образом не противопоставляет ее политическим основам демократии». Совсем по Каутскому, не правда ли?

По мнению Каутского, «то, что 50 лет тому назад было разумно и революционно, стало в настоящее время не только не разумно, но и реакционно». Времена переменились: революционером оказался выживший из ума старичок, между тем, как основоположники научного социализма записаны по ведомству реакции. Времена переменились. Теперь уже Каутский перестал полемизировать с Бернштейном и по случаю 75-летнего юбилея последнего, разразился в Гильфердинговском журнале «Die Gesellschaft» [1]) статей, в которой превозносил не только доблести самого патриарха ренегатов марксизма, но и достоинство его «милой супруги», неизменно поддерживавшей своего мужа, как и полагается всякой добропорядочной жене, во всех его начинаниях.

Зачем понадобилось Каутскому так извращать учение Маркса? Тов. Бухарин дает абсолютно правильный ответ на этот вопрос: «ему нужно максимально напакостить пролетарскому режиму. Поэтому он старается изо всех сил: небо снова как будто покрывается тучами и нужно еще раз основательно выслужиться перед буржуазией. Разве вы, читатель, не знаете, что это называется «Weg zur Macht» («путь к власти»)?..».

Вот еще один пример добросовестного цитирования. К. Диль приводит следующие цитаты из предисловия Энгельса к работе Маркса «Борьба классов во Франции»: «Ирония всемирной истории все ставит на голову. Мы «революционеры», «разрушители», мы несравненно более преуспеваем, пользуясь легальными средствами, чем при нелегальных средствах, направленных к перевороту». Вот этой цитатой Диль иллюстрирует отрицательное отношение Энгельса к революционным методам борьбы пролетариата. Но продолжим цитату: «Партия порядка, как они себя именуют, погибает от ими самими созданного легального положения... Между тем как мы от этой законности приобретаем крепкие мускулы и румяные щеки и выглядим, как вечная жизнь. Но так как мы не столь безумны, чтобы в угоду этим партиям заманить себя в уличную борьбу, то им, наконец, ничего другого не остается, как уничтожить эту самую роковую для них законность» [2]). Что говорит Энгельс в этой цитате? Во-первых, что социал-демократия успешно использовывает всеобщее избирательное право. Во-вторых, что самой буржуазии из-за боязней успехов рабочего движения ничего не остается, как «уничтожить эту самую роковую для них законность». Вот если бы вы, почтенный профессор, доказали, что буржуазия не имеет ничего против демократии, если бы вы доказали, что буржуазная демократия в современных условиях не является просто фиговым листком, покрывающим неограниченное господство, т.-е. диктатуру буржуазии, тогда бы вы могли удивляться, почему пролетариат, находясь в таких райских условиях, стремится к насильственным переворотам. Но ведь в том-то и вся соль, что буржуазия боится действительной легальности рабочего движения, ведя борьбу с ним самыми неконституционными, самыми антидемократическими методами. Ведь буржуазия *уже уничтожила* «эту самую роковую для них законность». А если это так, то хотя бы поэтому может ли пролетариат в *таких* условиях отказаться от своего права на революцию, тем более, что «право на революцию является вообще единственным, действительно «историческим» правом, на котором основаны все без исключения современные государства» [3]). Вам бы, почтенный профессор, следовало бы не только приводить отдельные цитаты, но и постараться вдуматься в них. Тогда бы вы, вероятно, не пришли к такому совершенно ложному выводу, что «диктатура в марксовом смысле будет только выражением того факта, что буржуазия утеряла свое господство, но никак не средством для ниспровержения буржуазии насильственным методом».

Изложив с грехом пополам взгляд большевиков на диктатуру пролетариата, профессор заявляет: «подобный полурелигиозный бред ничего общего с марксизмом не имеет».

---

[1]) См. „Die Gesellschaft“, № 1 за 1925 г.
[2]) Сочинения том III, стр. 23.
[3]) Там же.

«Спор большевиков с Плехановым и группой «Единство» был спором против марксизма».

Профессор здесь выступает перед нами защитником истинного марксизма от революционного «бреда». Но не характерно ли, что одновременно К. Диль выступает и защитником российских меньшевиков? Какая трогательная компания: российский меньшевики, К. Каутский, К. Диль! Вся эта честная компания рьяно защищает Маркса, выступая блюстителем марксистской чистоты и невинности. И это обстоятельство не случайно. Революционный марксизм все более и более овладевает рабочей массой, поэтому буржуазия и ее агентура имеет больше шансов на успех, прикрываясь марксистской фразеологией, нежели выступая против марксизма с открытым забралом. Но тем опаснее подобного рода идеологи буржуазии для рабочего движения. Прикрываясь до нельзя извращенным марксизмом, эти идеологи буржуазии ведут яростную атаку на революционный пролетариат России.

Проф. Диль в своей критике большевиков начинает, как подобает всякому профессору, с «теории», об'являя большевиков немарксистами, а затем переходит к оценке большевистской практики—нэпа—выступая защитником... русских рабочих! Скажем заранее почтенному профессору: русский пролетариат в вашей защите не нуждается. Берите-ка лучше под свою защиту своего коллегу Каутского, ибо легче защищать родное дело, чем чужое.

Как и следовало ожидать, по мнению профессора, «...вся большевистская политика в основном потерпела фиаско». «Диктатура пролетариата кончилась, тем, что коллегиальное господство рабочих заменилось господством отдельных диктаторов над рабочими».

Значит, было время, когда рабочие действительно осуществляли в России свою диктатуру? Проведем и здесь маленькую параллель с Каутским. В своей книге «Диктатура пролетариата», которой была дана столь блестящая отповедь Лениным, Каутский утверждал, что большевики с самого октябрьского переворота господствовали над пролетариатом. Теперь же он признает, что в 20 году «бельшевистский режим в России имел за собой еще большие массы рабочих и крестьян с их энтузиазмом» [1]).

Кутский и Диль изображают дело так, будто раньше-де рабочие поддерживали большевиков, а теперь нет. Зачем это им нужно? Это нужно им лишь затем, чтобы как-нибудь покрепче обосновать свою антибольшевистскую позицию. По совести говоря, и Каутский, и Диль сами не верят убедительности своего аргумента. Ведь сам Каутский выступал против большевистского террора. Но знаете ли вы, почтенные господа, когда этот террор применялся? Террор этот применялся тогда, когда существовало еще «коллегиальное господство рабочих», тогда, когда еще, по признанию Каутского, за большевиками шли рабочие массы. Ну и вояки! Даже концов с концами связать не умеют.

Изменения в народном хозяйстве России, с введением нэпа, по мнению Диля, настолько существенны, что «их можно сравнить с тем переворотом, которому большевики подвергнули предшествующий хозяйственный строй».

Хитрые большевики, по мнению профессора, отказываются от методов военного коммунизма с «удивительной откровенностью».

А теперь посмотрите, как безбожно врет почтенный профессор.

«Раньше промышленностью управляли рабочие, а теперь действительные ответственность и руководство остаются у предпринимателя. Контролирующие государственные инстанции могут играть роль только декорации». Да неужели вы, профессор, не знаете, что все сколько-нибудь крупные предприятия находятся в руках рабочих? Неужели вы не знаете, что наши госорганы, управляющие промышленностью, и рисующиеся вашему расстроенному воображению, только «декорациями» причинили не мало неприятностей, ну хотя бы немецким капиталистам, когда те домогались концессии на Чиатурский марганец? Неприятные «декорации», очень неприятные. И никак их не заменишь другими, более удобными.

[1]) Н. Бухарин, «Международ. буржуазия и К. Каутский, ее апостол.». Стр. 29.

Вот еще номер профессорского вранья: «Основное значение реформы состоит в том, что крестьяне теперь снова могут переходить к индивидуальной собственности и что этот переход облегчен». Интересно узнать, где профессор вычитал, что у нас существует индивидуальная собственность на землю? Врете, почтенный, здорово врете.

Не станем приводить цитаты, иллюстрирующие, сколь неверно понял проф. К. Диль сущность нэпа. И так ведь ясно, что профессор врет, и мы утверждаем, что врет сознательно. Не могло же случиться, что профессору неоткуда почерпнуть данные об истином положении вещей в России. Но если вы, профессор, не удосужились подыскать сколько-нибудь добросовестный материал о положении вещей в Советской России, то вам следовало бы вспомнить поговорку: «не всякому слуху верь». А если бы вы последовали этому совету, то наверно не стали бы верить всяким росказням, будто большевики собираются снова вернуться «к первой большевистской эре». Поверьте, уважаемый: никто не собирается, потому что нет причин собираться.

В нашей заметке мы провели параллель между буржуа и социал-демократами. На взглядах Каутского мы намеренно останавливались вскользь, ибо они и так известны нашему читателю. Вывод из сего сопоставления следующий: социал-демократ Каутский мыслит по буржуазному, а буржуа проф. Диль по социал-демократически. И это не случайно. Наше время вообще характеризуется своеобразным сращиванием социал-демократической и буржуазной идеологии. Но не так-то долго ждать, когда пролетариат применит к г.г. Дилям и Каутским, пользуясь выражением Диля: «лечение лошадиными дозами», от которого будем надеяться, в конечном счете, ни тем, ни другим не поздоровится.

Дм. Вержбловский.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
Л. Каменев.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ:

В редакцию поступили для отзыва следующие книги:

Изд. «Прибой».

Флеер, М.—Хрестоматия по истории Октябрьской революции. Ленинград, 1925 г., стр. 281, ц. 1 р. 20 к.

Карпов, Н.—Аграрная политика Столыпина. Ленинград, 1925, стр. 235, ц. 1 р. 80 к., тир. 5.000.

Дубровский, С.—Столыпинская реформа. Ленинград, 1925 г., стр. 295, ц. 2 р., тир. 4.000.

Сафаров, Г.—Коммунистическая партия при диктатуре пролетариата. Ленинград, 1925, стр. 85, ц. 35 к., тир. 10.000.

Вавилов, И.—Иностранные капиталы в России. Ленинград, 1925, стр. 125, ц. 70 к., тир. 6.000.

Арнот, П.—Империализм и нефть. Ленинград, 1925, стр. 85, ц. 50 к., тир. 10.000.

Быстрянский, В.—Ленин как материалист-диалектик. Ленинград, 1925, стр. 294, ц. 1 р., тир. 10.000.

Виленский (Сибиряков), В.—Японский империализм. Ленинград, 1925, стр. 134, ц. 75 к.

Империалистическая война, ее причины и следствия. Сборник статей под редакцией К. Шелавина. Ленинград, 1925, стр. 140, ц. 50 к., тир. 10.000.

Адам Смит.—Исследование о богатстве народов. Сокращенный перевод под ред. проф. П. Лященко. Ленинград, 1925, стр. 217, тир. 5.000.

Изд. «Новая Деревня».

«Крестьянский Интернационал», орган Международного Крестьянского Совета №№ 6—7, 8—9.

Изд. «Пролетарий».

Семенов, В.—Очерки по истории экономического учения марксизма. Стр. 230, ц. 1 р. 15 к.

Хоррабин, Дж.—Экономическая география мира. Стр. 150, цена 60 коп.

Соболев, М.—Экономическая политика капиталистических стран. Стр. 418, ц. 2 р. 20 к.

Изд. «Ленгиз».

Борьба за партию. Сборник по Ленину. Вып. II и III. Ленинград, 1925 г., стр. 375+136, ц. 1 р. 65 к.+60 к.

Талес, К.—Коммуна 1871 г. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к.

Куделли, П.—Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Ленинград, 1925 г., стр. 165, ц. 1 р. 20 к.

Павлович (Вельтман), М.—Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Ленинград, 1925 г., стр. 256.

Изд. «Книга».

Лебушер.—Гильдейский социализм. Ленинград, 1923 г., стр. 67, цена 60 коп.

Андреев, Н.—К вопросу о понимании закономерности в истории. 1925 г., стр. 103, ц. 75 к.

Гармс, Бернгард, проф.—Кризис мирового хозяйства. 1923, стр. 99, ц. 40 коп.

Кабо, Р. и Рубин, И.—Народное хозяйство в очерках и картинах, т. II. Ленинград, 1925 г., стр. 760, ц. 4 р. 75 к.

№ 21—22

№ 21—22

30 НОЯБРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“